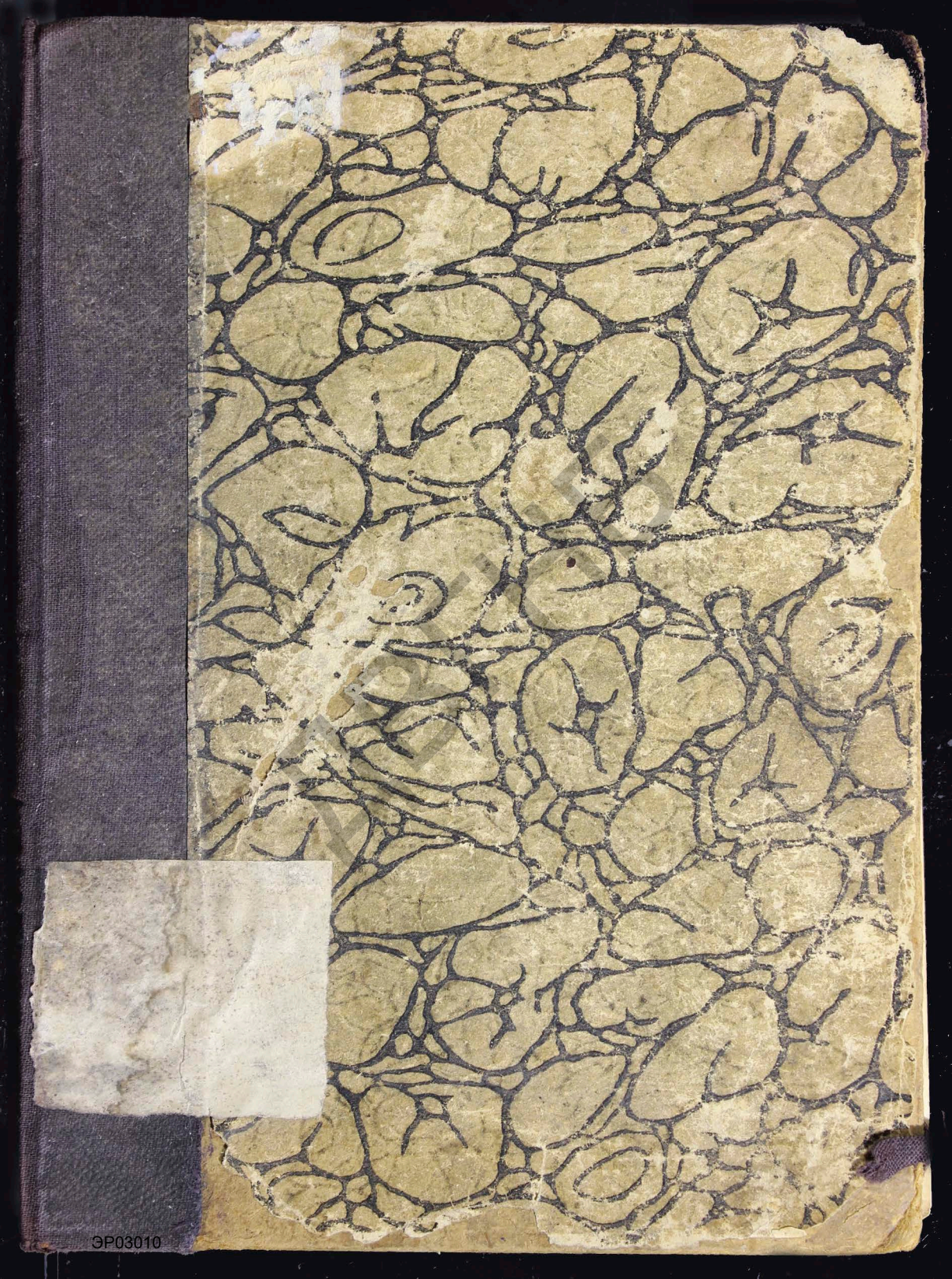
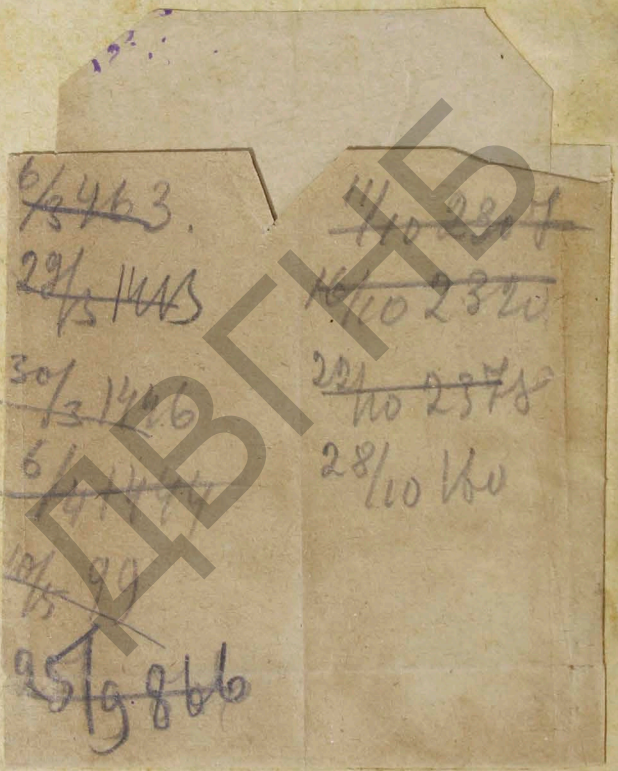

ЭР03010

ДВГНБ

ЭР03010

Н. Муромцевъ VII

2 АПР 1925
ОКТ 1925

ДВГНБ

ЭР03010

ДВГНБ

ЭР03010

Ф. Муромцевъ VII
891.
А.53.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА.
Подъ редакціей А. Е. ГРУЗИНСКАГО.
При ближ. участіи Н. Л. Бродскаго, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова.

XXIII, 4в
РФ Д-535

Выпускъ III.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Составилъ А. Д. АЛФЕРОВЪ.

ДВГНБ

I. Вступительная статья. II. Сочиненія Грибоѣдова. III. Изъ писемъ и замѣтокъ Грибоѣдова. IV. Пушкинъ о Грибоѣдовѣ и его пьесѣ. V. Изъ „Записокъ современника" С. П. Жихарева. VI. Грибоѣдовская Москва въ перепискѣ М. А. Волковой съ В. И. Ланской. VII. Библіографическія указанія.

Д-в Краевая
ПРОВЕРЕНО 1928 г.
БИБЛІОТЕКА
ДВГНБ
Хабаровск Краснознам

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
Москва. — 1910.

ДВ
государственная
научная библиотека
ЭР03010

ИЮН 1925

Проверено
19 г.

Проверено
1940 г.

ДВГНБ

ЭР03010

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ редакціи „Историко-литературной Библіотеки“.	V
Предисловіе составителя	VII
Грибоѣдовъ и его время, статья А. Д. Алферова	1
Сочиненія А. С. Грибоѣдова:	
Горе отъ ума	27
1812 годъ	123
Грузинская ночь	127
Отъ Аполлона	135
Посланіе кн. А. И. Одоевскому	—
Домовой	136
Изъ писемъ и замѣтокъ А. С. Грибоѣдова	137
Грибоѣдовъ и его время въ воспоминаніяхъ современниковъ:	
А. С. Пушкинъ о Грибоѣдовѣ и его пьесѣ	169
Изъ „Записокъ современника“ С. Жихарева	173
Изъ переписки М. А. Волковой съ В. И. Ланской . .	203
Указатель литературы о Грибоѣдовѣ	227

ЭР03010

ДВГНБ

ЭР03010

Отъ редакціи „Историко-литературной Библіотеки".

Важность основательнаго знакомства съ исторіей родной литературы все яснѣе сознается въ наши дни, и интересъ къ ней растетъ, выходя далеко изъ рамокъ школы и захватывая широкіе круги общества. Для удовлетворенія этого интереса имѣются общіе историческіе обзоры различнаго типа, начиная съ краткихъ школьныхъ учебниковъ, кончая солидными научными трудами и большими коллективными предпріятіями, разсчитанными на широкій кругъ образованной публики. Это не покрываетъ, однако, всѣхъ потребностей общества.

Старый способъ изучать литературу, главнымъ образомъ, заочно, по историческимъ очеркамъ и характеристикамъ, вполнѣ заслуженно отходитъ въ область преданій, и безъ хорошаго знакомства съ подлиннымъ литературнымъ матеріаломъ теперь трудно себѣ представить преподаваніе даже въ заурядной средней школѣ. Между тѣмъ въ нашей педагогической и популярно-научной литературѣ далеко не все сдѣлано для облегченія такого знакомства. По исторіи литературы до XIX в. существуетъ, по крайней мѣрѣ, рядъ хрестоматій, но для XIX столѣтія такихъ трудовъ почти нѣтъ. Всѣ главныя литературныя направленія этого времени уже сдѣлались достояніемъ науки и могутъ изучаться въ историческомъ освѣщеніи, такъ же, какъ и лучшіе

ЭР03010

наши писатели, почти всѣ включенные уже въ программу средней школы. Конечно, существуютъ полныя собранія сочиненій классиковъ, но при историко-литературномъ изученіи очень важно бываетъ обращаться и къ другимъ источникамъ, напримѣръ, къ письмамъ, къ воспоминаніямъ современниковъ, а это часто трудно и громоздко (переписка Гоголя, напримѣръ, отдѣлена отъ его сочиненій и одна занимаетъ 4 тома). При изученіи же литературныхъ направленій и общественныхъ теченій необходимо привлекать обширный и разнообразный матеріалъ, разбросанный и малодоступный, такъ что волей-неволей приходится прибѣгать къ общимъ обзорамъ чаще, чѣмъ желательно, т.-е. возвращаться къ старой системѣ заочнаго знакомства изъ вторыхъ рукъ.

«Историко-литературная Библіотека» имѣетъ въ виду облегчить правильное изученіе нашей литературы прежде всего за XIX вѣкъ. Съ этой цѣлью выпускается въ свѣтъ первая серія книжекъ: Гоголь, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Западничество, Славянофильство. Каждая книжка, приблизительно въ 10 печ. листовъ, будетъ содержать: 1) избранныя сочиненія писателей въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо, подборъ важнѣйшихъ ихъ писемъ, выдержки изъ мемуаровъ современниковъ,—словомъ, все характерное для отдѣльнаго писателя или для цѣлаго направленія; 2) примѣчанія; 3) вводную руководящую статью. Составленіе каждой книжки редакція поручаетъ отдѣльному компетентному лицу. Въ первой серіи участвуютъ: *В. В. Каллашъ*, *А. Д. Алферовъ*, *Н. А. Заозерскій*, *Ѳ. Ѳ. Нелидовъ* и *Н. Л. Бродскій*.

ЭР03010

Предисловіе составителя.

Предлагаемый сборникъ имѣетъ въ виду дать, съ одной стороны, классное пособіе для изученія Грибоѣдова и его времени, а съ другой—и книгу для самообученія. Вводная статья о Грибоѣдовѣ не ставитъ себѣ задачей дать біографическія свѣдѣнія о немъ, а согласно самому заглавію представляетъ попытку выяснить нѣсколько личность писателя и его связь съ его временемъ. Съ этой же цѣлью приведены, кромѣ его сочиненій, часть его писемъ и замѣтокъ. Съ тою же цѣлью присоединены къ книгѣ и воспоминанія современниковъ Грибоѣдова, на первомъ мѣстѣ среди которыхъ естественно стоитъ Пушкинъ. Мы рѣшились привести здѣсь и отзывъ его о самой комедіи, не вводя въ книгу вообще критическихъ статей о Грибоѣдовѣ; мы рѣшились привести отзывъ Пушкина о комедіи не только потому, что это отзывъ Пушкина, но и потому, что отъ самаго отзыва вѣетъ переживаніями современника: Пушкинъ «слушалъ Чацкаго», какъ слушали и восхищались имъ тогда всѣ мыслящіе люди.

Критическихъ статей о «Горѣ отъ ума» мы не помѣщаемъ: во-первыхъ, намъ хотѣлось дать въ руки учащихся прежде всего матеріалъ фактовъ, которые послужили бы основой для составленія собственнаго мнѣнія и выраженія его въ письменныхъ работахъ, а во-вторыхъ, введеніе критики очень расширило бы за-

ЭР03010

дачу книги и слишкомъ бы ее удорожило. Нѣкоторыя указанія критическихъ статей о Грибоѣдовѣ помѣщены въ концѣ книги. Быть можетъ, настоящая книга послужитъ не только для классныхъ работъ и для самообученія, но въ ней найдутъ нѣкоторое удовлетвореніе и люди, вообще ищущіе образовательнаго чтенія.

А. Алферовъ.

Москва. 19 мая, 1909 г.

ДВГНБ

ЭР03010

Грибоѣдовъ и его время.

Пьеса Грибоѣдова написана во вторую половину царствованія Александра I, когда либеральныя стремленія начала царствованія встрѣтили значительное противодѣйствіе въ консервативно настроенномъ большинствѣ, когда общественныя и литературныя мнѣнія очень раздѣляли русское общество.

Съ какими же литературными и общественными теченіями встрѣтился въ это время Грибоѣдовъ? Въ какихъ теченіяхъ чувствовалъ родное для своей души? Съ какими разошелся? Какое мѣсто занялъ и какъ художникъ, и какъ мыслящій человѣкъ въ движеніи нашей культуры?

Это мѣсто было своеобразно.

Если бы пожелать перенестись мыслями и чувствами въ жизнь тогдашняго большинства, то это можно сдѣлать очень легко, припомнивши начало одной изъ повѣстей Л. Толстого: «Въ 1800-хъ годахъ, въ тѣ времена, когда не было еще ни желѣзныхъ, ни шоссейныхъ дорогъ, ни газоваго, ни стеариноваго свѣта, ни пружинныхъ низкихъ диванovъ, ни мебели безъ лаку; въ тѣ наивныя времена, когда изъ Москвы, выѣзжая въ Петербургъ, въ повозкѣ или каретѣ, брали съ собой цѣлую кухню домашняго приготовленія, ѣхали восемь сутокъ по мягкой, пыльной или грязной дорогѣ и вѣрили въ пожарскія котлеты, въ валдайскіе колокольчики и бублики; когда въ длинные осенніе вечера нагорали сальныя свѣчи, освѣщая семейные кружки изъ двадцати и тридцати человѣкъ,—на балахъ въ канделябры вставлялись восковыя и спермацетовыя свѣчи; когда мебель ставили симметрично; когда наши отцы[1]) были еще молоды не однимъ отсутствіемъ мор-

[1]) Для нашего поколѣнія—дѣды и прадѣды, и далѣе также—бабушки и прабабушки.

ЭР03010

щинъ и сѣдыхъ волосъ, а стрѣлялись за женщинъ, и съ другого угла комнаты бросались поднимать нечаянно и не нечаянно уроненные платочки, наши матери носили коротенькія таліи и огромные рукава и рѣшали семейныя дѣла вниманіемъ билетиковъ... въ наивныя времена масонскихъ ложъ, мартинистовъ, тугендбунда, во времена Милорадовичей, Давыдовыхъ, Пушкиныхъ — въ губернскомъ городѣ К. былъ съѣздъ помѣщиковъ».

Этотъ мирно живущій слой русскаго общества, такъ картинно обрисованный Л. Толстымъ, составлялъ основной фонъ старшаго поколѣнія, читавшаго тогдашнихъ знаменитостей, или уже сошедшихъ со сцены, или близкихъ къ нимъ по своимъ настроеніямъ. Здѣсь любили декламировать что-нибудь изъ Хераскова, потолковать о высокомъ штилѣ, повосторгаться пареніемъ «сѣвернаго орла» Державина. Здѣсь не благоволили даже къ Карамзину, о произведеніяхъ Жуковскаго иногда и не подозрѣвали; на литературныхъ собраніяхъ у Державина «было замѣтно обидное равнодушіе къ московскимъ поэтамъ... Жуковскому, Пушкину» [1]), по словамъ Жихарева, посѣщавшаго эти собранія; на одномъ изъ этихъ собраній даже были удивлены, когда Жихаревъ продекламировалъ элегію «Сельское кладбище» въ переводѣ Жуковскаго, и притомъ присутствующіе не выразили большого сочувствія новому произведенію; въ этой средѣ чувствительные стихи и пѣсенки XVIII вѣка переписывались гусиными перьями въ завѣтные альбомы съ голубками, амурами, купидонами, проколотыми сердцами и т. п. Въ семейныхъ библіотекахъ стояли въ то же время, но уже мало читались, Расинъ, Корнель, Мольеръ, Буало и даже Вольтеръ, иногда цѣлое собраніе энциклопедистовъ, хотя отношеніе къ нимъ становилось уже нѣсколько инымъ, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ: на нихъ начинали смотрѣть уже опасливо и готовы были заклеймить прозвищемъ «вольтеріянецъ» всякую горячую голову въ родѣ Чацкаго, который рѣшился бы раскрыть здѣсь ротъ.

Такъ стояло дѣло въ большинствѣ дворянской среды; купцы, мѣщане и крестьяне составляли оторванный классъ отъ этого общества, что и дало поводъ Грибоѣдову въ извѣстной «Загородной поѣздкѣ» сказать,

---

[1]) Здѣсь разумѣется В. Л. Пушкинъ, дядя А. С. Пушкина.

ЭР03010

что иностранецъ, попавшій тогда въ Россію, могъ бы подумать, что у насъ господа и крестьяне какъ будто два совершенно различныхъ племени, еще неуспѣвшія слиться въ одинъ народъ.

Въ другихъ кружкахъ, наоборотъ, поклонялись Карамзину, привѣтствовали нарождающійся романтизмъ, очень еще близкій тогда къ сентиментальному направленію подъ перомъ Жуковскаго; поднимали войну противъ «Бесѣды любителей русскаго слова» и соединялись съ этою цѣлью въ шутливое общество «Арзамасъ».

Казалось бы, что сентиментализмъ, чувствительность, слезы, проливаемыя надъ новыми книгами, должны были привести людей къ большему состраданію и въ жизни, но это было только отчасти. Конечно, сочувствіе къ героямъ и героинямъ чувствительныхъ разсказовъ задѣвало нѣкоторыя человѣческія струны читателей и нѣсколько ихъ облагораживало, но отсюда еще далеко было до сочувствія человѣку въ дѣйствительности: «поплакать надъ чувствительной пьесой, пережить легкую нервную встряску надъ трогательной книгой», пойти даже вырѣзать и оросить слезами свои иниціалы на какой-нибудь ветлѣ около Лизина пруда— это все было только «нравственнымъ моціономъ», который любезные сочинители доставляли своимъ «любезнымъ читателямъ и читательницамъ». Дѣло кончалось одной игрой воображенія. Въ поэзіи была *бѣдная прекрасная Лиза въ жижинѣ*, а въ дѣйствительности — *крестьянская дѣвка въ избѣ*, и можно было оторваться отъ чтенія повѣсти Карамзина, чтобъ наказать примѣрно одну изъ такихъ дворовыхъ дѣвокъ.

Кумиры такихъ читателей, Карамзинъ и Жуковскій, поддерживали эту оторванность отъ жизни. Еще въ 1796 году Карамзинъ писалъ: «поэтъ имѣетъ двѣ жизни, два міра. Если ему скучно и непріятно въ существенномъ, онъ уходитъ въ страну воображенія и живетъ тамъ, какъ благочестивый магометанинъ въ раю съ своими гуріями», а въ 1809 году Жуковскій подтверждалъ то же самое: «Что нужды стихотворцу, дѣйствующему на одно воображеніе, если разсудокъ найдетъ вещи совсѣмъ не такими, какими представляются онѣ воображенію?»

ЭР03010

Во всѣхъ такихъ переживаніяхъ, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ подъемомъ идеаловъ было и много лжи.

Исторія Карамзина — героическая, образная, проникнутая патріотическимъ чувствомъ, оживившимся у насъ съ 12 года, поразила эти круги; они ее раскупили и усердно стали читать, какъ модную книгу, которую нельзя было не знать при разговорѣ въ гостиной, и которой такъ естественно было восхищаться. Каковы были эти сужденія, даютъ понять слова Пушкина: «Когда по моемъ выздоровленіи я явился въ свѣтъ, толки (о Карамзинѣ) были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать насчетъ духа и слога Исторіи Карамзина».

Было еще и третье теченіе въ пониманіи литературы и ея задачъ; это теченіе создавалось частью молодого поколѣнія, новыми людьми; оно вызывало опасеніе остальныхъ круговъ и было встрѣчено ими неблагосклонно.

Это теченіе было просто, смѣло, можетъ-быть, наиболѣе самостоятельно и близко къ жизни.

Здѣсь поднимались голоса и противъ увлеченія Карамзинымъ, и даже противъ излишней мечтательности Жуковскаго, а о ложно-классикахъ XVIII вѣка даже почти и не говорили, какъ о чемъ-то ужъ очень запоздаломъ. Это направленіе было тѣсно связано съ все болѣе пробуждающеюся общественною мыслью, съ живымъ интересомъ къ дѣйствительнымъ нуждамъ страны; оно вытекало изъ глубокой и уже несентиментальной привязанности къ родинѣ, изъ горькаго сознанія несовершенства нашей жизни и изъ горячаго желанія понять дѣйствительность и въ искусствѣ говорить о ней правду. Многіе изъ представителей этого новаго поколѣнія были и европейски образованными людьми. У нихъ были свои журналы, свои критики, свои художники слова.

Н. Полевой, Арцыбашевъ, Н. М. Муравьевъ, напримѣръ, были совершенно неудовлетворены Карамзинымъ. Н. Полевой писалъ въ своемъ журналѣ «Московскій Телеграфъ»: «Вѣкъ двигался съ неслыханной быстротой... Все измѣнилось и въ политическомъ и въ литературномъ мірѣ... Но когда начался сей новый періодъ

ЭР03010

тели ложно-классицизма П. А. Катенинъ и А. А. Жандръ, а рядомъ съ ними—А. А. Бестужевъ, В. К. Кюхельбекеръ, кн. А. И. Одоевскій и, наконецъ, извѣстные И. И. Гречъ и Ѳ. В. Булгаринъ; съ послѣднимъ у Грибоѣдова были даже особенно тѣсныя дружескія отношенія; онъ, напримѣръ, жилъ съ Булгаринымъ вмѣстѣ, въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Петербургъ, на Выборгской сторонѣ, и какъ разъ въ то время, когда ему особенно хотѣлось сохранить интимный образъ жизни. Грибоѣдовъ всегда очень сердился, когда его попрекали этою связью съ Булгаринымъ.

Въ этомъ выборѣ знакомствъ сказалась самобытность Грибоѣдова; этотъ кругъ людей, съ которыми онъ чаще встрѣчался, только показываетъ, что Грибоѣдовъ именно не примыкалъ ни къ какой литературной партіи, а шелъ своею дорогою.

Онъ во многомъ не соглашался съ своими друзьями и сохранялъ всегда и вездѣ свое собственное отношеніе къ жизни и литературѣ. Признавая, напримѣръ, себя въ одномъ письмѣ къ Катенину «обязаннымъ (ему) зрѣлостью, объемомъ и даже оригинальностью своего дарованія», онъ въ томъ же письмѣ пишетъ: «Критика твоя (по поводу «Горе отъ ума»),хотя жестокая и *вовсе несправедливая*, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей; не уважая искренности ихъ, негодуя на притворство, чортъ ли мнѣ въ ихъ мнѣніи?» Очевидно, Грибоѣдовъ цѣнилъ въ Катенинѣ правдивость, строгость требованій, за что и считалъ себя ему обязаннымъ, но самъ руководился собственными взглядами.

Онъ отлично видѣлъ чудачества Шаховского, называлъ его пьесы «погремушками», и, въ одномъ его письмѣ къ Катенину есть любопытное объясненіе этого знакомства, свидѣтельствующее опять-таки о своеобразіи Грибоѣдова; онъ пишетъ: «Я у него (Шаховского) бываю оттого, что всѣ другіе его ругаютъ: это въ моихъ глазахъ придаетъ ему нѣкоторую цѣнность».

Его близость съ Булгаринымъ также не должна удивлять насъ: была пора, когда съ Булгаринымъ были близки и нѣкоторые изъ декабристовъ; слѣдовательно, было же въ этомъ человѣкѣ что-то, что могло привлекать къ нему людей мыслящихъ и искреннихъ.

ЭР03010

Близость же Грибоѣдова къ Бестужеву, Кюхельбекеру и кн. А. И. Одоевскому объясняется родствомъ многихъ воззрѣній и общностью чувствъ.

Основные взгляды Грибоѣдова на задачи искусства и литературы не разъ были имъ высказываемы; они выражены ярче всего въ его комедіи, и какъ они выражены здѣсь, они находятся въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что говорилъ онъ объ этомъ въ своихъ письмахъ и отдѣльныхъ замѣткахъ.

Грибоѣдовъ, какъ очень трезвый человѣкъ, былъ призваннымъ реалистомъ въ литературѣ, въ противность мнѣніямъ Катенина, и совершенно не мирился съ мечтательною романтикой.

Еще въ 1816 году онъ писалъ: «Богъ съ ними—съ мечтаніями: нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, пѣснь или посланіе, вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ...» А разбирая «Людмилу» Жуковскаго, онъ подвергъ ее злой и уничтожающей критикѣ; вотъ, напримѣръ, что онъ про нее говорилъ: Но чу!... бьетъ полночь... Къ Людмилѣ крадется мертвецъ на цыпочкахъ, конечно, чтобы никого не испугать

. . . . . .

То ей милой говорилъ:
„Спитъ иль нѣтъ моя Людмила?
„Помнитъ друга иль забыла? и т. д.

Этотъ мертвецъ слишкомъ милъ: живому человѣку нельзя быть любезнѣе...

Мертвецъ говоритъ:

Слышишь! пѣнье, брачны лики!
Слышишь! борзой конь заржалъ.
. . . . . .
Слышишь! конь грызетъ бразды!

А Людмила отвѣчаетъ:

Слышишь? колоколъ гудитъ.

«Наконецъ, когда они всего уже наслушались, мнимый женихъ Людмилы признается ей, что домъ его — гробъ, и путь къ нему далекъ. Я бы, напримѣръ, послѣ этого ни минуты съ нимъ не остался, но не всѣ видятъ вещи одинаково. Людмила обхватила мертвеца нѣжною рукою и помчалась съ нимъ:

Скокомъ, летомъ по долинамъ".

ЭР03010

Въ этомъ духѣ ведется весь разборъ этой знаменитой тогда баллады. Очень естественно, что при такомъ пониманіи дѣла Грибоѣдову едва ли могла нравиться приторная изысканность Карамзина. Къ сожалѣнію, въ уцѣлѣвшихъ и извѣстныхъ намъ бумагахъ Грибоѣдова нѣтъ оцѣнки этого писателя. Мы нашли только въ одной изъ путевыхъ замѣтокъ Грибоѣдова, помѣченной «Эривань 4-го февраля», повидимому 1819 г., буквально всего два слова о Карамзинѣ, но и эти два слова не оставляютъ сомнѣнія въ ироническомъ отношеніи Грибоѣдова къ карамзинской слащавости. Любопытно, что къ этимъ двумъ словамъ о Карамзинѣ Грибоѣдовъ присоединилъ и очень тонкую иронію надъ благодушной манерностью Жуковскаго и противопоставилъ всему этому собственное простое, здравое отношеніе къ людямъ. Разсказывая о радушномъ пріемѣ у Мегмедъ-бека, Грибоѣдовъ насмѣшливо говоритъ о персидской учтивости: «Мегмедъ - бекъ... мнѣ, первостепенному мирзѣ, когда я просилъ его велѣть унести жаровни, чтобы отъ жару не перемѣнить мѣсто и не отсѣсть отъ него далѣе, объявилъ, что мѣсто мое у него подъ правымъ глазомъ. *Карамзинъ бы заплакалъ, Жуковскій стукнулъ бы чашей въ чашу*, я отблагодарилъ янтарнымъ гроднымъ сокомъ, нектаромъ Эривани, и пурпурнымъ кахетинскимъ». Отчасти намекаетъ на отрицательное отношеніе Грибоѣдова къ Исторіи Карамзина и интересъ его къ сочиненіямъ Арцыбашева въ одномъ изъ писемъ къ князю В. Ѳ. Одоевскому. То же предположеніе подтверждается и свидѣтельствомъ Кюхельбекера, указывающимъ на тяготѣніе Грибоѣдова скорѣе къ «Бесѣдѣ» и шишковистамъ, чѣмъ къ карамзинистамъ: «Пушкинъ,—говоритъ Кюхельбекеръ,—всегда выдавалъ себя за приверженца школы такъ называемыхъ очистителей языка, а я вотъ уже 12 лѣтъ служу въ дружинѣ славянъ подъ знаменемъ Шишкова, Катенина, *Грибоѣдова*, Шихматова». Мнѣніе о Грибоѣдовѣ, какъ человѣкѣ, сочувствующемъ кружку Шишкова, было довольно распространено тогда, и извѣстный острякъ В. Л. Пушкинъ писалъ Гнѣдичу въ 1816 году: «Откуда взялся рыцарь Грибоѣдовъ? Кто воздоилъ сего кандидата Бесѣды пресловутой?» Но Грибоѣдовъ не былъ никуда кандидатомъ, онъ всюду оставался самимъ собою,—и въ жизни, и литературѣ. Ему чужды были ка-

ЭР03010

кой-либо педантизмъ и слѣдованіе какимъ-либо навязаннымъ правиламъ. Когда Катенинъ писалъ ему о «Горѣ отъ ума», что комедія эта не слѣдуетъ правиламъ искусства, Грибоѣдовъ горячо ему отвѣчалъ: «*Дарованія болѣе нежели искусства.* Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать,—не знаю, стою ли ея! Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобъ поддѣлываться подъ дарованіе, а въ комъ болѣе вытвержденнаго, пріобрѣтеннаго по́томъ и мученіемъ, искусства угождать теоретикамъ, т.-е. дѣлать глупости,—въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ, если художникъ, разбей свою палитру и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ споръе всякое дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? nugae difficiles. Я какъ живу, такъ и пишу свободно и свободно».

Въ этомъ вопросѣ Грибоѣдовъ совпадаетъ съ Пушкинымъ, который въ тѣ времена болѣе, чѣмъ кто-либо, отстаивалъ свободу творчества и самъ слѣдовалъ этому принципу.

Но какъ ни самобытны взгляды Грибоѣдова на литературу, бросается въ глаза, что онъ не стоялъ въ этомъ отношеніи особнякомъ отъ новаго поколѣнія, наоборотъ, здѣсь было полное единомысліе.

Не разъ говорилось также, что особенно оттѣняло Грибоѣдова его сочувствіе національному. Это, дѣйствительно, безспорная сторона его міросозерцанія, и какъ всѣ его взгляды, и эта черта выросла въ немъ самостоятельно. Послѣ Грибоѣдова остались отрывочныя замѣтки, свидѣтельствующія о большихъ познаніяхъ его въ русской исторіи. Онъ прекрасно знакомъ былъ съ лѣтописями, старинными памятниками, многое изъ нихъ наизусть приводилъ въ бесѣдахъ съ пріятелями. Его любознательность въ этой области сопровождаетъ его всю жизнь: онъ во всѣхъ своихъ странствованіяхъ проситъ друзей присылать ему книги по русской исторіи, какъ сырые матеріалы, такъ и изслѣдованія. Онъ читаетъ въ подлинникѣ Олеарія, Герберштейна, Боплана, Палласа, дѣлаетъ изъ нихъ выписки, подвергаетъ критикѣ. При этомъ всѣ его симпатіи въ

ЭР03010

допетровской Руси. Къ Петру замѣтно скорѣе недоброжелательное отношеніе, хотя Грибоѣдовъ и признаетъ полезными нѣкоторыя его мѣры.

Вотъ для образца нѣсколько изъ этихъ отрывочныхъ набросковъ, касающихся Петра Великаго.

«Калмыкъ, возвратившійся съ господиномъ изъ чужихъ краевъ, былъ пожалованъ въ офицеры, а господинъ его—въ матросы Петромъ I».

«Тайная канцелярія».

«Введеніе рабства черезъ подушную подать, черезъ запрещеніе переходить крестьянамъ».

«Введеніе табаку»...

«Бѣгство Петра въ 1689 году въ Троицкій монастырь отъ горсти стрѣльцовъ Щегловитаго, между тѣмъ какъ онъ находился посреди потѣшной своей гвардіи, либо несказанная трусость, либо недовѣрчивость его къ окружающимъ...»

«Клевета на Хованскихъ и ихъ казнь не дѣлаетъ чести прозорливости Петра».

А какъ любилъ Грибоѣдовъ древнюю Русь и какъ ей увлекался, видно въ письмѣ его къ кн. В. Ѳ. Одоевскому, написанномъ изъ Кіева: «Я въ древнемъ Кіевѣ: надышался здѣшнимъ воздухомъ и скоро ѣду далѣе. Здѣсь я пожилъ съ умершими. Владимиры и Изяславы совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ; за ними едва вскользь замѣтилъ я настоящее поколѣніе».

Всякій, кто будетъ просматривать эти бѣглые, отрывочные наброски Грибоѣдова, касающіеся русской исторіи, скоро убѣдится, что они носятъ особый характеръ. Здѣсь почти нѣтъ вопросовъ, выражающихъ интересъ къ причинамъ историческихъ явленій, къ ихъ слѣдствіямъ, нѣтъ анализа явленій, эти замѣтки не показываютъ въ немъ историка. Скорѣе всего онѣ обнаруживаютъ въ Грибоѣдовѣ патріотически настроеннаго археолога, дорожащаго каждымъ стариннымъ словомъ, каждымъ названіемъ мѣстности, именемъ древняго князя, княжескими родословными, подробностями одежды и быта. По всѣмъ этимъ замѣткамъ видно, что любовь Грибоѣдова къ національному глубока и искренна, что она не подражаніе кому бы то ни было, а непосредственное влеченіе, шедшее своимъ путемъ.

ЭР03010

Но было бы странно навязывать Грибоѣдову тотъ узкій патріотизмъ, который звучитъ въ сгоряча сказанныхъ словахъ Чацкаго:

Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ.

Извѣстно, напримѣръ, что Европа интересовала Грибоѣдова; онъ стремился побывать за границей и въ 1824 году писалъ Катенину, что собирается изъ Петербурга въ *чужіе края*: «Отсюдова въ Парижъ, потомъ въ южную Францію, коли денегъ и времени достанетъ, захвачу нѣсколько приморскихъ городовъ, Италію и Θракійскимъ Воспоромъ въ Черное море и къ берегамъ Колхиды». А въ 1827 году онъ проситъ Θ. В. Булгарина прислать ему въ Тифлисъ «статистическое описаніе, самое подробнѣйшее, сдѣланное по лучшей новѣйшей системѣ, какого-нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Италіи», и это нужно Грибоѣдову, чтобъ, упростивъ результаты подобнаго изслѣдованія, разослать такую упрощенную таблицу «нашимъ окружнымъ начальникамъ... А то съ этимъ невѣжественнымъ чиновнымъ народомъ вѣкъ ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будутъ».

Такимъ образомъ Грибоѣдовъ на опытѣ убѣдился въ необходимости намъ пользоваться знаніями и трудомъ европейцевъ. Но нужно сказать, что и въ своихъ національныхъ вкусахъ онъ единомышленникъ того же молодого поколѣнія Александровской эпохи.

А. Бестужевъ, напримѣръ, любилъ замѣнять иностранныя слова самодѣльными русскими, звучавшими подобно словамъ, сочиненнымъ Шишковымъ; Кюхельбекеръ имѣлъ пристрастіе къ русскому платью; братья Муравьевы «были враги всякой нѣмчизнѣ», по словамъ Якушкина, а въ уставѣ Союза Благоденствія значилось, что его члены должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя, по возможности, воспитанію за границей и всякому иностранному вліянію.

Сближало Грибоѣдова съ молодымъ поколѣніемъ начала XIX вѣка и религіозное чувство и слѣдованіе именно національной религіи. Онъ любилъ ходить въ церковь и говорилъ: «Только въ храмахъ Божіихъ собираются русскіе люди... а я хочу быть русскимъ».

ЭР03010

Уже послѣ смерти Грибоѣдова Кюхельбекеръ писалъ: «Я тогда (въ началѣ двадцатыхъ годовъ) только что началъ знакомиться съ книгами Ветхаго завѣта, которыя покойный Грибоѣдовъ заставилъ меня прочесть». Онъ же упоминаетъ, что первыя тридцать главъ пророка Исаіи были любимымъ чтеніемъ Грибоѣдова. По словамъ сестры Грибоѣдова, онъ охотно перелагалъ тексты библіи въ архаическіе «славяно-русскіе» стихи. Стоитъ вчитаться въ переписку многихъ декабристовъ, чтобы живо представить себѣ, какое серьезное мѣсто занимала въ ихъ жизни религія, и тогда становится яснымъ, что, какъ ни самостоятельно складывалось религіозное міросозерцаніе Грибоѣдова, онъ въ этомъ отношеніи имѣлъ много общаго съ своими современниками.

Наконецъ, чтобъ представить себѣ полнѣе отношеніе Грибоѣдова къ своему времени, необходимо попытаться отдать себѣ отчетъ въ томъ, какъ смотрѣлъ Грибоѣдовъ на общественное движеніе Александровской эпохи, хотя нужно сказать, что, несмотря на опубликованіе за послѣднее время многихъ документовъ, касающихся этой стороны жизни и взглядовъ Грибоѣдова, вопросъ остается все еще неяснымъ и очень спорнымъ.

Сочувствіе Грибоѣдова кругу Шишкова какъ будто говоритъ о его консервативномъ настроеніи, а въ то же время Грибоѣдовъ былъ взятъ по дѣлу декабристовъ, но объяснился передъ судомъ и былъ начисто оправданъ, и отпущенъ даже съ повышеніемъ въ чинѣ и денежной наградой. Его пьеса въ цѣломъ — горячій протестъ противъ стараго склада русской жизни, но рѣчи Репетилова—насмѣшка надъ политическимъ движеніемъ того времени. Разсказываютъ, что на гауптвахтѣ пріятели на основаніи «Горя отъ ума» доказывали Грибоѣдову, что онъ радикалъ, а онъ шутя, опираясь на ту же свою пьесу, доказывалъ друзьямъ обратное. И въ то же время онъ состоялъ въ близкой дружбѣ съ декабристами кн. А. Одоевскимъ, В. Кюхельбекеромъ, А. Бестужевымъ и въ одномъ изъ писемъ къ А. Бестужеву (22 ноября 1825 г.) проситъ обнять Рылѣева «искренно, по-республикански».

Для того, чтобы нѣсколько разобраться въ этомъ и прійти къ болѣе вѣроятнымъ предположеніямъ, слѣдуетъ остановиться на нѣкоторыхъ документальныхъ

ЭР03010

данныхъ, на основаніи которыхъ можно сдѣлать довольно вѣроятныя предположенія по этому вопросу.

Грибоѣдовъ былъ арестованъ на основаніи показаній двухъ лицъ,—кн. Оболенскаго и кн. Трубецкого: первый показалъ на допросѣ, что Грибоѣдовъ былъ принятъ въ тайное общество декабристовъ, а кн. Трубецкой показалъ, что онъ *слышалъ* о принятіи Грибоѣдова въ это общество Рылѣевымъ. Самъ Грибоѣдовъ упорно и рѣзко отрицалъ свою принадлежность къ тайному обществу и написалъ даже государю письмо, въ которомъ просилъ дать ему передъ тайнымъ комитетомъ очную ставку съ своими обвинителями, чтобы «обличить ихъ во лжи и клеветѣ». Есть мнѣніе, что Грибоѣдовъ искусно занялъ передъ слѣдователями позицію неправедно гонимаго человѣка и рѣзкою рѣшительностью отрицанія своей вины произвелъ впечатлѣніе на своихъ судей, но, зная благородный характеръ Грибоѣдова, трудно представить себѣ, чтобъ онъ рѣшился, безъ достаточнаго основанія, выставить обвиненіе «во лжи и клеветѣ» противъ людей, которые въ это время были заключены въ тюрьму по дѣлу декабристовъ.

Намъ представляется болѣе вѣрнымъ предположеніе, что онъ дѣйствительно не состоялъ въ тайныхъ политическихъ обществахъ того времени, и на это у насъ есть слѣдующія основанія.

Декабристы Одоевскій, Бестужевъ, Сергѣй Муравьевъ рѣшительно отвергали участіе Грибоѣдова въ заговорѣ. Кн. Одоевскій ссылался при этомъ на свою короткость съ Грибоѣдовымъ и полную освѣдомленность, что Грибоѣдовъ не состоялъ членомъ никакого тайнаго общества. Бестужевъ-Рюминъ показалъ, что они даже боялись приглашать Грибоѣдова въ свое сообщество, такъ какъ не знали точно его образа мыслей и опасались его близости къ А. П. Ермолову.

Рылѣевъ, спрошенный въ комитетѣ о принятіи имъ Грибоѣдова, отвѣтилъ: «Съ Грибоѣдовымъ я имѣлъ нѣсколько общихъ разговоровъ о положеніи Россіи и дѣлалъ ему намеки о существованіи общества, имѣющаго цѣлью перемѣнить образъ правленія въ Россіи и ввести конституціонную монархію, но, какъ *онъ полагалъ Россію къ тому еще неготовою* и къ тому же неохотно входилъ въ сужденіе о семъ предметѣ, то я и оставилъ его».

ЭР03010

Можно, конечно, толковать эти показанія, какъ ложныя: всѣ-де эти лица лгали на судѣ, чтобы спасти Грибоѣдова. Но едва ли можно считать такое предположеніе вполнѣ основательнымъ; среди показаній декабристовъ, какъ мы теперь знаемъ, были оговоры другъ друга, и почему Грибоѣдовъ былъ такъ рѣшительно выдѣленъ, требуетъ объясненія. Самый характеръ отрицанія названными лицами участія въ заговорѣ Грибоѣдова носитъ очень простой, искренній и свободный характеръ, въ особенности показанія кн. Одоевскаго и Рылѣева.

Но допустимъ даже (для насъ трудно допустимое),— что Грибоѣдовъ рѣшительно лгалъ на судѣ, что лгали Бестужевъ, Бестужевъ-Рюминъ, кн. Одоевскій, Рылѣевъ, С. Муравьевъ,—все-таки остаются еще и другіе факты, которые необходимо примирить съ мыслью о принадлежности Грибоѣдова къ тайному обществу. Если считать все сказанное на судѣ Грибоѣдовымъ и его защитниками не заслуживающимъ довѣрія, вслѣдствіе особыхъ условій, въ которыхъ все это говорилось, то можно обратиться къ словамъ, сказаннымъ Грибоѣдовымъ при другихъ, совершенно свободныхъ условіяхъ, и здѣсь нельзя обойти молчаніемъ насмѣшки надъ русскими политическими обществами, вложенной въ уста Репетилова; вотъ примѣры этой всѣмъ извѣстной, безпощадной, злой ироніи:

У насъ есть общество и тайныя собранья...
. . . . . .
Напрасно страхъ тебя береглъ:
Вслухъ громко говоримъ—никто не разберетъ.
Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ...
. . . . . .
Что за люди, mon cher! Сокъ умной молодежи . .
. . . . . .
Шумимъ, братецъ, шумимъ . . .
Но государственное дѣло .
Оно, вотъ видишь, не созрѣло . . .
. . . . . .
Объ чемъ бишь нѣчто? обо всемъ...

Извѣстны также насмѣшливыя слова Грибоѣдова, сказанныя о самихъ декабристахъ: «Сто человѣкъ прапорщиковъ,—часто говорилъ онъ смѣясь, — хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи».

ЭР03010

Наконецъ въ перепискѣ съ друзьями, очень интимной, онъ высказывался совершенно отрицательно о декабристахъ. Вотъ что, напримѣръ, онъ писалъ князю А. И. Одоевскому въ 1828 году: «Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтаціи въ 1825 году. Она была мгновенна, и ты, вѣрно, теперь тотъ же кроткій, умный и прекрасный Александръ... Кто тебя завлекъ въ эту погибель? Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя ума и доброты сердца позаимствовать».

Грибоѣдовъ былъ друженъ съ нѣкоторыми декабристами, напр., съ кн. А. Одоевскимъ, А. Бестужевымъ, В. Кюхельбекеромъ, повидимому, съ Рылѣевымъ, но не вступилъ въ образованное ими тайное общество, хотя во многомъ раздѣлялъ взгляды своихъ друзей, какъ это явствуетъ и изъ «Горе отъ ума», и изъ его откровеннаго и смѣлаго признанія на судѣ. «Въ разговорахъ ихъ,— показывалъ Грибоѣдовъ,—видѣлъ часто смѣлыя сужденія насчетъ правительства, въ коихъ самъ бралъ участіе: осуждалъ, что казалось вреднымъ, и желалъ лучшаго».

Онъ очень сходился съ своими друзьями въ любви къ свободѣ и, арестованный на гауптвахтѣ, написалъ характерный экспромптъ:

По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово рабъ,
Меня и взяли въ главный штабъ,
И потянули къ Іисусу.

Первая строка этого экспромпта заслуживаетъ особаго вниманія: въ ней съ полной ясностью говорится, что Грибоѣдовъ чувствовалъ для своего времени надобность въ болѣе «свободной жизни», о которой говорилъ Чацкій, и притомъ словомъ «вкусъ» Грибоѣдовъ даетъ понять, что онъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ не только вѣянію времени, но что любовь къ свободѣ есть его собственная органическая потребность. 7-го декабря 1825 года изъ станицы Екатериноградской онъ пишетъ Бѣгичеву, что слѣдитъ за «борьбой горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ». Въ 1819 году онъ помѣщаетъ въ своихъ путевыхъ запискахъ, адресованныхъ С. Н. Бѣгичеву, слова, показывающія его сочувствіе конституціонному правленію.

ЭР03010

Онъ пишетъ о персіянахъ: «Рабы, мой любезный!.. Кто ихъ боится? У нихъ и историки панегиристы. И эта лѣстница слѣпого рабства и слѣпой власти здѣсь безпрерывно восходитъ до бега, хана, бегларъ-бега и каймакама и такимъ образомъ выше и выше. Недавно одного областного начальника, невзирая на его 30-лѣтнюю службу, сѣдую голову и алкоранъ въ рукахъ, били по пятамъ, разумѣется, безъ суда. Въ Европѣ, даже и въ тѣхъ народахъ, которые *еще не добыли себѣ конституціи*, общее мнѣніе, по крайней мѣрѣ, требуетъ суда надъ виноватыми, который всегда наряжаютъ»...

Взгляды Грибоѣдова по этимъ вопросамъ, такимъ образомъ, достаточно ясно имъ высказаны: онъ—продолжатель дѣла Новикова и Радищева, онъ хочетъ освобожденія крестьянъ, онъ сочувствуетъ конституціонному образу правленія. По своимъ взглядамъ онъ близокъ къ своимъ друзьямъ декабристамъ. Но почему же онъ не вступилъ въ ихъ сообщество? Можетъ быть, изъ трусости? Это, конечно, самое невѣроятное предположеніе, такъ какъ смѣлость и мужество Грибоѣдова были исключительны и несомнѣнны.

Причина довольна ясна. Грибоѣдовъ не считалъ возможнымъ немедленно вводить въ Россіи тѣ политическія учрежденія, о которыхъ мечтали декабристы, о которыхъ мечталъ онъ самъ. Онъ считалъ стремленіе декабристовъ осуществить свои идеалы, не откладывая—«экзальтаціей», онъ «полагалъ Россію къ тому неготовою», «сто человѣкъ прапорщиковъ» не могли «измѣнить государственнаго быта Россіи», а самъ онъ, какъ выразился онъ объ себѣ въ одномъ изъ своихъ показаній, по натурѣ своей «не могъ быть ораторомъ возмущенія». Онъ былъ человѣкомъ холоднаго, трезваго ума, а жизненная школа, пройденная имъ, была діаметрально противоположна жизненнымъ впечатлѣніямъ декабристовъ: ихъ воспиталъ европейскій Западъ, Грибоѣдовъ—дѣлецъ на азіатскомъ Востокѣ. Стоитъ почитать его служебную, дѣловую переписку, чтобъ понять, какъ хорошо зналъ и какъ реально представлялъ себѣ Грибоѣдовъ русскую дѣйствительность, и какую вереницу тяжелыхъ и поучительныхъ впечатлѣній давалъ ему Востокъ. Притомъ Грибоѣдовъ былъ слишкомъ независимый характеръ, слишкомъ по-своему подходив-

Д-В Краевая Библиотека
ЭР03010

шій къ жизни человѣкъ, чтобъ вступить въ какую-либо политическую партію.

Но какъ ни былъ онъ оригиналенъ, все-таки теперь мы можемъ сказать, что по своимъ литературнымъ и политическимъ взглядамъ Грибоѣдовъ въ Александровскую эпоху 20-хъ годовъ имѣлъ много общаго съ передовыми мыслящими людьми своего времени, съ тѣми людьми, которыхъ онъ изобразилъ въ лицѣ Чацкаго.

Пушкинъ, путешествуя по Кавказу, встрѣтилъ тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ, и тогда же занесъ въ свою записную книжку слѣдующія слова: «Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны»...

Съ тѣхъ поръ, какъ Пушкинъ написалъ эти слова, прошло уже 80 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ найдено и опубликовано не мало писемъ и замѣтокъ Грибоѣдова, не мало и другихъ документовъ, относящихся къ его жизни, не мало напечатано воспоминаній о немъ и свидѣтельствъ его родныхъ, друзей и вообще современниковъ, но слова Пушкина остаются все-таки въ силѣ: многое, что могло бы выяснить для насъ личность и характеръ Александра Сергѣевича Грибоѣдова, утрачено, повидимому, навсегда, и, желая яснѣе представить себѣ убѣжденія и поступки этого замѣчательнаго человѣка, мы все-таки еще не можемъ выйти изъ области догадокъ и предположеній, и только нѣкоторыя его главенствующія свойства и взгляды, какъ это мы пытались показать, мы можемъ установить довольно близко къ истинѣ.

Грибоѣдовъ былъ сильною, очень самобытною натурою и отличался твердымъ характеромъ. Онъ обращалъ на себя общее вниманіе чѣмъ-то необычнымъ даже въ своей наружности и въ манерахъ обращенія съ людьми. А. А. Бестужевъ, встрѣтившись въ первый разъ съ Грибоѣдовымъ у пріятеля, отмѣтилъ, что въ движеніяхъ вошедшаго, тогда ему еще незнакомаго, была какая-то странность, отрывистость, печать оригинальности при большой благовоспитанности и изяществѣ.

ЭР03010

Вся судьба, вся жизнь Грибоѣдова свидѣтельствуютъ о необычайныхъ духовныхъ силахъ этого человѣка.

Много разъ говорилось, что судьба все время преслѣдовала Грибоѣдова, использовала его силы и дарованія не въ той области, для которой онъ былъ рожденъ. Онъ самъ писалъ друзьямъ, досадуя на свою дипломатическую службу: «Я рожденъ для другого поприща». Не разъ говорилось, что, сложись жизнь Грибоѣдова иначе, онъ написалъ бы еще вещи не хуже, если не лучше «Горе отъ ума». А между тѣмъ едва ли это такъ. Есть болѣе вѣроятное предположеніе, что тѣ испытанія, которыя жизнь на Востокѣ щедро посылала Грибоѣдову, для такой сильной личности, какъ онъ, могли быть благодѣтельны, и въ защиту этого мнѣнія можно привести рядъ соображеній.

Во время, напримѣръ, знаменитаго наводненія въ Петербургѣ 1824 г. Грибоѣдовъ проявляетъ большую находчивость и дѣятельность и замѣчаетъ про самого себя: «Необыкновенныя событія придаютъ духу сильную внѣшнюю дѣятельность». Правда, не мало докуки и утомленія, не мало глубокихъ потрясеній давала ему чрезвычайно подвижная и исполненная опасностей жизнь на Востокѣ, но онъ писалъ С. Н. Бѣгичеву въ 1825 году: «Я вообще утратилъ силу характера, которую начиналъ пріобрѣтать на перекладныхъ. Вѣрь мнѣ, чудесно всю жизнь свою прокатиться на 4-хъ колесахъ: кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ далеко за обыкновенные предѣлы пошлыхъ опытовъ; воображеніе свѣжо, какой-то бурный огонь въ душѣ пылаетъ и не гаснетъ».

А П. А. Катенину онъ писалъ про Петербургъ: «Тебѣ грустить не должно: всѣ мы здѣсь ужаснѣйшая дрянь. Боже мой! Когда вырвусь изъ этого мертваго города!»

Есть люди, которыхъ испытанія раздавливаютъ; есть натуры, для которыхъ опасности и испытанія необходимы, чтобъ вызвать къ жизни ихъ духовныя силы. Грибоѣдову нравилось, напримѣръ, во время эриванскаго похода участвовать въ тѣхъ отрядахъ, которые посылались на развѣдку непріятельскихъ силъ: обязанность этихъ отрядовъ заключалась въ томъ, чтобъ подъѣзжать къ авангардамъ непріятеля, привлекать на себя выстрѣлы и подъ градомъ пуль, «свиставшихъ мимо нашихъ ушей», мчаться во весь опоръ обратно

ЭР03010

къ своему лагерю. Ему нравилось садиться на бѣшенаго жеребца и скакать по горнымъ дорогамъ Кавказа, среди повсюду грозящей опасности. Это все были коренныя потребности его натуры, которая искала выхода изъ мелочей, изъ окружающаго малодушія, пошлости и ограниченности. Сообщая своему другу Бѣгичеву объ успѣхахъ своей комедіи, Грибоѣдовъ дивится, что занятъ этими успѣхами, и пишетъ ему, что это вовсе несообразно *съ ненасытностью души, съ пламенною страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ, къ перемѣнѣ мѣста и занятій, къ людямъ и дѣламъ необыкновеннымъ.*

Конечно, сильныя испытанія могли поднимать и углублять духовную жизнь человѣка такой моральной силы, какой обладалъ Грибоѣдовъ, но намъ все-таки кажется, что ни предположеніе о вредномъ вліяніи обстоятельствъ жизни на творчество Грибоѣдова, ни мысль объ ихъ благотворномъ вліяніи на его поэтическую производительность не разъясняютъ намъ достаточно своеобразнаго впечатлѣнія, которое получается отъ обзора всего, что написалъ Грибоѣдовъ. Намъ представляется, что такой обзоръ долженъ привести всякаго въ недоумѣніе: «Горе отъ ума» до такой степени отличается отъ всего остальнаго, написаннаго Грибоѣдовымъ, что можно подумать, будто это писали разные люди; между «Горе отъ ума» и другими сочиненіями Грибоѣдова нѣтъ никакого моста: ни въ глубинѣ мысли и наблюденія, ни въ живости фантазіи, ни въ блескѣ остроумія, ни въ языкѣ, который въ другихъ вещахъ Грибоѣдова просто жалокъ въ сравненіи съ языкомъ «Горе отъ ума».

Отчего такъ проникновенно удалась ему эта комедія? Намъ думается, что эта комедія всегда удалась бы Грибоѣдову,—жилъ ли бы онъ въ Москвѣ, Петербургѣ или Тегеранѣ. Пекло ли бы его кавказское солнце, тонулъ ли бы онъ въ горномъ ручьѣ, переломилъ ли бы онъ себѣ руку при одномъ горномъ переходѣ или не переломилъ, томился или не томился бы онъ въ дипломатическихъ канцеляріяхъ, тосковалъ ли бы въ Петербургѣ отъ «трясиннаго государства»,—онъ все-таки такъ же глубоко и ярко освѣтилъ бы намъ ту сторону жизни, которую онъ назвалъ своими словами въ «Горе отъ ума», и которая въ сущности является вѣчной стороною жизни.

ЭР03010

Мы слишкомъ привыкли къ этому сочетанію трехъ словъ *горе отъ ума*, которыя сливаются для насъ, въ будничномъ своемъ употребленіи, просто какъ бы, въ одно слово, заглавіе всѣмъ извѣстной пьесы,—и только. Стоитъ освѣжить свое отношеніе къ этимъ тремъ словамъ, которыя Грибоѣдовъ, вѣроятно, послѣ не малыхъ размышленій поставилъ какъ заглавіе своей пьесы, и станетъ ясно, что *горе отъ ума* было вопросомъ жизни для этого замѣчательнаго человѣка.

Когда люди говорятъ о томъ, что для нихъ стало вопросомъ жизни, они становятся сильны, у нихъ находятся настоящія слова, свои слова, лучше которыхъ не выдумать. Когда эти люди при этомъ и образованы, и по натурѣ сильны и одарены, они могутъ создавать геніальныя вещи. Вопросъ о горѣ умнаго человѣка среди пошлыхъ людей постоянно волновалъ Грибоѣдова, постоянно сверлилъ его умъ и душу; онъ обдумывалъ свою комедію десять лѣтъ, и совершенно естественно, что, когда разъ Бѣгичевъ засталъ Грибоѣдова передъ печкой, сжигающимъ первые написанные два акта комедіи, Грибоѣдовъ могъ ему отвѣтить, какъ отвѣтилъ: «Не безпокойся: все готово въ головѣ моей».

Люди казались ему «людишками»: въ одномъ письмѣ (къ С. Н. Бѣгичеву, 14 января 1825 г.) онъ говоритъ: «Вчера я обѣдалъ со всей сволочью петербургскихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться,—отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ, но вмѣстѣ съ этимъ—сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетенъ, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ».

Эти жесткія слова очень естественны въ устахъ Грибоѣдова: въ немъ соединялись горячность чувствъ, прямота выраженій съ страстнымъ исканіемъ истиннаго человѣческаго достоинства, его тонкій вкусъ глубоко оскорбляла всякая фальшь и ходульность, а его холодный, трезвый, аналитическій умъ и наблюдательность не давали ему возможности смотрѣть на жизнь сквозь розовыя очки. Притомъ, какъ крупный характеръ, онъ досадовалъ на людскую слабость: самъ онъ обыкновенно былъ твердъ и упоренъ въ своихъ рѣшеніяхъ и писалъ В. С. Миклашевичъ въ декабрѣ 1828 года: «Всѣмъ я грозенъ кажусь и меня прозвали *сахтиръ*—coeur dur (твердое сердце)».

РГБ

ЭР03010

Иногда его упорство получало характеръ крайне непріятный, тяжелый для другихъ, даже отталкивающій. Достаточно было, напр., одному второстепенному литератору-старику разъ на вечерѣ, гдѣ Грибоѣдовъ собирался читать «Горе отъ ума», пошутить о своей собственной пьесѣ, сравнивая ее весьма добродушно съ пьесой Грибоѣдова, чтобъ Грибоѣдовъ очень жестко настоялъ на удаленіи его изъ гостиной; не помогло и извиненіе старика.

Притомъ Грибоѣдовъ былъ очень гордъ. Стоило Ѳ. Б. Булгарину, одному изъ близкихъ друзей Грибоѣдова, сочувственно изобразить его въ одной пьесѣ подъ именемъ Талантина, и Грибоѣдовъ сейчасъ пишетъ Булгарину письмо, въ которомъ настаиваетъ на прекращеніи знакомства. «Я просто въ несогласіи самъ съ собою,—говорится въ письмѣ:—сближаясь съ вами болѣе и болѣе, трудно самому увѣриться, что ваши похвалы были мнѣ не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выкланиваю ли я еще горсточку ладана! Разстанемтесь». Вообще Грибоѣдовъ не былъ способенъ на компромиссъ.

Обыкновенно люди, съ нимъ встрѣчавшіеся, больше интересовались имъ и цѣнили его, чѣмъ любили, но зато тѣ, которымъ онъ довѣрялся, любили его глубоко и горячо: передъ ними раскрывались лучшія и самыя привлекательныя стороны его натуры. Эти немногіе отмѣчали, что «узнать его было то же, что любить». «Болѣе всего,—замѣчаетъ Полевой, — привязываетъ къ нему его чистое сердце, которое при необыкновенномъ умѣ дѣйствовало на сердце, какъ теплота на природу».

Если принять во вниманіе все вышесказанное, то можно понять, почему человѣкъ съ такими требованіями на глубину жизни, такой непреклонный, такъ страдавшій отъ жалкаго людского обезьянства, сосредоточилъ всѣ свои творческія силы на мысли о горѣ личности, которая рвется «за предѣлы пошлыхъ опытовъ» и чувствуетъ себя скованной по рукамъ и ногамъ. Эта мысль рисовалась въ его воображеніи въ разныхъ формахъ. Повидимому, первоначально планы его были даже болѣе грандіозны, чѣмъ «Горе отъ ума»; о нихъ сохранился такой черновой набросокъ Грибоѣдова: «Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе

ЭР03010

и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишетъ для сцены».

Этотъ первоначальный замыселъ до насъ не дошелъ, но зато до насъ дошелъ планъ одной невыполненной Грибоѣдовымъ драмы, названной имъ «*1812 годъ*», въ которой онъ задумалъ одну изъ разновидностей все того же *горя отъ ума*, только перенесеннаго въ крѣпостную среду—и этотъ набросокъ—единственная вещь изъ всего, написаннаго Грибоѣдовымъ, сверхъ его комедіи, въ чемъ чувствуется та же сила, то же проникновеніе въ замыселъ, и испытываешь глубокое сожалѣніе, что этотъ набросокъ остался только наброскомъ.

Такимъ образомъ, всѣ данныя, которыми мы могли располагать для сужденія о Грибоѣдовѣ, приводятъ насъ къ убѣжденію, что онъ, при всей устойчивости и своеобразіи своего духовнаго склада, былъ однимъ изъ лучшихъ сыновъ своего времени, шелъ въ ногу съ самыми передовыми его теченіями въ общественной жизни и въ литературныхъ взглядахъ, а основной темой его собственной жизни и творчества оставалась мысль о томъ горѣ, которое испытываютъ избранники среди житейской пошлости и суеты.

А. Алферовъ.

ЭР03010

ДВГНБ

ЭР03010

Сочиненія

А. С. ГРИБОѢДОВА.

ДВГНБ

ЭР03010

ДВГНБ

ЭР03010

Горе отъ ума [1]).

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Судьба—проказница, шалунья,
Опредѣлила такъ сама:
Всѣмъ глупымъ—счастье отъ безумья,
Всѣмъ умнымъ—*горе отъ ума*.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ.
Софья Павловна, дочь его.
Лиза, служанка.
Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ.
Александръ Андреевичъ Чацкій.
Полковникъ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣевичъ.
Наталья Дмитріевна, молодая дама } **Горичевы.**
Платонъ Михайловичъ, мужъ ея }
Князь Тугоуховскій и **княгиня**, жена его, съ 6-ю дочерьми.

---

[1]) Относительно года окончанія Грибоѣдовымъ пьесы существуетъ разногласіе: нѣкоторые (М. Н. Лонгиновъ, А. Н. Веселовскій, И. А. Шляпкинъ) относятъ окончаніе пьесы къ маю 1823 года, нѣкоторые (В. Е. Якушкинъ)—къ зимѣ 1823—24 г. Обычный и наиболѣе распространенный печатный текстъ „Горе отъ ума“ есть сводный текстъ изъ разныхъ варіантовъ. Здѣсь данъ этотъ наиболѣе извѣстный текстъ, а въ примѣчаніяхъ даны варіанты по Рукописи Императорскаго Россійскаго Историческаго музея имени Александра III. Варіанты не имѣютъ цѣлью дать что-либо исчерпывающее: ихъ задача показать, какими путями шло временами творчество Грибоѣдова, какъ измѣнялись передъ нимъ порой задачи отдѣльныхъ сценъ и сценическихъ положеній, какъ самъ онъ понималъ иногда изображаемыхъ имъ лицъ. Названіе рукописи обозначено иниціалами (Р. И. М.).

ЭР03010

Графиня-бабушка } **Хрюмины.**
Графиня-внучка }
Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.
Репетиловъ.
Старуха Хлестова, своячиница Фамусова.
Г. N.
Г. D.
Петрушка и нѣсколько говорящихъ слугъ.
Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакеевъ при разъѣздѣ.
Офиціанты Фамусова.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домѣ Фамусова.

ДВГНБ

ЭР03010

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гостиная; въ ней большіе часы; справа дверь въ спальню Софьи, откуда слышно фортепьяно съ флейтою, которыя потомъ умолкаютъ; Лиза среди комнаты спитъ, свѣсившись съ креселъ.
(Утро. Чуть день брезжится).

Лиза *(вдругъ просыпается, встаетъ съ креселъ, оглядывается).*

Свѣтаетъ!.. Ахъ, какъ скоро ночь минула!
Вчера просилась спать—отказъ:
Ждемъ друга: нуженъ глазъ да глазъ!
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вотъ только что вздремнула—
Ужъ день!.. Сказать имъ. *(Стучится къ Софьѣ.)*
Господа!
Эй, Софья Павловна! бѣда!
Зашла бесѣда ваша за ночь.
Вы глухи?.. Алексѣй Степанычъ!
Сударыня!.. И страхъ ихъ не беретъ! *(Отходитъ отъ дверей.)*
Ну, гость непріглашенный,
Быть можетъ, батюшка войдетъ!
Прошу служить у барышни влюбленной! *(Опять къ дверямъ.)*
Да расходитесь.—Утро.—Что-съ?
(Голосъ **Софьи**). Который часъ?
Лиза. Все въ домѣ поднялось.
Софья *(изъ своей комнаты).* Который часъ?
Лиза. Седьмой... осьмой... девятый.
Софья *(оттуда же).* Неправда.

ЭР03010

Лиза *(прочь отъ дверей)*. Ахъ, амуръ проклятый!
И слышатъ—не хотятъ понять [1]);
Ну, что бы ставни имъ отнять!
Переведу часы; хоть, знаю, будетъ гонка;
Заставлю ихъ играть. *(Лѣзетъ на стулъ, передвигаетъ стрѣлку. Часы бьютъ и играютъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Лиза и Фамусовъ.

Лиза. Ахъ! баринъ!
Фамусовъ. Баринъ, да! *(Останавливаетъ часовую музыку.)*
Вѣдь экая шалунья ты, дѣвчонка!
Не могъ придумать я, что это за бѣда—
То флейта слышится, то будто фортепьяно.
Для Софьи слишкомъ было бъ рано...
Лиза. Нѣтъ, сударь, я... лишь невзначай.
Фамусовъ. Вотъ то-то невзначай; за вами примѣчай,
Такъ вѣрно съ умысломъ... *(Жмется къ ней и заигрываетъ.)*
Охъ, зелье, баловница.
Лиза. Вы баловникъ; къ лицу ль вамъ эти лица?
Фамусовъ. Скромна, а ничего кромѣ
Проказъ и вѣтру на умѣ.
Лиза. Пустите, вѣтреники сами!..
Опомнитесь, вы старики...
Фамусовъ. Почти.
Лиза. Ну, кто придетъ,—куда мы съ вами?
Фамусовъ. Кому сюда прійти?
Вѣдь Софья спитъ?
Лиза. Сейчасъ започивала.
Фамусовъ. Сейчасъ? А ночь?

---

[1]) Въ Р. И. М. Ни вѣрить не хотятъ, ни слышать, ни видать.
Ну, что бы ставни имъ отнять?
Переведу часы, заставлю бить ихъ звонко,
И музыку пущу.

ЭР03010

Лиза. Ночь цѣлую читала.
Фамусовъ. Вишь, прихоти какія завелись!
Лиза. Все по-французски вслухъ читаетъ, запершись.
Фамусовъ. Скажи-ка, что глаза ей портить не годится
И въ чтеньи прокъ-отъ невеликъ;
Ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ русскихъ больно спится.
Лиза. Что встанетъ, доложу-съ.
Извольте же итти; разбудите, боюсь.
Фамусовъ. Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь кварталъ симфонію гремишь.
Лиза *(какъ можно громче)*. Да полноте-съ!
Фамусовъ *(зажимаетъ ей ротъ)*. Помилуй, какъ кричишь.
Съ ума ты сходишь!
Лиза. Боюсь, чтобы не вышло изъ того...
Фамусовъ. Чего?
Лиза. Пора, сударь, вамъ знать, вы не ребенокъ.
У дѣвушекъ сонъ утренній такъ тонокъ,
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь—
Все слышатъ...
Фамусовъ. Все ты лжешь.
(Голосъ **Софьи**). Эй, Лиза!
Тсъ! *(Крадется вонъ изъ комнаты на цыпочкахъ)*.
Лиза *(одна)*. Ушелъ!.. Ахъ, отъ господъ подалѣй!
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь.
Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Лиза, Софья со свѣчкою, за ней **Молчалинъ.**
Софья. Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь... [1]).
Лиза. Конечно, вамъ разстаться тяжело!
До свѣта запершись, а, кажется, все мало!

---

[1]) Р. И. М.—Ну, что жъ ты, Лиза, хлопотала?

ЭР03010

Софья. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, разсвѣло! *(Тушитъ свѣчу.)*
И свѣтъ, и грусть!.. Какъ быстры ночи!
Лиза. Тужите, знай,—со стороны нѣтъ мочи:
Сюда вашъ батюшка пришелъ—я обмерла:
Вертѣлась передъ нимъ, не помню что врала...
Ну, что же стали вы? поклонъ, сударь, отвѣсьте,
Подите... сердце не на мѣстѣ...
Смотрите на часы, взгляните-ка въ окно:
Валитъ народъ по улицамъ давно,
А въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ.
Софья. Счастливые часовъ не наблюдаютъ.
Лиза. Не наблюдайте—ваша власть,
А что въ отвѣтъ за васъ, конечно, мнѣ попасть.
Софья *(Молчалину)*. Идите!.. цѣлый день еще потерпимъ скуку.
Лиза. Богъ съ вами!.. прочь возьмите руку!.. *(Разводитъ ихъ. Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лиза, Софья, Молчалинъ, Фамусовъ.

Фамусовъ. Что за оказія! Молчалинъ, ты, братъ?
Молчалинъ. Я-съ.
Фамусовъ. Зачѣмъ же здѣсь? и въ этотъ часъ?
И Софья!.. Здравствуй, Софья! что ты
Такъ рано поднялась?.. а? для какой заботы?
И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ?
Софья. Онъ только что теперь вошелъ.
Молчалинъ. Сейчасъ съ прогулки.
Фамусовъ. Другъ! Нельзя ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?
А ты, сударыня, чуть изъ постели прыгъ —
Съ мужчиной, съ молодымъ! Занятье для дѣвицы:
Всю ночь читаешь небылицы,—
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!
А все Кузнецкій мостъ и вѣчные французы,
Откуда моды къ намъ, и авторы, и музы,

ЭР03010

Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ, и булавокъ,
И книжныхъ, и бисквитныхъ лавокъ!

Софья. Позвольте, батюшка... кружится голова...
Я отъ испуга духъ перевожу едва.
Изволили вбѣжать вы такъ проворно—
Смѣшалась я...

Фамусовъ. Благодарю покорно:
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!
Я помѣшалъ! я испугалъ!
Я, Софья Павловна, разстроенъ самъ: день цѣлый
Нѣтъ отдыха, мечусь, какъ словно угорѣлый;
По должности, по службѣ хлопотня,
Тотъ пристаетъ, другой, всѣмъ дѣло до меня!
Но ждалъ ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ обманутъ?

Софья *(сквозь слезы)*. Кѣмъ, батюшка?

Фамусовъ. Вотъ попрекать мнѣ станутъ.
Что безъ толку всегда журю!
Не плачь: я дѣло говорю.
Ужъ объ твоемъ ли не радѣли
Объ воспитаньи съ колыбели!
Мать умерла—умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье вторую мать:
Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ;
Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ.
Одно не къ чести служитъ ей:
За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей
Сманить себя другими допустила,
Да не въ мадамѣ сила:
Не надобно иного образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца.
Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложеньемъ,
Однако бодръ и свѣжъ, и дожилъ до сѣдинъ;
Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...
Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ!..

ЭР03010

Лиза. Осмѣлюсь я, сударь...

Фамусовъ. Молчать!
Ужасный вѣкъ! Не знаешь, что начать!
Всѣ умудрились не по лѣтамъ,
А пуще дочери!.. Да сами добряки —
Дались намъ эти языки!
Беремъ же побродягъ, и въ домъ, и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему —
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ!
Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ чему?
Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ мое семейство,
Далъ чинъ асессора и взялъ въ секретари;
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство,
И будь не я, коптѣлъ бы ты въ Твери.

Софья. Я гнѣва вашего никакъ на растолкую.
Онъ въ домѣ здѣсь живетъ — великая напасть! —
Шелъ въ комнату, попалъ въ другую...

Фамусовъ. Попалъ или хотѣлъ попасть, —
Да вмѣстѣ вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно...

Софья. Вотъ въ чемъ, однако, случай весь:
Какъ давеча вы съ Лизой были здѣсь,
Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно,
И бросилась сюда со всѣхъ я ногъ...

Фамусовъ. Пожалуй, на меня всю суматоху сложитъ:
Не въ пору голосъ мой надѣлалъ имъ тревогъ!

Софья. По смутномъ снѣ бездѣлица тревожитъ.
Сказать вамъ сонъ? Поймете вы тогда...

Фамусовъ. Что за исторія?

Софья. Вамъ разсказать?

Фамусовъ. Ну, да. *(Садится).*

Софья. Позвольте... видите ль... сначала [1])

---

[1]) Р. П. М.
Софья. Въ саду была, цвѣты безсчетно тамъ пестрѣли:
Искала я, мнѣ чудилось, траву
Какую-то, не вспомню наяву,

ЭР03010

Цвѣтистый лугъ, и я искала
Траву
Какую-то... не вспомню наяву.
Вдругъ милый человѣкъ—одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ—будто вѣкъ знакомы—
Явился тутъ со мной, и вкрадчивъ и уменъ,
Но робокъ... Знаете, кто въ бѣдности рожденъ...

Въ ирисахъ, въ бархатцахъ, въ левкояхъ и въ синели,
Да гдѣ ихъ всѣ назвать?
Изъ силъ я выбилась и бросила искать,
Приподнялась: вдругъ кѣмъ-то поневолѣ
Изъ саду выхвачена въ поле.
Передо мной откуда ни взялся
Премилый человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ,—будто вѣкъ знакомы.
Былъ робокъ онъ сперва, потомъ въ любви клялся,
Потомъ... не взвидѣла я свѣта.

Фамусовъ. Какая небылица это!
И милый человѣкъ, кто онъ?

Софья. Я вамъ докладываю: сонъ.
Вотъ послѣ этого, садъ, поле, все пропало.
Мы въ комнатѣ, въ пустой, вдвоемъ,
Намъ очень грустно, горько стало,
Тужили мы, Богъ вѣдаетъ о чемъ.
И тутъ, къ пріумноженью скуки,
Отъ фортепьянъ и флейты издали
Печальные къ намъ прорывались звуки;
Отъ нихъ унынье...

Фамусовъ. Неужли?
Я тоже слышалъ, и какъ ярко (*указываетъ на Лизу*).
Къ разсвѣту я не спалъ, а все она штукарка.

Софья. Такъ будто бы середь тюрьмы
И я, и другъ мой новый
Грустили долго, долго мы.
Онъ все роптalъ на жребій свой суровый,
Что не къ добру любовь его манитъ,
Что небогатъ, и вамъ не угодитъ.

Фамусовъ. Ахъ! матушка, не довершай удара,
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

Софья. Все это сонъ. Дослушайте, каковъ.
Какъ между думъ и между словъ

ЭР03010

Фамусовъ. Ахъ, матушка, не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.
Софья. Потомъ пропало все: луга и небеса.
Мы въ темной комнатѣ... Для довершенья чуда,
Раскрылся полъ—и вы оттуда,
Блѣдны какъ смерть и дыбомъ волоса!
Тутъ съ громомъ распахнулись двери,
Какіе-то не люди и не звѣри
Насъ врознь—и мучили сидѣвшаго со мной...
Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ!
Хочу къ нему—вы тащите съ собой!..
Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ!
Онъ вслѣдъ кричитъ!
Проснулась... кто-то говоритъ:
Вашъ голосъ былъ—что, думаю, такъ рано?
Бѣгу сюда—и васъ обоихъ нахожу.
Фамусовъ. Да, дуренъ сонъ, какъ погляжу
Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:
И черти, и любовь, и страхи [1]), и цвѣты.
Ну, сударь мой, а ты?
Молчалинъ. Я слышалъ голосъ вашъ...
Фамусовъ. Забавно!
Дался имъ голосъ мой! и какъ себѣ исправно
Всѣмъ слышится и всѣхъ сзываетъ до зари!
На голосъ мой спѣшилъ, зачѣмъ же?.. Говори!..
Молчалинъ. Съ бумагами-съ.
Фамусовъ. Да, ихъ недоставало!

Забылись мы, и шли часы покуда,—
Полъ вскрылся, встали вы оттуда,
Смерть на щекахъ, и дыбомъ волоса.
Тутъ разное смѣшенье! чудеса!..
Полкъ всякихъ лицъ, раздался шумъ побоищъ,
Свирѣпые другъ друга рвали, жгли,
Вы въ пропасть за собой меня влекли,
Насъ провожаютъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ...
(Далѣе какъ въ текстѣ.).

[1]) Р. И. М.—и флейты.

РГБ

Помилуйте, что это вдругъ припало
Усердье къ письменнымъ дѣламъ? *(Встаетъ.)*
Ну, Софьюшка, тебѣ покой я дамъ;
Бываютъ странны сны, а наяву страннѣе:
Искала ты себѣ травы,
На друга набрела скорѣе...
Повыкинь вздоръ изъ головы!
Гдѣ чудеса, тамъ мало складу [1]).
Поди-ка, лягъ, усни опять. *(Молчалину.)*
Идемъ бумаги разбирать.

Молчалинъ. Я только несъ ихъ для докладу,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, а въ иныхъ
Противорѣчья есть, и многое не дѣльно.

Фамусовъ. Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтобъ множество не накопилось ихъ;
Дай волю вамъ—оно бы и засѣло;
А у меня, что дѣло, что не дѣло,
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой. *(Уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ пропускаетъ его впередъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Софья, Лиза.

Лиза. Ну, вотъ у праздника! ну, вотъ вамъ и потѣха! [2]).
Однако нѣтъ, теперь ужъ не до смѣха:
Въ глазахъ темно и замерла душа;
Грѣхъ не бѣда,—молва нехороша.

Софья. Что мнѣ молва? Кто хочетъ, такъ и судитъ,
Да батюшка задуматься принудитъ:

---

[1]) Р. И. М.—Не занимайся этимъ чадомъ.

[2]) Р. И. М. первоначально было:
Ушли они. Ахъ! всю меня коробитъ!
Въ глазахъ темно и замерла душа;
Исторія вамъ ваша не пособитъ,
Грѣхъ не бѣда,—молва нехороша.

ЭР03010

Брюзгливъ, неугомоненъ, скоръ.
Такой всегда, а съ этихъ поръ...
Ты можешь посудить [1])...

Лиза. Сужу-съ не по разсказамъ [2]).
Запретъ онъ васъ,—добро еще со мной,
А то, помилуй Богъ, какъ разомъ
Меня, Молчалина и всѣхъ съ двора долой.

Софья. Подумаешь, какъ счастье своенравно!
Бываетъ хуже—съ рукъ сойдетъ;
Когда жъ печальное ничто на умъ нейдетъ,
Забылись музыкой, и время шло такъ плавно,
Судьба насъ будто берегла,
Ни безпокойства, ни сомнѣнья...
А горе ждетъ изъ-за угла!

Лиза. Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
Не жалуете никогда,
Анъ вотъ бѣда!
На что вамъ лучшаго пророка?
Твердила я: въ любви не будетъ этой прока
Ни во вѣки вѣковъ.
Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами да съ чинами,
А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами;
Ну, разумѣется, къ тому бъ
Иденьги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ балы;

---

[1]) Р. П. М. первоначально было:
Ты можешь посудить...

Лиза. Охти-съ, не по разсказамъ:
Изволитъ онъ васъ запереть со мной.
Молчалина же разомъ
Съ двора долой.

Софья. Меня къ монастырю скорѣе заохотятъ!
Ахъ, нѣтъ! Куда его, и я за нимъ же вслѣдъ.

Лиза. А ежели-съ поймаютъ, да воротятъ?

Софья. Да полно, Лизанька. Какой несносный бредъ!
Знать, мнѣ не отъ тебя дождаться утѣшенья.
Этой реплики Лизы и слѣдующей—Софьи нѣтъ въ Р. П. М.

ЭР03010

Вотъ, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ—
И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы.

Софья. Куда какъ милъ! и весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фронтѣ, о рядахъ!
Онъ слова умнаго не выговорилъ сроду.
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду!

Лиза. Да-съ, такъ сказать, рѣчистъ, а больно не хитеръ.
Но будь военный, будь онъ статскій,
Кто такъ чувствителенъ и веселъ, и остеръ,
Какъ Александръ Андреичъ Чацкій!
Не для того, чтобъ васъ смутить—[1])
Давно прошло, не воротить—
А помнится...

Софья. Что помнится? Онъ славно
Пересмѣять умѣетъ всѣхъ,
Болтаетъ, шутитъ—мнѣ забавно:
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

Лиза. И только, будто бы? Слезами обливался[2]),
Я помню, бѣдный онъ какъ съ вами разставался.
«Что, сударь, плачете? живите-ка смѣясь».
А онъ въ отвѣтъ: «Не даромъ, Лиза, плачу:
Кому извѣстно, что найду я воротясь,
И сколько, можетъ быть, утрачу!»
Бѣдняжка, будто зналъ, что года черезъ три...

Софья. Послушай, вольности ты лишней не бери:
Я очень вѣтрено, быть-можетъ, поступила,
И знаю, и винюсь, но гдѣ же измѣнила,
Кому, чтобъ укорять невѣрностью могли?
Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли,
Привычка вмѣстѣ быть день каждый неразлучно
Связала дѣтскою насъ дружбой, но потомъ
Онъ съѣхалъ; ужъ у насъ ему казалось скучно,

---

[1]) Р. И. М. Теперь другой вамъ больше милъ,
А, помнится, онъ не противенъ былъ.

[2]) Этой и слѣдующей реплики нѣтъ въ Р. И. М.

ЭР03010

И рѣдко посѣщалъ нашъ домъ;
Потомъ опять прикинулся влюбленнымъ,
Взыскательнымъ и огорченнымъ...
Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
Въ друзьяхъ особенно счастливъ,—
Вотъ о себѣ задумалъ онъ высоко.
Охота странствовать напала на него...
Ахъ, если любитъ кто кого,
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?

Лиза. Гдѣ носится? въ какихъ краяхъ?
Лѣчился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ,
Не отъ болѣзни, чай, отъ скуки—то вѣрнѣе!

Софья. И вѣрно счастливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшнѣе.
Кого люблю я—не таковъ:
Молчалинъ за другихъ себя забыть готовъ [1]),
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво, несмѣло...
Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провесть?
Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло.
Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

Лиза. Богъ вѣсть,
Сударыня! мое ли это дѣло?

Софья. Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ,
Изъ глубины души вздохнетъ,
Ни слова вольнаго—и такъ вся ночь проходитъ,
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводитъ.
Смѣешься? Можно ли! чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

Лиза. Мнѣ-съ... ваша тетушка на умъ теперь пришла.
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дому,
Голубушка! хотѣла схоронить

---

[1]) Р. П. М. Не оскорбитъ, врагъ острыхъ словъ,
Безъ хитрости, онъ промолчитъ день цѣлый
И, словно дѣвушка, несмѣлый.
Мы ночи съ нимъ, какъ ни на есть,
Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло..

ЭР03010

Свою досаду—не сумѣла:
Забыла волосы чернить,
И черезъ три дня посѣдѣла. *(Продолжаетъ хохотать.)*

Софья *(съ огорченіемъ)*. Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ заговорятъ.

Лиза. Простите: право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Софья, Лиза, слуга, за нимъ Чацкій.

Слуга. Къ вамъ Александръ Андреичъ Чацкій!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Софья, Лиза, Чацкій.

Чацкій. Чуть свѣтъ — ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ.
(Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку.)
Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? Говорите!
Что жъ, рады? нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите.
Удивлены? И только? Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера, вдвоемъ,
Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли.
Ни на волосъ любви! куда какъ хороши!
А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся!.. вѣтеръ, буря...
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ —
И вотъ за подвиги награда!

Софья. Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада.

Чацкій. Вы рады? Въ добрый часъ!
Однако искренно кто жъ радуется эдакъ?
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя!

ЭР03010

Лиза. Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей Богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали васъ мы тутъ.
Сударыня, скажите сами.
Софья. Всегда, не только что теперь;
Не можете вы сдѣлать мнѣ упрека:
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изъ чужа, изъ далека —
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ:
Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ?
Чацкій. Положимте, что такъ!
Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой, ужель я здѣсь опять,
Въ Москвѣ! у васъ! да какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ?..
А тутъ вашъ батюшка съ мадамой, за пикетомъ;
Мы въ темномъ уголкѣ, и, кажется, что въ этомъ...
Вы помните? Вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь...
Софья. Ребячество!
Чацкій. Да-съ, а теперь,
Въ семнадцать лѣтъ, вы расцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно —
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ [1]).
Не влюблены ли вы? прошу мнѣ дать отвѣтъ,
Безъ думы; полноте смущаться.
Софья. Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ...
Чацкій. Помилуйте: не вамъ — чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ далъ промахъ;

---

[1]) Р. И. М. Чуть смотрите на свѣтъ.

ЭР03010

Все тотъ же толкъ и тѣ жъ стихи въ альбомахъ.

Софья. Гоненье на Москву! что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ жъ лучше?

Чацкій. Гдѣ насъ нѣтъ.

Ну, что вашъ батюшка? все Англійскаго клоба [1])
Старинный, вѣрный членъ до гроба [2])?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ ли свой вѣкъ?
А этотъ... какъ его?.. онъ турокъ или грекъ [3])...
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ,
Не знаю, какъ его зовутъ...
Куда ни сунься, тутъ какъ тутъ,
Въ столовыхъ и гостиныхъ?
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко, нашъ кладъ?
На лбу написано: театръ и маскарадъ;
Домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи,
Самъ толстъ, его артисты тощи...
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ—
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.
А тотъ, чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?..
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!

---

[1]) Англійское произношеніе слова клубъ. Англійскій клубъ въ Москвѣ считался аристократическимъ.

[2]) Р. И. М. Мирителъ спорщиковъ, и спорщикъ самъ до гроба.

[3]) Р. И. М. Извѣстенъ всѣмъ, живетъ на рынкахъ?
Князь? или графъ? Кто онъ таковъ?
Опустошитель всѣхъ столовъ
На свадьбахъ и помпнкахъ?

РГБ

ЭР03010

Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ не сыщешь пятенъ?
Когда жъ пространствуешь, воротишься домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ [1])!

Софья. Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

Чацкій. А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?

Ахъ! къ воспитанью перейдемъ:
Что нынче, такъ же, какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?

Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ!

Нашъ менторъ — помните, колпакъ его, халатъ [2]),
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!..
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья [3])!
А Гильоме, французъ, подбитый вѣтеркомъ, —
Онъ не женатъ еще?

Софья. На комъ?

Чацкій. Хотъ на какой-нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ?

Софья. Танцмейстеръ! можно ли?

Чацкій. Что жъ? онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,

---

[1]) Стихъ Пушкина.

[2]) Я не могу забыть учительскій халатъ,
Перстъ указательный, сіяніе гуменца,
Какъ наши робкіе тревожили умы. (Р. П. М.)

[3]) Что ничего нѣтъ выше нѣмца. (Р. П. М.)

ЭР03010

А Гильоме [1])... Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ на большихъ, по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ?

Софья. Смѣсь языковъ?

Чацкій. Да, двухъ,—безъ этого нельзя жъ.

Лиза. Но мудрено одинъ изъ нихъ скроить, какъ вашъ.

Чацкій. По крайней мѣрѣ, не надутый.
Вотъ новости! я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ,
И говорливъ, а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе? Гдѣ онъ, кстати?
Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ—пристаетъ: пожалуйте списать.
А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ —
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.

Софья *(въ сторону).* Не человѣкъ, змѣя! *(Громко и принужденно.)*
Хочу у васъ спросить:
Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь или въ печали,
Ошибкою, добро о комъ-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть [2])?

Чацкій. Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?
На что же такъ давно? вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ
Спѣшу къ вамъ, голову сломя,
И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!

---

[1]) А Гильоме куда глаза ни обратитъ,
Кто противъ легкости волшебной устоитъ?
Живемъ мы такъ давно, такъ дружно, такъ семейно
Со всякимъ вертуномъ залетнымъ изъ-за Рейна. (Р. П. М.

[2]) ...а въ дѣтствѣ, можетъ быть,
Когда пора была безвреднѣйшимъ забавамъ?
Чацкій. На что же такъ давно? и т. д. (Р. П. М.)

ЭР03010

Вотъ полчаса холодности терплю!
Лицо святѣйшей богомолки!
И все-таки я васъ безъ памяти люблю. *(Минутное молчаніе.)*
Послушайте, ужель слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему-нибудь вреду?
Но если такъ—умъ съ сердцемъ не въ ладу:
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
Велите жъ мнѣ въ огонь—пойду какъ на обѣдъ.

Софья. Да, хорошо—сгорите, если жъ нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Софья, Лиза, Чацкій, Фамусовъ.

Фамусовъ. Вотъ и другой!

Софья. Ахъ, батюшка, сонъ въ руку! *(Уходитъ.)*

Фамусовъ *(ей вслѣдъ вполголоса).* Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Фамусовъ, Чацкій *(смотритъ на дверь, въ которую Софья вышла).*

Фамусовъ. Ну, выкинулъ ты штуку!
Три года не писалъ двухъ словъ
И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ! *(Обнимаются.)*
Здорово, другъ! Здорово, братъ, здорово!
Разсказывай, чай, у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй! *(Садятся.)*

Чацкій *(разсѣянно).* Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фамусовъ. Вамъ, людямъ молодымъ, другого нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты.
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ...

Чацкій. Ахъ, нѣтъ! надеждами я мало избалованъ.

Фамусовъ. «Сонъ въ руку»—мнѣ она изволила шепнуть—

ЭР03010

Вотъ ты задумалъ...

Чацкій. Я? ничуть!

Фамусовъ. О комъ ей снилось? что такое?

Чацкій. Я не отгадчикъ сновъ.

Фамусовъ. Не вѣрь ей—все пустое.

Чацкій. Я вѣрю собственнымъ глазамъ;
Вѣкъ не встрѣчалъ—подписку дамъ—
Чтобъ было ей хоть нѣсколько подобно!

Фамусовъ. Онъ все свое. Да разскажи подробно,
Гдѣ былъ, скитался столько лѣтъ?
Откудова теперь?

Чацкій. Теперь мнѣ до того ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
И не объѣхалъ сотой доли. *(Встаетъ поспѣшно.)*
Простите! я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте! черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду,
Вамъ первымъ, вы потомъ разсказывайте всюду. *(Въ дверяхъ.)*
Какъ хороша! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

Фамусовъ. Который же изъ двухъ?
«Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!»
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ. Какого жъ далъ я крюку!
Молчалинъ давеча въ сомнѣнье ввелъ меня;
Теперь... да въ полмя изъ огня:
Тотъ нищій, этотъ франтъ пріятель,
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ...
Что за комиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ! *(Уходитъ.)*

ЭР03010

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Фамусовъ и слуга.

Фамусовъ. Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,—
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка календарь.
Читай не такъ, какъ понамарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой-ка. На листкѣ черкни на записномъ
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ [1]):
Ешь три часа, а въ три дни не сварится.
Отмѣть-ка: въ тотъ же день... Нѣтъ, нѣтъ...
Въ четвергъ я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій самъ туда же долженъ лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память о себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ—вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключомъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ, и на богатой былъ женатъ;

---

[1]) Великій постъ и вдругъ обѣдъ. (Р. П. М.)

ЭР03010

Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался—всѣ о немъ прискорбно поминаютъ:
Кузьма Петровичъ! миръ ему!
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши: въ четвергъ,—одно ужъ къ одному,—
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,—
Я должен ъ у вдовы, у докторши крестить.
Она не родила, но по расчету
По моему, должна родить.

ЯВЛЕНІЕ II.

Фамусовъ, слуга, Чацкій.

Фамусовъ. А! Александръ Андреичъ! Просимъ,
Садитесь-ка.
Чацкій. Вы заняты?
Фамусовъ *(слугѣ)*. Поди. *(Слуга уходитъ.)*
Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ;
Забудется, того гляди.
Чацкій. Вы что-то невеселы стали;
Скажите, отчего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.
Фамусовъ. Ахъ, батюшка! нашелъ загадку:
Не веселъ я!.. Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку!
Чацкій. Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ, нездорова?
Фамусовъ. Тфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и то же!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна!

ЭР03010

Скажи, тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ,—не хочешь ли жениться?

Чацкій. А вамъ на что?

Фамусовъ. Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни—
По крайней мѣрѣ, искони
Отцомъ не даромъ называли.

Чацкій. Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

Фамусовъ. Сказалъ бы я, во-первыхъ: не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное—поди-ка [1]) послужи.

Чацкій. Служить бы радъ—прислуживаться тошно!

Фамусовъ. Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы, на старшихъ глядя!
Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ,—
При государынѣ служилъ Екатеринѣ.
А въ тѣ поры всѣ важны, въ сорокъ пудъ!..
Раскланяйся—тупеемъ [2]) не кивнутъ.
Вельможа въ случаѣ [3]), тѣмъ паче,
Не какъ другой, и пилъ и ѣлъ иначе.
А дядя! что твой князь, что графъ!
Серьезный взглядъ, надменный нравъ!
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ [4]) ему случилось оступиться —
Упалъ, да такъ, что чуть затылка не прошибъ.

---

[1]) Поди-тка (Р. И. М.)
[2]) Тупей—высокая прическа, модная въ то время.
[3]) „Быть въ случаѣ“—находиться въ милости при дворѣ.
[4]) Куртагъ—торжественное собраніе при дворѣ, современное—раутъ.

ЭР03010

Старикъ заохалъ; голосъ хрипкой...
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой—
Изволили смѣяться. Какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ—
Упалъ вдругорядь—ужъ нарочно!
А хохотъ пуще. Онъ и въ третій такъ же точно.
А? какъ по-вашему?.. По-нашему, смышленъ:
Упалъ онъ больно—всталъ здорово.
Зато, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ! Да. Вы, нынѣшніе, ну-тка!

Чацкій. И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея;
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ—
Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда—тѣмъ снесь, лежи они въ пыли,
А тѣмъ, кто выше, лесть, какъ кружево, плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
Все подъ личиною усердія къ царю [1])!
Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю,—
Его не возмутимъ мы праха,—
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичокъ

---

[1]) Когда все красилось усердіемъ къ царю (Р. И. М.)

ЭР03010

Иной, глядя на тотъ скачокъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай, приговаривалъ: ахъ, если бы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи.

Фамусовъ. Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій [1])!

Чацкій. Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ [2]).

Фамусовъ. Опасный человѣкъ!

Чацкій. Вольнѣе всякій дышитъ,
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

Фамусовъ. Что говоритъ!—и говоритъ, какъ пишетъ!

Чацкій. У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться, помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

Фамусовъ. Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

Чацкій. Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

Фамусовъ. Да онъ властей не признаетъ!

Чацкій. Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

Фамусовъ. Строжайше бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

Чацкій. Я, наконецъ, вамъ отдыхъ дамъ...

Фамусовъ. Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

Чацкій. Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно,—
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу,—
Ужъ такъ и быть, я не заплачу.

Фамусовъ. И знать васъ не хочу, разврата не терплю.

Чацкій. Я досказалъ.

Фамусовъ. Добро, заткнулъ я уши.

Чацкій. На что жъ? Я ихъ не оскорблю.

---

[1]) Карбонарій—членъ тайнаго революціоннаго общества въ Италіи начала XIX в.

[2]) Нѣтъ! нынче дурно для дворовъ (Р. И. М.)

ЭР03010

Фамусовъ *(скороговоркой)* [1]. Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши,
Воротятся—отъ нихъ порядка жди!..

Чацкій. Я пересталъ...

Фамусовъ. Пожалуй, пощади!

Чацкій. Длить споры не мое желанье.

Фамусовъ. Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ III.

Слуга *(входитъ)*. Полковникъ Скалозубъ.

Фамусовъ *(ничего не видитъ и не слышитъ)*. Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ—какъ пить дадутъ.

Чацкій. Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ.

Фамусовъ. Не слушаю—подъ судъ!

Чацкій. Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.

Фамусовъ. Не слушаю—подъ судъ! подъ судъ!

Чацкій. Да обернитесь—васъ зовутъ.

Фамусовъ *(оборачивается)*. А? бунтъ? Ну, такъ и жду содома!

Слуга. Полковникъ Скалозубъ. Прикажете принять?

Фамусовъ *(встаетъ)*. Ослы! сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ же, торопись! *(Слуга уходитъ.)*
Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный
И знаковъ тьму отличья нахваталъ!
Не по лѣтамъ и чинъ завидный—
Не нынче, завтра—генералъ!
Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько.
Эхъ, Александръ Андреичъ! дурно, братъ!
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько;
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:

---

[1]) Въ Р. И. М. этой ремарки нѣтъ.

ЭР03010

Вотъ будто женится на Сонюшкѣ. Пустое!
Онъ, можетъ-быть, и радъ бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ, власть Господня.
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось
И завиральныя идеи эти брось.
Однако нѣтъ его! какую бы причину...
А! знать ко мнѣ пошелъ въ другую половину. *(Поспѣшно уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чацкій. Какъ суетится! что за прыть!
А Софья? Нѣтъ ли впрямь тутъ жениха какого [1]).
Съ которыхъ поръ меня дичится какъ чужого!
Какъ здѣсь бы ей не быть?
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ.
А, можетъ быть, не только что отецъ...
Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Чацкій, Фамусовъ, Скалозубъ.

Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ сюда-съ,
Прошу покорно, здѣсь теплѣе;
Прозябли вы—согрѣемъ васъ;
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе.
Скалозубъ *(густымъ басомъ)*. Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ!.. Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ.
Фамусовъ. Неужто для друзей не сдѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ, дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу;
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.

---

[1]) А Софья? видно, нездорова (Р. И. М.).

ДВГНБ

ЭР03010

Скалозубъ. Куда прикажете, лишь только бы усѣсться. *(Садятся всѣ трое; Чацкій поодаль.)*

Фамусовъ. Ахъ, батюшки! сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счестся,
Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы,—а я подавно,—
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ,—
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Скалозубъ. Не знаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ! я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, своячиницы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку,
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!..
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

Скалозубъ. Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

Фамусовъ. Да! счастье, у кого есть эдакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Скалозубъ. За третье августа; засѣли мы въ траншею [1]);
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

Фамусовъ. Любезный человѣкъ, и посмотрѣть такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

Скалозубъ. Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ [2]):
Чинъ слѣдовалъ ему—онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

---

1) За 3-ье августа, мы брали батарею... (Р. И. М.)

2) Но крѣпко зараженъ теперешнимъ столѣтьемъ.
Представьте: капитанъ—по списку былъ онъ третьимъ,
Въ отставку вышелъ вдругъ и книги сталъ читать.

ЭР03010

Фамусовъ. Вотъ молодость!.. читать!.. а послѣ хвать!.
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.
Скалозубъ. Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ—
Вакансіи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.
Фамусовъ. Да, чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ!
Скалозубъ. Бываетъ, моего счастливѣе везетъ.
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.
Фамусовъ. Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?
Скалозубъ. Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полкомъ два года поводили.
Фамусовъ. Въ погонь ли за полкомъ?
Зато, конечно, въ чемъ другомъ
За вами далеко тянуться.
Скалозубъ. Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу—
Мнѣ только бы досталось въ генералы.
Фамусовъ. И славно судите, дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ; а тамъ—
Зачѣмъ откладывать бы дальше—
Рѣчь завести объ генеральшѣ?
Скалозубъ. Жениться? Я ничуть не прочь.
Фамусовъ. Что жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода;
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется столица, какъ Москва.
Скалозубъ. Дистанція огромнаго размѣра [1]).

---

[1]) Дистанціи огромнаго размѣра. (Р. И. М.)

ЭР03010

Фамусовъ. Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть:
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенькій, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ [1]).
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви.
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ!
Да это ли одно?.. Возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь,
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ—
Для насъ ровнехонько—про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
На юношей, сынковъ и внучатъ:
Журимъ мы ихъ, а если разберешь—
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ: что слово—приговоръ!
Вѣдь столбовые все; въ усъ никому не дуютъ
И объ правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что если бъ кто подслушалъ ихъ... бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда,
Спаси насъ Боже!.. Нѣтъ... А придерутся [2])
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ—и... разойдутся.

---

1) Надутый книжнымъ чванствомъ (Р. И. М.)
2) Спаси насъ, Боже, отъ крамолъ, но
Когда къ словцу, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ, и... полно. (Р. И. М.)

ЭР03010

Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!
Я вамъ скажу, знать, время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
А дамы?—сунься кто, попробуй, овладѣй;
Судьи всему, вездѣ, надъ ними нѣтъ судей;
За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ—
Дай Богъ терпѣніе! вѣдь самъ я былъ женатъ.
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ, всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ—
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно, можно ли воспитаннѣе быть!
Умѣютъ же себя принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой;
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому что—патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва.

Скалозубъ. По моему сужденью [1]),
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.
Фамусовъ. Не поминайте намъ, ужъ мало ли крехтятъ!

---

[1]) По моему сужденью,
Пожаръ, какъ на заказъ, пылалъ:
Способствовалъ къ градскому украшенью,
И образъ жизни лучше сталъ.
Фамусовъ. Охъ! отъ пожара намъ пришлося было туго.
Чацкій (*не обращаясь ни къ кому*). Да, былъ нашъ черный годъ,
не послужило впрокъ...

ЭР03010

Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все на новый ладъ.

Чацкій. Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь, не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

Фамусовъ (*Чацкому*). Эй, завяжи на память узелокъ;
Просилъ я помолчать—не велика услуга. (*Скалозубу.*)
Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
Не служитъ, то-есть въ томъ онъ пользы не находитъ;
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой.
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ.
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

Чацкій. Нельзя ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ [1]).

Фамусовъ. Не я одинъ—всѣ также осуждаютъ.

Чацкій. А судьи кто?.. За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима [2]);
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма;
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ,
Что ста́рѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не воскресятъ кліенты иностранцы

---

1) Съ меня ужъ будетъ. (Р. И. М.)

2) Въ отставкѣ, вѣчный толкъ ихъ о придворныхъ штатахъ. (Р. И. М.) Черта историческая: въ Москвѣ дѣйствительно тогда жило много вельможъ, утратившихъ связь съ дворомъ.

ЭР03010

Прошедшаго житья подлѣйшія черты!
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ ли, вы къ кому меня еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ [1])?
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И жизнь, и честь его не разъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или вонъ тотъ еще, который для затѣй
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ,
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы поодиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній;
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,—
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ [2]).

---

[1]) Автобіографическая черта: А. С. Грибоѣдова оскорбляло, что еще въ дѣтствѣ, по настоянію дядюшки, его возили къ разнымъ знатнымъ лицамъ, чтобъ обезпечить ему карьеру. По свидѣтельству Бѣгичева, Грибоѣдовъ, опасаясь такихъ визитовъ, при въѣздѣ своего дяди на дворъ, сказывался больнымъ.

[2]) И прокричатъ его мальчишкою негоднымъ (Р. И. М.)

ЭР03010

Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ въ прежнемъ ихъ быту
Когда-то укрывалъ, расшитый и красивый,
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету.
И намъ за ними въ путь счастливый!
И въ женахъ, дочеряхъ къ мундиру та же страсть.
Я самъ къ нему давно ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть,
Но кто бъ тогда за всѣми не повлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины: ура!
И въ воздухъ чепчики бросали [1])!

---

[1]) Первоначальная редакція этого монолога, зачеркнутая въ Р. И. М., была слѣдующая:

Чацкій. Какъ истинно въ Москвѣ всему своя печать.
Есть добродѣтели, которыя хоть стары,
А продолжаютъ вѣковать,
Преодолѣвъ и моды и пожары.
Чтобъ не трудить себѣ ума,
Мы скажемте: все нынче, какъ бывало.
И прежде были тѣ жъ открытые дома,
Входило все, что ни попало,
Ѣсть, пить и предавать на судъ
Столовъ убранство, роскошь блюдъ;
А путешественникъ не разъ середь обѣда
Тишкомъ разгадывалъ на лбу
Иного земляка-сосѣда,
Что былъ привинченъ онъ къ позорному столбу.
Вамъ нравится въ сынкахъ отцовское наслѣдство...
И прежде имъ плелись побѣдные вѣнки;
Людьми считались съ малолѣтства
Патриціевъ дворянскіе сынки,
Въ заслуги ставили имъ души родовыя,
Любили ихъ, ласкали ихъ
И причитались къ нимъ въ родные...
Коли теперь соборы всѣхъ сѣдыхъ
Бранятъ, чего не разумѣютъ,
А рѣдко путное затѣютъ,
Всегда готовые къ журьбѣ,—

ЭР03010

Фамусовъ *(про себя)*. Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду.
(Громко.)
Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Скалозубъ, Чацкій.

Скалозубъ. Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, къ гвардіонцамъ.
Ихъ золоту, шитью дивятся будто солнцамъ!
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по-французски.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Скалозубъ, Чацкій, Софья, Лиза.

Софья *(бѣжитъ къ окну)*. Ахъ, Боже мой! упалъ! убился!..
(Падаетъ въ обморокъ.)
Чацкій. Кто?
Кто это?
Скалозубъ. Съ кѣмъ бѣда?

Пѣвали прежде пѣсню ту же,
Не замѣчая о себѣ—
Что старѣе, то хуже.
Теперь громъ сабель, шпоръ, султанъ
И камеръ-юнкерскій кафтанъ
Узорчатый—красавицамъ прельщенье.
Не то ли жъ было искушенье,
Когда изъ гвардіи...
(Далѣе какъ въ текстѣ).

ДВГНБ

ЭР03010

Чацкій. Она мертва со страху.

Скалозубъ. Да кто? откудова?

Чацкій. Ушибся обо что?

Скалозубъ. Ужъ не старикъ ли нашъ далъ маху?

Лиза *(хлопочетъ около барышни).* Кому назначено-съ — не миновать судьбы!

Молчалинъ на лошадь садился: ногу въ стремя,
А лошадь на дыбы —
Онъ объ землю—и прямо въ темя.

Скалозубъ. Поводья затянулъ; ну, жалкій же ѣздокъ!
Взглянуть, какъ треснулся онъ—грудью или въ бокъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, безъ Скалозуба.

Чацкій. Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе.

Лиза. Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ. *(Чацкій бѣжитъ и приноситъ. Все слѣдующее вполголоса до того, какъ Софья очнется.)*

Лиза. Стаканъ налейте.

Чацкій. Ужъ налитъ.

Шнуровку отпусти вольнѣе,
Виски ей уксусомъ потри,
Опрыскивай водой. Смотри:
Свободнѣе дыханье стало...
Повѣять чѣмъ?

Лиза. Вотъ опахало.

Чацкій. Гляди въ окно—
Молчалинъ на ногахъ давно!
Бездѣлица ее тревожитъ.

Лиза. Да-съ, барышнинъ несчастенъ нравъ:
Со стороны смотрѣть не можетъ,
Какъ люди падаютъ стремглавъ.

Чацкій. Опрыскивай еще водою.
Вотъ такъ... Еще... Еще.

РГБ

ЭР03010

Софья *(съ глубокимъ вздохомъ)*. Кто здѣсь со мною?
Я точно какъ во снѣ...
(Торопливо и громко.) Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ.
Чацкій. Пускай себѣ сломилъ бы шею—
Васъ чуть было не уморилъ.
Софья. Убійственны холодностью своею!
Смотрѣть на васъ, васъ слушать нѣту силъ.
Чацкій. Прикажете мнѣ за него терзаться?
Софья. Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться!..
Чацкій. Чтобъ оставались вы безъ помощи однѣ?
Софья. На что вы мнѣ?
Да, правда: не свои бѣды для васъ забавы.
Отецъ родной убейся—все равно. *(Лизѣ.)*
Пойдемъ туда, бѣжимъ...
Лиза *(отводитъ ее въ сторону.)* Опомнитесь, куда вы?
Онъ живъ, здоровъ; смотрите здѣсь въ окно. *(Софья высовывается въ окошко.)*
Чацкій. Смятенье! обморокъ! поспѣшность, гнѣвъ испуга!..
Такъ можно только ощущать,
Когда лишаешься единственнаго друга.
Софья. Сюда идутъ. Руки не можетъ онъ поднять!
Чацкій. Желалъ бы съ нимъ убиться...
Лиза. Для компаньи? [1])
Софья. Нѣтъ, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Софья, Лиза, Чацкій, Скалозубъ, Молчалинъ *(съ подвязанной рукой).*

Скалозубъ. Воскресъ и невредимъ! рука
Ушиблена слегка;
А впрочемъ, все фальшивая тревога.

---

[1]) Въ Р. И. М. слова: „для компаньи“ первоначально стоятъ въ репликѣ Чацкаго; затѣмъ рукою Грибоѣдова поправлено, и эти слова вложены въ уста Лизы. Поправка внесена по совѣту кн. П. А. Вязем-

ЭР03010

Молчалинъ. Я васъ перепугалъ; простите, ради Бога.

Скалозубъ. Ну, я не зналъ, что будетъ изъ того
Вамъ ирритація[1])—опрометью вбѣжали,
Мы вздрогнули, вы въ обморокъ упали —
И что жъ?—весь страхъ изъ ничего.

Софья *(не глядя ни на кого).* Ахъ! очень вижу: изъ пустова,
А все еще теперь дрожу.

Чацкій *(про себя.)* Съ Молчалинымъ ни слова!

Софья *(попрежнему.)* Однако о себѣ скажу,
Что не труслива. Такъ бываетъ:
Карета свалится, поднимутъ—я опять
Готова сызнова скакать;
Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ,
Хоть нѣтъ великаго несчастья оттого,
Хоть незнакомый мнѣ—до этого нѣтъ дѣла.

Чацкій *(про себя.)* Прощенья проситъ у него,
Что разъ о комъ-то пожалѣла!

Скалозубъ. Позвольте, разскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
Наѣздница, вдова,—но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ,—
На-дняхъ расшиблась впухъ;
Жокей не поддержалъ—считалъ онъ, видно, мухъ.
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Софья. Ахъ, Александръ Андреичъ! вотъ
Явитесь вы вполнѣ великодушны[2]):

скаго, который во время чтенія пьесы ему Грибоѣдовымъ замѣтилъ, что въ устахъ Чацкаго, особенно при его состояніи духа, слова: „для компаньи“ звучали бы пошло.

[1]) Ирритація—галлицизмъ: тревога, волненіе.

[2]) Къ ея искателямъ кабы себя причли вы?—
Вѣдь вы на помощь торопливы.
Чацкій. Да-съ, опытъ давеча я показалъ на васъ:
Смиренникъ погубилъ, а я отъ смерти спасъ (*беретъ шляпу и уходитъ*) (Р. И. М.).

ЭР03010

Къ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны!

Чацкій. Да-съ, это я сейчасъ явилъ
Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ,
И прысканьемъ, и оттираньемъ...
Не знаю—для кого, но васъ я воскресилъ. *(Беретъ шляпу и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, кромѣ Чацкаго.

Софья. Вы вечеромъ къ намъ будете?

Скалозубъ. Какъ рано?

Софья. Пораньше. Съѣдутся домашніе, друзья
Потанцовать подъ фортепьяно.
Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя...

Скалозубъ. Явлюсь, но къ батюшкѣ зайти я обѣщался...
Откланяюсь.

Софья. Прощайте.

Скалозубъ *(жметъ руку Молчалину)* Вашъ слуга. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Софья, Лиза, Молчалинъ.

Софья. Молчалинъ! какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога!
Зачѣмъ же ей играть, и такъ неосторожно?
Скажите, какъ у васъ съ рукой?
Не дать ли капель вамъ? Не нуженъ ли покой?
Пошлите къ доктору: пренебрегать не должно.

Молчалинъ. Платкомъ перевязалъ—не больно мнѣ съ тѣхъ поръ.

Лиза. Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И если бъ не къ лицу, не нужно перевязки;
А то не вздоръ, что вамъ не избѣжать огласки:
Насмѣхъ, того гляди, подыметъ Чацкій васъ;
И Скалозубъ, какъ свой хохолъ закрутитъ,

ЭР03010

Разскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ;
Шутить и онъ гораздъ—вѣдь нынче кто не шутитъ!

Софья. А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу—люблю, хочу—скажу.
Молчалинъ! будто я себя не принуждала?
Вошли вы—слова не сказала;
При нихъ не смѣла я дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть!

Молчалинъ. Нѣтъ, Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны...

Софья. Откуда скрытность почерпнуть?
Готова я была въ окошко къ вамъ спрыгнуть.
Да что мнѣ до кого, до нихъ, до всей вселенной!
Смѣшно?—пусть шутятъ ихъ, досадно?—пусть бранятъ.

Молчалинъ. Не повредила бы намъ откровенность эта [1]).

Софья. Неужто на дуэль васъ вызвать захотятъ?

Молчалинъ. Ахъ! злые языки страшнѣе пистолета...

Лиза. Сидятъ они у батюшки теперь:
Вотъ кабы вы порхнули въ дверь
Съ лицомъ веселымъ, беззаботно.
Когда намъ скажутъ, что хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно!
И Александръ Андреичъ—съ нимъ
О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ,
Поразвернитесь-ка въ разсказахъ:
Улыбочка и пара словъ—
И кто влюбленъ—на все готовъ.

Молчалинъ. Я вамъ совѣтовать не смѣю. *(Цѣлуетъ ей руку.)*

Софья. Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слезъ;
Боюсь, что выдержать притворства не сумѣю.
Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ! *(Уходитъ.)*

---

[1]) Чтобъ дорого не заплатить за это. (*Цѣлуетъ ся руки*) (Р. И. М).

ЭР03010

ЯВЛЕНІЕ XII.

Молчалинъ, Лиза.

Молчалинъ. Веселое созданье ты, живое!
Лиза. Прошу пустить, и безъ меня васъ двое.
Молчалинъ. Какое личико твое! *(Хочетъ ее обнять.)* [1])
Какъ я тебя люблю!
Лиза. А барышню?
Молчалинъ. Ее
По должности, тебя...
Лиза. Отъ скуки?
Прошу подальше руки!
Молчалинъ. Есть у меня вещицы три:
Есть туалетъ—прехитрая работа!
Снаружи зеркальце и зеркальце внутри,
Кругомъ все прорѣзь, позолота;
Подушечка, изъ бисера узоръ
И перламутровый приборъ:
Игольничекъ и ножинки—какъ милы!
Жемчужинки, растертыя въ бѣлилы!
Помада есть для губъ и для другихъ причинъ:
Съ духами стекляночки: резеда и жасминъ.
Лиза. Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы съ барышней скромны, а съ горничной повѣсы?
Молчалинъ. Сегодня боленъ я, обвязки не сниму.
Приди въ обѣдъ, побудь со мною,
Я правду всю тебѣ открою. *(Уходитъ въ боковую дверь.)*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Софья и Лиза.

Софья. Была у батюшки,—тамъ нѣту никого.
Сегодня я больна и не пойду обѣдать,

---

[1]) Этой ремарки нѣтъ въ Р. И. М.

ГПИБ

ЭР03010

Скажи Молчалину, и позови его,
Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать. *(Уходитъ къ себѣ въ комнату.)*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Лиза. Ну, люди въ здѣшней сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ!
А я... одна лишь я любви до смерти трушу!
А какъ не полюбить буфетчика Петрушу!

ДВГНБ

ЭР03010

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чацкій, потомъ **Софья**.

Чацкій. Дождусь ея и вынужу признанье:
Кто, наконецъ, ей милъ? Молчалинъ? Скалозубъ?
Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ!..
Жалчайшее созданье!
Ужъ развѣ поумнѣлъ?.. А тотъ—
Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ,
Созвѣздіе маневровъ и мазурки!
Судьба любви—играть ей въ жмурки.
А мнѣ... *(Входитъ Софья.)*
Вы здѣсь? я очень радъ,
Я этого желалъ.

Софья *(про себя)*. И очень невпопадъ.

Чацкій. Конечно, не меня искали?

Софья. Я не искала васъ!

Чацкій. Дознаться мнѣ нельзя ли,
Хоть и некстати, нужды нѣтъ:
Кого вы любите?

Софья. Ахъ, Боже мой! весь свѣтъ!

Чацкій. Кто болѣе вамъ милъ?

Софья. Есть многіе родные [1]).

Чацкій. Всѣ болѣе меня?

Софья. Иные.

---

[1]) Вотъ спросы пречудные (Р. П. М.)

ДВГБ

ЭР03010

Чацкій. И я чего хочу, когда все рѣшено!
Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно.
Софья. Хотите ли знать истины два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть видна —
Веселость ваша не скромна:
У васъ тотчасъ ужъ острота готова.
А сами вы...
Чацкій. А самъ? не правда ли, смѣшонъ?
Софья. Да! грозный взглядъ и рѣзкій тонъ,
И этихъ въ васъ особенностей бездна,
А надъ собой гроза куда не безполезна.
Чацкій. Я страненъ? А не страненъ кто жъ?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ—
Молчалинъ, напримѣръ...
Софья. Примѣры мнѣ не новы.
Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ излить готовы;
А я, чтобъ не мѣшать, отсюда удалюсь.
Чацкій *(держитъ ее).* Постойте же! *(Въ сторону.)* Разъ въ жизни притворюсь. *(Громко.)*
Оставимте мы эти пренья.
Передъ Молчалинымъ не правъ я, виноватъ;
Быть можетъ, онъ не то, что три года назадъ:
Есть на землѣ такія превращенья
Правленій, климатовъ и нравовъ и умовъ;
Есть люди важные, слыли за дураковъ,
Иной по арміи, иной плохимъ поэтомъ,
Иной... боюсь назвать... но признано всѣмъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,
Что стали умны хоть куда!
Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый,
Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ

ЭР03010

Душою—вы, вамъ угожденье?..
Самъ это чувствую, сказать лишь не могу...
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Не пожелалъ бы я и личному врагу,
А онъ?.. смолчитъ и голову повѣситъ.
Конечно, смиренъ—всѣ такіе не рѣзвы;
Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна скрыта;
Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,
Чѣмъ голова его ввѣкъ не была набита.
Быть можетъ, качествъ вашихъ тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему:
Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ, вы во сто разъ грѣшнѣе.
Нѣтъ, нѣтъ! пускай уменъ, часъ отъ часу умнѣе,
Но васъ онъ стоитъ ли? вотъ вамъ одинъ вопросъ.
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
Какъ человѣку вы, который съ вами взросъ,
Какъ другу вашему, какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ;
Потомъ
Отъ сумасшествія могу я остеречься:
Пущусь подалѣе—простыть, охолодѣть,
Не думать о любви; тамъ буду я умѣть,
Теряясь по свѣту, забыться и развлечься.

Софья *(про себя)*. Вотъ нехотя съ ума свела! *(Вслухъ.)*
Что притворяться?
Молчалинъ давеча могъ безъ руки остаться,
Я живо въ немъ участье приняла,
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору;
Но, можетъ, истина въ догадкахъ вашихъ есть,
И горячо его беру я подъ защиту:
Зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ,
Такъ невоздержну на языкъ?
Въ презрѣньи къ людямъ такъ нескрыту,
Что и смирнѣйшему пощады нѣтъ?.. чего!—

ЭР03010

Случись кому назвать его—
Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ.
Шутить, и вѣкъ шутить! какъ васъ на это станетъ?
Чацкій. Ахъ, Боже мой! неужли я изъ тѣхъ,
Которымъ цѣль всей жизни смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще съ ними я скучаю.
Софья. Напрасно это вы относите къ другимъ:
Молчалинъ вамъ наскучилъ бы едва ли,
Когда бъ сошлись короче съ нимъ.
Чацкій *(съ жаромъ).* Зачѣмъ же вы его такъ коротко узнали?
Софья. Я не старалась,—Богъ насъ свелъ.
Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ.
При батюшкѣ три года служитъ,
Тотъ часто безъ-толку сердитъ,
А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
Отъ доброты души проститъ;
И, между прочимъ,
Веселостей искать бы могъ —
Ничуть: отъ старичковъ не ступитъ за порогъ;
Мы рѣзвимся, хохочемъ,—
Онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ не радъ,
Играетъ...
Чацкій. Цѣлый день играетъ!
Молчитъ, когда его бранятъ!.. *(Въ сторону.)*
Она его не уважаетъ!
Софья. Конечно, нѣтъ въ немъ этого ума,
Что геній для иныхъ, а для иныхъ чума,
Который скоръ, блестящъ и скоро опротивитъ,
Который свѣтъ ругаетъ наповалъ,
Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что-нибудь сказалъ.
Да этакой ли умъ семейство осчастливитъ?
Чацкій. Сатира и мораль смыслъ этого всего? *(Въ сторону.)*
Она не ставитъ въ грошъ его.
Софья. Чудеснѣйшаго свойства
Онъ, наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ,

ЭР03010

Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,
И на душѣ проступковъ никакихъ;
Чужихъ и вкривь и вкось не рубить—
Вотъ я за что его люблю.

Чацкій (*въ сторону*). Шалитъ! она его не любитъ. (*Вслухъ*)
Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозубъ? Вотъ заглядѣнье![1])
За армію стоитъ горой,
И прямизною стана,
Лицомъ и голосомъ герой...

Софья. Не моего романа.

Чацкій. Не вашего? Кто разгадаетъ васъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Чацкій, Софья, Лиза.

Лиза (*шопотомъ*). Сударыня, за мной сейчасъ
Къ вамъ Алексѣй Степанычъ будетъ.

Софья. Простите, надобно итти мнѣ поскорѣй.

Чацкій. Куда?

Софья. Къ прикмахеру.

Чацкій. Богъ съ нимъ...

Софья. Щипцы простудитъ.

Чацкій. Пускай себѣ...

Софья. Нельзя, ждемъ на вечеръ гостей.

Чацкій. Богъ съ вами! остаюсь опять съ моей загадкой
Однако дайте мнѣ зайти хотя украдкой
Къ вамъ въ комнату на нѣсколько минутъ;
Тамъ стѣны, воздухъ—все пріятно!..
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминанія объ томъ, что невозвратно!

---

[1]) Но Скалозубъ? вотъ человѣкъ съ душой;
Люблю я ростъ его большой,
Геройскій голосъ—басъ, звучнѣе барабана. (Р. П. М.)

ЭР03010

Не засижусь, войду, всего минуты двѣ...
Потомъ, подумайте, членъ Англійскаго клуба,
Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ
Про умъ Молчалина, про душу Скалозуба. *(Софья пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается; за нею Лиза.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Чацкій, потомъ **Молчалинъ**.

Чацкій. Ахъ, Софья! Неужли Молчалинъ избранъ ей!
А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало,
Но чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума не доставало?
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть. *(Входитъ Молчалинъ.)*
Вотъ онъ, на цыпочкахъ и не богатъ словами...
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть! *(Обращается къ нему.)*
Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче, безъ печали?
Молчалинъ. Попрежнему-съ.
Чацкій. А прежде какъ живали?
Молчалинъ. День за день, нынче какъ вчера.
Чацкій. Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?
Молчалинъ. По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.
Чацкій. Взманили почести и знатность?
Молчалинъ. Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...
Чацкій. У васъ?
Молчалинъ. Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.

ЭР03010

Чацкій. Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ всѣхъ!
Молчалинъ. Вамъ не дались чины; по службѣ неуспѣхъ?
Чацкій. Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.
Молчалинъ. Какъ удивлялись мы!
Чацкій. Какое жъ диво тутъ?
Молчалинъ. Жалѣли васъ.
Чацкій. Напрасный трудъ.
Молчалинъ. Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...
Чацкій. Ей почему забота?
Молчалинъ. Татьянѣ Юрьевнѣ?
Чацкій. Я съ нею незнакомъ.
Молчалинъ. Съ Татьяной Юрьевной?
Чацкій. Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.
Слыхалъ, что вздорная...
Молчалинъ. Да это полно та ли-съ?
Татьяна Юрьевна!.. извѣстная... Притомъ [1])
Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные.
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...
Чацкій. На что же?
Молчалинъ. Такъ. Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.
Чацкій. Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.
Молчалинъ. Какъ обходительна, добра, мила, проста!

---

[1]) Татьяна Дмитревна!!!—Ея извѣстенъ домъ:
Живетъ по старинѣ и рождена въ боярствѣ,
Мужъ занимаетъ постъ изъ первыхъ въ государствѣ,
Любезенъ, лакомка до вкусныхъ блюдъ и винъ,
Притомъ отличный семьянинъ:
Съ женой въ ладу, по службѣ ею дышитъ:
Она прикажетъ—онъ подпишетъ.
Къ Татьянѣ Дмитревнѣ вы съѣздите. (Р. П. М.)

ЭР03010

Балы даетъ, нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать, и весело пожить?

Чацкій. Когда въ дѣлахъ,—я отъ веселій прячусь,
Когда дурачиться,—дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма охотниковъ; я не изъ ихъ числа.

Молчалинъ. Простите. Впрочемъ, тутъ не вижу преступленья.
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ—знакомъ онъ вамъ?

Чацкій. Ну, что жъ?

Молчалинъ. При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья;
Переведенъ сюда...

Чацкій. Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ, изъ самыхъ безтолковыхъ!

Молчалинъ. Какъ можно! слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ!
Читали вы?..

Чацкій. Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

Молчалинъ. Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть;
Не сочинитель я...

Чацкій. И по всему замѣтно [1]).

Молчалинъ. Не смѣю моего сужденья произнесть...

Чацкій. Зачѣмъ же такъ секретно?

Молчалинъ. Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Чацкій. Помилуйте, мы съ вами не ребяты;
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Молчалинъ. Вѣдь надобно жъ зависѣть отъ другихъ.

Чацкій. Зачѣмъ же надобно?

Молчалинъ. Въ чинахъ мы небольшихъ.

Чацкій *(почти громко).* Съ такими чувствами, съ такой душою,
Любимъ!.. Обманщица смѣялась надо мною!

---

[1]) Да; по всему замѣтно (Р. И. М.)

ЭР03010

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Вечеръ. Всѣ двери настежь, кромѣ въ спальню Софьи. Въ перспективѣ раскрывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ.)

Слуги суетятся, одинъ изъ нихъ, главный, говоритъ:

Эй, Филька, Ѳомка, ну, ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и свѣчей! *(Стучится къ Софьѣ въ дверь.)*

Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна и съ мужемъ, и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета. *(Расходятся, остается одинъ Чацкій.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Чацкій, Наталья Дмитріевна *(молодая дама.)*

Наталья Дмитріевна. Не ошибаюсь ли?.. Онъ точно, по лицу...
Ахъ, Александръ Андреичъ, вы ли?
Чацкій. Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы.
Неужто такъ меня три года измѣнили?
Наталья Дмитріевна. Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно ли?
Чацкій. Нынче лишь.
Наталья Дмитріевна. Надолго?
Чацкій. Какъ случится.
Однако кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ:
Моложе вы, свѣжѣе стали:
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.
Наталья Дмитріевна. Я замужемъ.
Чацкій. Давно бы вы сказали.
Наталья Дмитріевна. Мой мужъ—прелестный мужъ, вотъ онъ сейчасъ войдетъ;
Я познакомлю васъ,—хотите?
Чацкій. Прошу.

ЭР03010

Наталья Дмитріевна. И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.
Чацкій. Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.
Наталья Дмитріевна. О, нѣтъ-съ! не потому,
Самъ по себѣ, по нраву, по уму,
Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный,
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно, былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Чацкій, Наталья Дмитріевна, Платонъ Михайловичъ.

Наталья Дмитріевна. Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!
Чацкій. Ба!
Другъ старый, мы давно знакомы! Вотъ судьба!
Платонъ Михайловичъ. Здорово, Чацкій, братъ!
Чацкій. Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно!
Платонъ Михайловичъ. Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.
Чацкій. Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?
Платонъ Михайловичъ. Нѣтъ, есть таки занятья:
На флейтѣ я твержу дуетъ
А-мольный...
Чацкій. Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже.
Платонъ Михайловичъ. Братъ, женишься, тогда меня вспомянь!
Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и то же.
Чацкій. Отъ скуки? какъ? ужъ ты ей платишь дань?
Наталья Дмитріевна. Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ
склоненъ разнымъ,

ЭР03010

Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу... иногда скучаетъ по утрамъ.

Чацкій. А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть праздным?
Въ полкъ!—эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?

Наталья Дмитріевна. Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ
очень слабъ.

Чацкій. Здоровьемъ слабъ? Давно ли?

Наталья Дмитріевна. Все ревматизмъ [1]) и головныя боли.

Чацкій. Движенья болѣе. Въ деревню, въ теплый край,
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.

Наталья Дмитріевна. Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубитъ?

Чацкій. Москву и городъ... Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?

Платонъ Михайловичъ. Да, братъ: теперь не такъ...

Наталья Дмитріевна. Ахъ, мой дружочекъ!
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ;
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ.

Платонъ Михайловичъ. Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна. Послушайся разочекъ,
Мой милый,—застегнись скорѣй.

Платонъ Михайловичъ *(равнодушно).* Сейчасъ.

Наталья Дмитріевна. Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади!

Платонъ Михайловичъ. Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна. Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди.

Платонъ Михайловичъ *(глаза къ небу).* Ахъ, матушка!

Чацкій. Ну, Богъ тебя суди;
Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время!
Не въ третьемъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? лишь утро,—ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ;

---

[1]) Все рюматизмъ (Р. П. М.)—Вѣроятно, такъ произносили въ обществѣ.

ЭР03010

Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла.

Платонъ Михайловичъ *(вздыхаетъ)*. Эхъ, братецъ, славное тогда житье-то было!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, князь Тугоуховскій и княгиня съ шестью дочерьми.

Наталья Дмитріевна *(тоненькимъ голоскомъ)*. Князь Петръ Ильичъ, княгиня! Боже мой! Княжна Зизи! Мими!

(Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ).

1-я княжна. Какой фасонъ прекрасный!

2-я княжна. Какія складочки!

1-я княжна. Обшито бахромой.

Наталья Дмитріевна. Нѣтъ, если бъ видѣли мой тюрлюрлю атласный!

3-я княжна. Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4-я княжна. Ахъ, да!—барежевый!

5-я княжна. Ахъ, прелесть!

6-я княжна. Ахъ, какъ милъ!

Княгиня. Ссъ! Кто это въ углу,—вошли мы,—поклонился?

Наталья Дмитріевна. Пріѣзжій, Чацкій.

Княгиня. От-став-ной?

Наталья Дмитріевна. Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня. И хо-ло-стой?

Наталья Дмитріевна. Да, не женатъ.

Княгиня. Князь, князь! сюда—живѣе!

Князь *(къ ней оборачиваетъ слуховую трубку)*. О-хмъ!

Княгиня. Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе Натальи Дмитревны знакомаго: вонъ онъ!

Князь. И-хмъ! *(Отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ.)*

Княгиня. Вотъ то-то, дѣтки!

ЭР03010

Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ:
Танцовщики ужасно стали рѣдки!..
Онъ камеръ-юнкеръ?

Наталья Дмитріевна. Нѣтъ.

Княгиня. Богатъ?

Наталья Дмитріевна. О, нѣтъ!

Княгиня. Князь, князь! назадъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня внучка. Ахъ, grand'maman! ну, кто такъ рано пріѣзжаетъ?
Мы первыя! *(Пропадаетъ въ боковую комнату.)*

Княгиня. Вотъ насъ честитъ!
Вишь, первая, а насъ за никого считаетъ!
Зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ. Ужъ Богъ ее проститъ!

Графиня внучка *(вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ.)*
Мсьё Чацкій! вы въ Москвѣ? Какъ были, все такіе! [1])

Чацкій. На что мѣняться мнѣ?

Графиня внучка. Вернулись холостые?

Чацкій. На комъ жениться мнѣ?

Графиня внучка. Въ чужихъ краяхъ на комъ?
О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся, и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.

Чацкій. Несчастные! должны ль упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ?

---

[1]) Мсьё Чацкій! Вы опять въ Россіи? (Р. И. М.)

ЭР03010

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и множество другихъ гостей. Между прочими, **Загорѣцкій**. Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. **Софья** отъ себя выходитъ; всѣ ей навстрѣчу.

Графиня внучка. Eh, bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente.

Загорѣцкій. На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

Софья. Нѣтъ.

Загорѣцкій. Позвольте вамъ вручить; напрасно бы кто взялся
Другой вамъ услужить. Зато
Куда я ни кидался?
Въ контору—все взято,
Къ директору—онъ мнѣ пріятель—
Съ зарей въ шестомъ часу, и кстати ль?
Ужъ съ вечера никто достать не могъ;
Къ тому, къ сему,—всѣхъ сбилъ я съ ногъ.
И этотъ, наконецъ, похитилъ уже силой
У одного: старикъ онъ хилый,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ,—
Пусть дома просидитъ въ покоѣ!

Софья. Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье вдвое.

(Являются еще кое-какіе. Между тѣмъ временемъ Загорѣцкій отходитъ къ мужчинамъ.)

Загорѣцкій. Платонъ Михайлычъ!..

Платонъ Михайловичъ. Прочь!
Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь.
Я правду объ тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи *(Чацкому)*. Вотъ, братъ, рекомендую!
Какъ этакихъ людей учтивѣе зовутъ,

ЭР03010

Нѣжнѣе? Человѣкъ онъ свѣтскій [1]),
Отъявленный мошенникъ, плутъ —
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись: переносить гораздъ!
И въ карты не садись: продастъ!

Загорѣцкій. Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ малѣйшей злобы!

Чацкій. И оскорбляться вамъ смѣшно бы...
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

Платонъ Михайловичъ. Охъ, нѣтъ, братецъ! у насъ ругаютъ [2])
Вездѣ, а всюду принимаютъ. *(Загорѣцкій мѣшается въ толпу.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Хлестова.

Хлестова *(Софьѣ.)* Легко ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница?.. Мученье!
Часъ битый ѣхали съ Покровки—силы нѣтъ!
Ночь—свѣта преставленье!
Отъ скуки я взяла съ собой
Арапку-дѣвку да собачку.
Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте! *(Сѣла.)* Ну, Софьюшка, мой другъ,
Какая у меня арапка для услугъ!
Курчавая, горбомъ лопатки!
Сердитая! всѣ кошачьи ухватки!
Да какъ черна! да какъ страшна!
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій! въ дѣвичьей она...
Позвать ли?

---

[1]) Помягче-то? По-свѣтски? (Р. И. М.)

[2]) Охъ! нѣтъ, братецъ,—Москва! ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ. (Р. И. М.).

ЭР03010

Софья. Нѣтъ-съ, въ другое время.

Хлестова. Представь, ихъ какъ звѣрей выводятъ на показъ.
Я слышала, тамъ... городъ есть турецкій...
А знаешь ли, кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій. *(Загорѣцкій выставляется впередъ.)*
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ, *(Загорѣцкій исчезаетъ)*
Я отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говоритъ,—чай, въ карты сплутовалъ;
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровье!

Чацкій *(со смѣхомъ [1]) Платону Михайловичу).* Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ!
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ, пропалъ.

Хлестова. Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія какого?

Софья. Вотъ этотъ? Чацкій.

Хлестова. Ну, а что нашелъ смѣшного?
Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ.
Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала,
Я за уши его дирала,—только мало.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Фамусовъ.

Фамусовъ *(громогласно).* Ждемъ князь Петръ Ильича,
А князь ужъ здѣсь!—а я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалозубъ? Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ? кажется, что нѣтъ: онъ человѣкъ замѣтный,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

Хлестова. Творецъ мой! оглушилъ: звончѣе всякихъ трубъ [2])!

---

[1]) **Чацкій** (съ хохотомъ Платону Михайловичу). (Р. П. М.).

[2]) Ахъ! батюшка, да ты отправился къ нему бъ (Р. П. М.).

ДВГНБ

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Скалозубъ, потомъ **Молчалинъ.**

Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ, запоздали!
А мы васъ ждали, ждали, ждали! *(Подводитъ къ Хлестовой.)*
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

Хлестова *(сидя)*. Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ... гренадерскомъ?

Скалозубъ *(басомъ)*. Въ его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянскомъ мушкатерскомъ?

Хлестова. Не мастерица я полки-то различать.

Скалозубъ. А форменныя есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.

Фамусовъ *(Скалозубу)*. Пойдемте, батюшка, тамъ васъ я посмѣшу:
Курьезный вистъ у насъ. За нами, князь, прошу! *(Его и князя уводитъ съ собою.)*

Хлестова *(Софьѣ)*. Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли!
Вѣдь полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ саженъ удалецъ,
Знакомитъ, не спросясь, пріятно ли намъ, нѣтъ ли.

Молчалинъ *(подаетъ ей карту)*. Я вашу партію составилъ: мосьё Кокъ,
Ѳома Ѳомичъ и я.

Хлестова. Спасибо, мой дружокъ! *(Встаетъ.)*

Молчалинъ. Вашъ шпицъ—прелестный шпицъ! не болѣе наперстка!
Я гладилъ все его: какъ шелковая—шерстка!

Хлестова. Спасибо, мой родной! *(Уходитъ, за нею Молчалинъ и многіе другіе.)*

ЭР03010

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Чацкій, Софья и нѣсколько посторонних, которые въ продолженіе дѣйствія расходятся.

Чацкій. Ну, тучу разогналъ...
Софья. Нельзя ль не продолжать!
Чацкій. Чѣмъ васъ я напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить...
Софья. А кончили бы злостью.
Чацкій. Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый;
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ, какъ громовой отводъ,—
Молчалинъ!—Кто другой такъ мирно все уладитъ [1])?
Тамъ моську во-время погладитъ,
Тутъ въ пору карточку вотретъ;
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!
Вы давеча его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли—да. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Софья, потомъ **Г. N.**

Софья (*про себя*). Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть,—завистливъ, гордъ и золъ [2])!

---

[1]) Какъ онъ искусно всё уладилъ,
Рушитель ссоръ, смиритель грозъ!
Какъ кстати карточку поднесъ!
Какъ моську во-время погладилъ!
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ,—
Чего не ожидать при этомъ нравѣ кроткомъ,
При свойствѣ угождать племянницамъ и теткамъ.
(*Ей на ухо*). О, давешнее вамъ такъ даромъ не пройдетъ. (*Уходитъ.*) (Р. И. М.).

[2]) **Софья.** Грозитъ и тѣшится, и радъ бы, что есть силы,
Молчалина при всѣхъ унизить! Какъ онъ золъ! (Р. И. М.).

ЭР03010

Г. N. *(подходитъ).* Вы въ размышленьи.

Софья. Объ Чацкомъ.

Г. N. Какъ его нашли по возвращеньи [1])?

Софья. Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. N. Ужли съ ума сошелъ!

Софья *(помолчавши).* Не то, чтобы совсѣмъ...

Г. N. Однако есть примѣты?

Софья *(смотритъ на него пристально).* Мнѣ кажется...

Г. N. Какъ можно, въ эти лѣты!

Софья. Какъ быть! *(Въ сторону.)*
Готовъ онъ вѣрить!
А, Чацкій! любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Угодно ль на себѣ примѣрить? *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Г. N., потомъ **Г. D.**

Г. N. Съ ума сошелъ!.. Ей кажется... вотъ на!
Не даромъ, стало-быть... съ чего бъ взяла она?
Ты слышалъ?

Г. D. Что?

Г. N. Объ Чацкомъ?

Г. D. Что такое?

Г. N. Съ ума сошелъ.

Г. D. Пустое!

Г. N. Не я сказалъ, другіе говорятъ.

Г. D. А ты разславить это радъ?

Г. D. Пойду, освѣдомлюсь; чай, кто-нибудь да знаетъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Г. D., потомъ **Загорѣцкій.**

Г. D. Вѣрь болтуну!
Услышитъ вздоръ, и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь ли объ Чацкомъ?

---

[1]) Онъ премилый (Р. И. Ж.).

ДВГНБ

ЭР03010

Загорѣцкій. Ну?

Г. D. Съ ума сошелъ!

Загорѣцкій. А, знаю, помню, слышалъ.
Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ:
Его въ безумные упряталъ дядя плутъ...
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.

Г. D. Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ.

Загорѣцкій. Такъ съ цѣпи, стало-быть, спустили.

Г. D. Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ.
Пойду-ка я расправлю крылья [1]),
У всѣхъ повыспрошу. Однако, чуръ, секретъ!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Загорѣцкій, потомъ **графиня внучка.**

Загорѣцкій. Который Чацкій тутъ?... Извѣстная фамилья...
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?

Графиня внучка. Объ комъ?

Загорѣцкій. Объ Чацкомъ: онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

Графиня внучка. Знаю.
Я говорила съ нимъ.

Загорѣцкій. Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій.

Графиня внучка. Что?

Загорѣцкій. Да, онъ сошелъ съ ума!

Графиня внучка. Представьте! Я замѣтила сама!
И хоть пари держать,—со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же и графиня бабушка.

Графиня внучка. Ah, grand'maman! вотъ чудеса! вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте! вотъ прелести, вотъ мило!..

---

[1]) Извѣстенъ обо всёмъ, да жаль, что вѣры нѣтъ.
Пойду къ другимъ. Авось, поменьше знаютъ. (*Уходитъ.*) Р. П. М.).

Графиня бабушка *(шепелявитъ)*. Мой другъ, мнѣ уши заложило,

Скажи погромче...

Графиня внучка. Время нѣтъ! *(Указываетъ на Загорѣцкаго).*

Il vous dira toute l'histoire...

Пойду, спрошу. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Загорѣцкій и **графиня бабушка.**

Графиня бабушка. Что? что? Ужъ нѣтъ ли здѣсь пожара?

Загорѣцкій. Нѣтъ, Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

Графиня бабушка. Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

Загорѣцкій. Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,

Сошелъ съ ума отъ раны.

Графиня бабушка. Что? Къ фармазонамъ [1]) въ клобъ?

Пошелъ онъ въ басурманы?

Загорѣцкій. Ее не вразумишь. *(Уходитъ.)*

Графиня бабушка. Антонъ Антонычъ! Ахъ!..

И онъ бѣжитъ, всѣ въ страхѣ, впопыхахъ.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Графиня бабушка и князь Тугоуховскій.

Графиня бабушка. Князь, князь! охъ, этотъ князь! по баламъ, самъ чуть дышитъ!

Князь, слышали?

Князь. А-хмъ?

Графиня бабушка. Онъ ничего не слышитъ!

Хоть можетъ видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?

Князь. Э—хмъ?

Графиня бабушка. Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ?

---

[1]) Фармазонъ—франкмасонъ.

ЭР03010

Князь. И—хмъ?
Графиня бабушка. Тесакъ ему да ранецъ,
Въ солдаты! Шутка ли,—перемѣнилъ законъ!
Князь. У-хмъ?
Графиня бабушка. Да!.. въ басурманахъ онъ!
Ахъ, окаянный волтерьянецъ [1])!
Что? а? глухъ, мой отецъ! достаньте свой рожокъ.
Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣ же и Хлестова, Софья, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмитріевна, графиня внучка, княгиня съ дочерьми, Загорѣцкій, Скалозубъ, потомъ **Фамусовъ** и многіе другіе.

Хлестова. Съ ума сошелъ? прошу покорно!
Да невзначай! да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?
Платонъ Михайловичъ. Кто первый разгласилъ?
Наталья Дмитріевна. Ахъ, другъ мой, всѣ!
Платонъ Михайловичъ. Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ;
А мнѣ сомнительно.
Фамусовъ *(входя)*. О чемъ, о Чацкомъ, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открылъ!
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ:
Попробуй о властяхъ, и нивѣсть что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,
Хоть предъ какимъ ни есть лицомъ [2]),
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!
Хлестова. Туда же изъ смѣшливыхъ!
Сказала что-то я,—онъ началъ хохотать.
Молчалинъ. Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.
Графиня внучка. Меня модисткою изволилъ величать!

---

[1]) Т.-е. послѣдователь Вольтера, французскаго писателя XVIII в., сочиненія котораго считались въ то время образцами безбожія и вольнодумства.

[2]) Хоть предъ монаршімъ лицомъ. (Р. П. М.).

РГБ

Наталья Дмитріевна. А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ.

Загорѣцкій. Безумный по всему.

Графиня внучка. Я видѣла изъ глазъ.

Фамусовъ. По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Хлестова. На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?

Княгиня. О, вѣрно...

Графиня внучка. Безъ сомнѣнья.

Хлестова. Шампанское стаканами тянулъ.

Наталья Дмитріевна. Бутылками-съ и пребольшими [1]).

Загорѣцкій *(съ жаромъ)*. Нѣтъ-съ, бочками сороковыми.

Фамусовъ. Ну, вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ и мнѣній.

Хлестова. И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ, отъ однихъ,
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь ихъ?
Да... отъ ланкарточныхъ [2]) взаимныхъ обученій.

Княгиня. Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе-да-го-ническій—такъ, кажется, зовутъ?..
Тамъ упражняются въ расколахъ и въ безвѣрьи
Профессора! У нихъ учился нашъ родня—
И вышелъ,—хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи!
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ—

---

[1]) Бутылками-съ, мы замѣчали сами.
Загорѣцкій *(съ жаромъ)*. Наталья Юрьевна, ведрами, да-съ ведрами (Р. И. М.).

[2]) Вм. Ланкастерскихъ школъ — названныхъ такъ по имени англичанина Ланкастера (1771—1838), впервые ихъ основавшаго у себя на родинѣ. Въ Россіи, въ началѣ XIX вѣка, эти школы были распространены.

ЭР03010

Князь Ѳедоръ, мой племянникъ!

Скалозубъ. Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить по-нашему: разъ, два!
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.

Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ! ужъ коли зло пресѣчь, —
Забрать всѣ книги бы да сжечь.

Загорѣцкій *(съ кротостью).* Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь.
А если бъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ. Охъ, басни—смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Кто что ни говори,
Хоть и животныя, а все-таки цари.

Хлестова. Отцы мои, ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья ль.
А Чацкаго мнѣ жаль.
По-христіански, такъ онъ жалости достоинъ:
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

Фамусовъ. Четыре.

Хлестова. Три, сударь.

Фамусовъ. Четыреста.

Хлестова. Нѣтъ, триста!

Фамусовъ. Въ моемъ календарѣ...

Хлестова. Всѣ врутъ календари!

Фамусовъ. Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!

Хлестова. Нѣтъ, триста! ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

Фамусовъ. Четыреста, прошу понять.

Хлестова. Нѣтъ! триста, триста, триста!

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же всѣ и Чацкій.

Наталья Дмитріевна. Вотъ онъ!

Графиня внучка. Шшъ!

Всѣ. Шшъ! *(Пятятся отъ него въ противную сторону.)*

РГБ

ЭР03010

Хлестова. Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ, потребуетъ къ раздѣлкѣ!
Фамусовъ. О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ! *(Опасливо.)*
Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ!
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ. Ты нездоровъ.
Чацкій. Да, мочи нѣтъ! Мильонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ. *(Подходитъ къ Софьѣ.)*
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ, недоволенъ я Москвой [1])!
Хлестова. Москва, вишь, виновата!
Фамусовъ. Подальше отъ него! *(Дѣлаетъ знакъ Софьѣ.)*
Гмъ, Софья! — Не глядитъ.
Софья *(Чацкому).*
Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?
Чацкій. Въ той комнатѣ незначущая встрѣча [2]):
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ — и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца,

---

[1]) Нѣтъ! не ужиться мнѣ съ Москвой. (Р. И. М.).

[2]) **Чацкій.** Въ той комнатѣ простѣйшій случай:
Французикъ изъ Бордо былъ окруженъ зѣвакъ
И слушательницъ кучей;
Къ своимъ приравнивалъ онъ насъ, что точно такъ
На все готовы мы, нѣтъ дѣла до послѣдствій—
Все только бы шутя, рѣзвясь...
Отъ нашихъ гладенькихъ онъ фразъ,
Отъ нашихъ кругленькихъ привѣтствій
Воображаетъ быть въ отечествѣ своемъ,
И прочее...—Утихъ, и тутъ по немъ
Объ южной Франціи, о берегахъ Гаронны
Заохали: урокъ издѣтства затверженъ.
Особенно двѣ, три княжны пускали стоны.

ЭР03010

Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,—
Своя провинція! Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ!
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды...
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ. И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стонъ:
«Ахъ! Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края!»—
Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ издѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья;
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжой,

(Куда дѣваться отъ княженъ!)
Я къ небу возсылалъ смиренныя желанья,
Однако вслухъ,
Чтобъ удалилъ Господь нечистый этотъ духъ
Слѣпого, жалкаго, пустого подражанья,
Чтобъ воздержалъ насъ крѣпкою возжой
Отъ слезъ и тошноты по сторонѣ чужой...
Неужли у себя для нашихъ нѣтъ желаній,
Семейныхъ прелестей, родныхъ воспоминаній!
И чѣмъ нашъ Сѣверъ лучше сталъ,
Что все завѣтное наслѣдье промѣнялъ?
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую—
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ!
Короткополые наперекоръ стихіямъ,
Разсудку смѣхъ и не краса лицу.
Какъ платья, и умы коротки;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки...

ЭР03010

Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня отъявятъ старовѣромъ,
Не хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ:
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ:
Движенья связаны и не краса лицу.
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки!..

Ахъ! если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Ихъ отверженья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, бодрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ.
— „Помилуйте, какъ ставить въ параллель
Національное съ французскимъ; вотъ охота!
Ну, какъ перевести *мадамъ и мадмуазель?*
Ужли—*сударыня!*“—пробормоталъ мнѣ кто-то...
Представьте, тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
„Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!!“
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною; онъ не новый:
Москва—столичное въ Россіи мѣсто, то,
Гдѣ человѣкъ изъ города Бордо,
Лишь ротъ раскрылъ, имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье,
И въ этой же Москвѣ,
Когда воспитанъ кто въ отечественныхъ нравахъ,
Въ чьей головѣ
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять:
Глядь...
(Оглядывается и т. д.) (Р. П. М.).

ЭР03010

Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!..
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ!
«Какъ европейское поставить въ параллель
Съ національнымъ—странно что-то!
Ну, какъ перевести мадамъ, мадмуазель?
Ужли—сударыня?»—забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите, тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
«Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!
«Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!»
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною,—онъ не новый.
Москва и Петербургъ, во всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города Бордо,
Лишь ротъ открылъ, имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье.
И въ Петербургѣ и въ Москвѣ,
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять-шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять—
Глядь... *(Оглядывается; всѣ въ вальсъ кружатся съ величайшимъ усердіемъ. Старики разбрелись къ карточнымъ столамъ.)*

ЭР03010

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

У Фамусова въ домѣ парадныя сѣни; большая лѣстница изъ второго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей; внизу, справа (отъ дѣйствующихъ лицъ), выходъ на крыльцо и швейцарская ложа; слѣва, на одномъ же планѣ, комната Молчалина.

Ночь. Слабое освѣщеніе.—Лакеи—иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи господъ своихъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди ихъ лакей.

Лакей. Графини Хрюминой карета!

Графиня внучка *(покуда ее укутываютъ).* Ну, балъ! Ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей назвать!

Какіе-то уроды съ того свѣта,
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать.

Графиня бабушка. Поѣдемъ, матушка! мнѣ, право, не подъ силу!
Когда-нибудь я съ бала да въ могилу. *(Обѣ уѣзжаютъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Платонъ Михайловичъ и **Наталья Дмитріевна.**

Одинъ лакей около нихъ хлопочетъ, другой у подъѣзда кричитъ:

Карета Горича!

Наталья Дмитріевна. Мой ангелъ, жизнь моя,
Безцѣнный, душечка, что смотришь такъ уныло? *(Цѣлуетъ мужа въ лобъ.)*
Признайся, весело у Фамусовыхъ было?

ЭР03010

Платонъ Михайловичъ. Наташа, матушка, дремлю на балахъ я,
До нихъ смертельный неохотникъ,
А не противлюсь—твой работникъ;
Дежурю за полночь; подчасъ,
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно [1]),
Пускаюсь по командѣ въ плясъ.

Наталья Дмитріевна. Ты притворяешься, и очень неискусно [2]);
Охота смертная прослыть за старика! *(Уходитъ съ лакеемъ.)*

Платонъ Михайловичъ *(хладнокровно)*. Балъ вещь хорошая, неволя-то горька.
И кто жениться насъ неволитъ?
Вѣдь сказано жъ, иному на роду...

Лакей *(съ крыльца)*. Въ каретѣ барыня-съ, и гнѣваться изволитъ.

Платонъ Михайловичъ *(со вздохомъ)*. Иду, иду! *(Уѣзжаютъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Чацкій и лакей его впереди.

Чацкій. Кричи, чтобы скорѣе подавали. *(Лакей уходитъ.)*
Ну, вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли...
Чего я ждалъ? что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?
Крикъ! радость! обнялись!.. Пустое!..
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди:
Свѣтло, сине, разнообразно...
И ѣдешь часъ и два, день цѣлый. Вотъ рѣзво
Домчались къ отдыху. Ночлегъ. Куда ни взглянешь,

---

[1]) Тебѣ угодно—съ рожей постной. (Р. И. М.).
[2]) Ахъ! миленькій, ты пренесносный. (Р. И. М.).

ЭР03010

Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво...
Досадно! мочи нѣтъ! чѣмъ больше думать станешь... *(Лакей возвращается.)*

Готово?

Лакей. Кучера-съ нигдѣ, вишь, не найдутъ.

Чацкій. Пошелъ, ищи. Не ночевать же тутъ. *(Лакей опять уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чацкій, Репетиловъ вбѣгаетъ съ крыльца: при самомъ входѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и поспѣшно оправляется.

Репетиловъ. Тфу, оплошалъ!.. Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза... Откудова, пріятель?..
Сердечный другъ! любезный другъ! mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты.
Сейчасъ... растолковать прошу,—
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу—
Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ.
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть.
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго, ей-ей!
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь...

Чацкій. Да полно вздоръ молоть.

Репетиловъ. Не любишь ты меня—естественное дѣло:

ЭР03010

Съ другими я и такъ и сякъ,
Съ тобою говорю несмѣло;
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!..

Чацкій. Вотъ странное уничиженье!

Репетиловъ. Ругай меня; я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ.
Скажи, который часъ?

Чацкій. Часъ ѣхать спать ложиться.
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ. Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня,
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты?.. есть книга...

Чацкій. А ты читалъ? задача для меня.
Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ. Зови меня вандаломъ—
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ,
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ!
Объ дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену!
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ!
Танцовщицу держалъ, и не одну—
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! не спалъ ночей по девяти!
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

Чацкій. Послушай: ври, да знай же мѣру.
Есть отъ чего въ отчаянье прійти.

Репетиловъ. Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу напролетъ.

Чацкій. Вотъ нынче, напримѣръ?

Репетиловъ. Что, ночь одна не въ счетъ [1])!

---

[1]) Первоначально было, потомъ зачеркнуто въ Р. П. М.
Репетиловъ. Что? Ночь одна не въ счетъ.
Зато спроси, гдѣ былъ? чѣмъ нынче занимаюсь?
Чацкій. Неужли книгами?
Репетиловъ. Да, накупилъ сотъ шесть

ЭР03010

Зато спроси, гдѣ былъ.

Чацкій. И самъ я догадаюсь:
Чай, въ клубѣ?

Репетиловъ. Въ Англійскомъ. Чтобъ исповѣдь начать,—
Изъ шумнаго я засѣданья...
Пожалуйста, молчи—я слово далъ молчать...
У насъ есть общество, и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ...

Чацкій. Ахъ, братецъ, я боюсь!
Какъ? Въ клубѣ?

Репетиловъ. Именно.

Чацкій. Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ взашеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

Репетиловъ. Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ, громко говоримъ—никто не разберетъ.
Я самъ, какъ схватятся о камерахъ [1]), присяжныхъ,
О Байронѣ, ну, о матерьяхъ важныхъ,
Частенько слушаю, не разжимая губъ;

Вчера еще,—ты можешь ихъ прочесть;
Я самъ, что разъ прочту, то повторяю съ жаромъ,
Сто разъ, вездѣ и всѣмъ; повѣрь—
Минуты не теряю даромъ.
Вотъ отгадай, откуда я теперь?

Чацкій. Изъ клуба, можетъ статься.

Репетиловъ. Изъ Англійскаго? Да, а что я тамъ творилъ?

Чацкій. Игралъ, и ѣлъ, и пилъ.

Репетиловъ. Ты умный человѣкъ, а сроденъ ошибаться:
Игралъ, по маленькой игралъ;
Пилъ—жажду запивалъ;
Съѣлъ три куска чего-то...
Я знаю, у тебя все на счету я мота,
Обжоры, игрока, повѣсы... виноватъ,
Съ друзьями въ воду радъ,
Зато грѣхи свои всѣмъ выскажу свободно—
Кому угодно.
Сюда, однакоже, былъ долженъ опоздать
Не отъ игры, мой другъ.—Сейчасъ изъ засѣданья...

[1]) Подъ камерами Репетиловъ разумѣетъ двѣ палаты англійскаго парламента.

ЭР03010

Мнѣ не подъ силу, братъ: я чувствую, что глупъ.
Ахъ, Alexandre! У насъ тебя недоставало.
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ, мы благо на ходу.
Съ какими я тебя сведу
Людьми! Ужъ на меня нисколько не похожи.
Что за люди, mon cher! Сокъ умной молодежи.

Чацкій. Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? Въ глухую ночь?.. Домой!—я спать хочу.

Репетиловъ. Э, брось! кто нынче спитъ? Ну, полно, безъ прелюдій.
Рѣшись, а мы!.. у насъ... рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ—подумаешь, что сотни голосовъ!..

Чацкій. Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

Репетиловъ. Шумимъ, братецъ, шумимъ...

Чацкій. Шумите вы—и только?

Репетиловъ. Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,
Но государственное дѣло.
Оно, вотъ видишь, не созрѣло,—
Нельзя же вдругъ.
Что за люди, mon cher! Безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во-первыхъ, князь Григорій,
Чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка:
И такъ же онъ сквозь зубы говоритъ,
И такъ же коротко обстриженъ для порядка.
Ты не знакомъ? О, познакомься съ нимъ.
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А нонъ лашьяръ ми, но-но-но!»
Еще у насъ два брата:
Левонъ и Боренька—чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь что сказать.
Но если генія прикажете назвать,—

ЭР03010

Удушьевъ Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
Читалъ ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ эдакихъ людей бы сѣчь-то
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты, однако, отыскать
Его отрывокъ: Взглядъ и Нѣчто.
Объ чемъ бишь Нѣчто? — обо всемъ,
Все знаетъ: мы его на черный день насемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!
Когда жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ,
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ.
Вотъ люди, есть ли имъ подобные? Наврядъ.
Ну, между ними я, конечно, заурядъ,
Немножко поотсталъ, лѣнивъ, — подумать ужасъ!
Однакожъ я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду—часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу.
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся, а что любо — любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ,
Далъ сердце доброе—вотъ чѣмъ я людямъ милъ.
Совру—простятъ...

Лакей *(у подъѣзда)*. Карета Скалозуба!

Репетиловъ. Чья?

ЭР03010

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Скалозубъ *спускается съ лѣстницы.*

Репетиловъ *(къ нему навстрѣчу).* А! Скалозубъ, душа моя!
Постой, куда же? сдѣлай дружбу! *(Душитъ его въ объятіяхъ.)*
Чацкій. Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ? *(Входитъ въ швейцарскую.)*
Репетиловъ *(Скалозубу).* Слухъ объ тебѣ давно затихъ;
Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу.
Знакомы вы? *(Ищетъ глазами Чацкаго.)* Упрямецъ ускакалъ!
Нѣтъ нужды. Я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка со мной, сейчасъ, безъ отговорокъ:
У князь-Григорія теперь народу тьма;
Увидишь человѣкъ тамъ сорокъ.
Фу! сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ—не наскучатъ;
Во-первыхъ, напоятъ шампанскимъ на убой,
А во-вторыхъ, такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.
Скалозубъ [1]). Избавь. Ученостью меня не обморочишь;
Скликай другихъ; а если хочешь,
Я князь-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикнете, такъ мигомъ успокоитъ.
Репетиловъ. Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда.
И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ, можетъ быть, никто и никогда.

---

[1]) **Скалозубъ.** Избавь, съ ученостью вы много взяли всѣ-то,
Богъ вамъ премудрость ниспошли.
Даютъ ли ордена за это?
Давай ученье намъ, чтобъ люди въ ногу шли.
Я школы Фридриха: въ командѣ гренадеры,
Фельдфебеля—мои вольтеры. (Р. И. М.).

ЭР03010

По статской я служилъ. Тогда
Баронъ фонъ-Клокъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья
Шелъ напрямикъ, безъ дальней думы;
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси [1]),
Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онъ на Фонтанкѣ жилъ, я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами, огромный. Сколько стоилъ!..
Женился, наконецъ, на дочери его,
Приданаго взялъ—шишъ, по службѣ—ничего.
Тесть нѣмецъ, а что проку?
Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость будто бы къ роднѣ!
Боялся, прахъ его возьми, да легче ль мнѣ?
Секретари его, всѣ хамы, всѣ продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Всѣ вышли въ знать, всѣ нынче важны:
Гляди-ка въ адресъ календарь...
Тфу! служба и чины, кресты—души мытарства.
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лѣкарства,
Желудокъ больше не варитъ... *(Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покудова уѣхалъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Репетиловъ, Загорѣцкій.

Загорѣцкій. Извольте продолжать; вамъ искренно признаюсь,
Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ!
И оттого, что прямъ и смѣло объясняюсь [2]),

---

[1]) Названіе карточной игры.

[2]) И рабство не терплю до смерти,
Чрезъ это много потерялъ. (Р. И. М.).

ЭР03010

Куда какъ много потерялъ!..

Репетиловъ *(съ досадой)*. Всѣ врознь, не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ—гляди, ужъ нѣтъ другова:
Былъ Чацкій—вдругъ исчезъ, потомъ и Скалозубъ...

Загорѣцкій. Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

Репетиловъ. Онъ не глупъ [1]).
Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякіе турусы,
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль!
Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣ же вкусы.

Загорѣцкій. А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьезно поврежденъ?

Репетиловъ. Какая чепуха!

Загорѣцкій. Объ немъ всѣ этой вѣры.

Репетиловъ. Вранье!

Загорѣцкій. Спросите всѣхъ.

Репетиловъ. Химеры!

Загорѣцкій. А, кстати, вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами.

Репетиловъ. Дичь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Репетиловъ, Загорѣцкій, князь и княгиня съ шестью дочерьми; немного погодя **Хлестова** спускается съ парадной лѣстницы; **Молчалинъ** ведетъ ее подъ руку. **Лакей** въ суетахъ.

Загорѣцкій. Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье,
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1 княжна. Какое жъ въ этомъ есть сомнѣнье?

2 княжна. Про это знаетъ цѣлый свѣтъ.

3 княжна. Дрянскіе, Хворовы, Варлянскіе, Скачковы!..

4 княжна. Ахъ, вѣсти старыя. Кому же онѣ новы?

---

[1]) Онъ не глупъ.
Мнѣ другъ, и отъ него наверхъ не могъ попасть я:
Сурьезный разговоръ зашелъ про водевиль. (Р. И. М.).

ЭР03010

5 княжна. Кто сомнѣвается?

Загорѣцкій. Да вотъ не вѣритъ...

6 княжна. Вы?

Всѣ вмѣстѣ. Мсьё Репетиловъ! вы?—Мсьё Репетиловъ! что вы?—
Да какъ вы?—Можно ль противъ всѣхъ!—
Да почему вы?—Стыдъ и смѣхъ!

Репетиловъ *(затыкаетъ себѣ уши)*. Простите: я не зналъ,
что это слишкомъ гласно.

Княгиня. Еще не гласно бы! Съ нимъ говорить опасно!
Давно бы запереть пора.
Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ и даже князь-Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ [1]),
Вашъ Чацкій... Ѣдемте. Князь, ты везти бы могъ
Катишь или Зизи: мы сядемъ въ шестимѣстной.

Хлестова *(съ лѣстницы)*. Княгиня, карточный должокъ.

Княгиня. За мною, матушка.

Всѣ *(другъ къ другу)*. Прощайте! *(Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Репетиловъ, Хлестова, Молчалинъ.

Репетиловъ. Царь небесный!
Анфиса Ниловна! Ахъ, Чацкій бѣдный!.. вотъ!
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ!

Хлестова. Такъ Богъ ему судилъ, а впрочемъ,
Полѣчатъ—вылѣчатъ авось!
А ты, мой батюшка, неизлѣчимъ, хоть брось.
Изволилъ во-время явиться!

---

[1]) Такъ назывались члены политическаго клуба, образовавшагося въ эпоху французской революціи. Впослѣдствіи названіе это стало нарицательнымъ для обозначенія безпокойнаго человѣка преступнаго образа мыслей.

ДВГНБ

ЭР03010

Молчалинъ, вотъ чуланчикъ твой;
Не нужны проводы; поди, Господь съ тобой. *(Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату.)*
Прощайте, батюшка; пора перебѣситься. *(Уѣзжаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Репетиловъ *(съ своимъ лакеемъ).*

Репетиловъ. Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда-нибудь! *(Уѣзжаетъ. Послѣдняя лампа гаснетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

Чацкій *(выходитъ изъ швейцарской).* Что это? слышалъ я моими ли ушами?!
Не смѣхъ, а явно злость. Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ какъ словно торжество,
Другіе будто сострадаютъ [1])...

[1]) О, праздный, жалкій мелкій свѣтъ!
Не надо пищи,—сказку, бредъ
Имъ лжецъ отпуститъ въ угожденье,
Глупецъ повѣритъ, передастъ,
Старухи, кто во что гораздъ,
Тревогу бьютъ... И вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ Москва!—Я былъ въ краяхъ,
Гдѣ съ горъ верховъ комъ снѣга вѣтеръ скатитъ,
Вдругъ глыба—этотъ снѣгъ—въ паденьи все охватитъ,
Съ собой влечетъ, дробитъ, стираетъ камни впрахъ,
Гулъ, рокотъ, громъ, вся въ ужасѣ окрестность.
И что въ сравненьи съ быстротой,
Съ которой чуть возникъ, ужъ пріобрѣлъ извѣстность
Московской фабрики слухъ вредный и пустой?

ЭР03010

О! если бъ кто въ людей проникъ,
Что хуже въ нихъ—душа или языкъ?
Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
Старухи вмигъ тревогу бьютъ—
И вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ та родина!.. Нѣтъ, въ нынѣшній пріѣздъ
Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣстъ.
А Софья знаетъ ли?—Конечно, разсказали.
Она не то, чтобы мнѣ именно во вредъ
Потѣшилась, и правда, или нѣтъ—
Ей все равно; другой ли, я ли—
Никѣмъ, по совѣсти, она не дорожитъ.
Но этотъ обморокъ, безпамятство откуда?
Нервъ избалованность, причуда?
Возбудитъ малость ихъ, и малость утишитъ...
Я признакомъ почелъ живыхъ страстей... Ни крошки!
Она, конечно бы, лишилась такъ же силъ,
Когда бы кто-нибудь ступилъ
На хвостъ собачки или кошки.

Софья *(надъ лѣстницей, во второмъ этажѣ, со свѣчкою).*
Молчалинъ, вы? *(Поспѣшно опять дверь припираетъ.)*

Чацкій. Она! она сама!
Ахъ, голова горитъ, вся кровь моя въ волненьи.
Явилась! нѣтъ ея! неужели въ видѣньи?
Не впрямь ли я сошелъ съ ума?

А Софья знаетъ ли? Конечно, разсказали.
Она въ веселый часъ, какъ до нея дошло,
Чай, позабавилась, не то, чтобъ мнѣ на зло,—
Ей все равно, другой ли, я ли,
Никѣмъ, по совѣсти, она не дорожитъ,
И обморокъ я къ сердцу принялъ слишкомъ:
Разстройство, слабость нервъ, по прихоти, по вспышкамъ,
Чтобы придать себѣ чувствительности видъ,
Я признакомъ почелъ живыхъ страстей.
(Далѣе какъ въ текстѣ) (Р. И. М.).

ЭР03010

Къ необычайности я точно приготовленъ...
Но не видѣнье тутъ—свиданья часъ условленъ,
Къ чему обманывать себя мнѣ самого?
Звала Молчалина—вотъ комната его.
Лакей *(съ крыльца)*. Каре...
Чацкій. Ссъ! *(выталкиваетъ его вонъ)* [1]).
Буду здѣсь, и не смыкая глазу,
Хоть до утра. Ужъ коли горе пить,
Такъ лучше сразу,
Чѣмъ медлить, а бѣды медленьемъ не избыть!
Дверь отворяется!.. *(Прячется за колонну.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Чацкій спрятанъ; **Лиза** со свѣчкой.

Лиза. Ахъ, мочи нѣтъ! робѣю!
Въ пустыя сѣни, въ ночь! боишься домовыхъ,
Боишься и людей живыхъ!
Мучительница барышня, Богъ съ нею!
И Чацкій, какъ бѣльмо въ глазу;
Вишь, показался ей онъ гдѣ-то здѣсь внизу. *(Осматривается.)*
Да, какъ же! по сѣнямъ бродить ему охота!
Онъ, чай, давно ужъ за ворота:
Любовь на завтра поберегъ,
Домой—и спать залегъ.
Однако велѣно къ сердечному толкнуться. *(Стучится къ Молчалину.)*
Послушайте-съ! извольте-ка проснуться:
Васъ кличетъ барышня!.. васъ барышня зоветъ!..
Да поскорѣй, чтобъ не застали.

---

[1]) Ссъ!..
Буду здѣсь, не шевельнусь ни съ мѣста,
Хоть до утра. Ужъ коли горе пить,
Такъ лучше съ одного присѣста,
Чѣмъ медлить, а бѣды медленьемъ не избыть;
Дверь отворяетъ!.. (прячется за колонны). (Р. И. М.),

РГБ

ЭР03010

ЯВЛЕНІЕ XII.

Чацкій за колонною, **Лиза, Молчалинъ** потягивается и зѣваетъ, **Софья** крадется сверху.

Лиза. Вы, сударь, камень! сударь, ледъ!
Молчалинъ. Ахъ, Лизанька! ты отъ себя ли?
Лиза. Отъ барышни-съ.
Молчалинъ. Кто бъ отгадалъ,
Что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ жилкахъ
Любви еще румянецъ не игралъ!
Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ!
Лиза. А вамъ, искателямъ невѣстъ,
Не нѣжиться и не зѣвать бы:
Пригожъ и милъ—кто не доѣстъ
И не доспитъ до свадьбы [1]).
Молчалинъ. Какая свадьба? Съ кѣмъ?
Лиза. А съ барышней?
Молчалинъ. Поди!
Надежды много впереди,—
Безъ свадьбы время проволочимъ.
Лиза. Что вы, сударь! да мы кого жъ
Себѣ въ мужья другого прочимъ?

---

[1]) По Р. И. М. Лиза продолжаетъ.
Скорѣй, пойдемте же: боюсь, не въ добрый часъ
Изъ дворни кто-нибудь тутъ выскочитъ на насъ.
Ну, вотъ и барышня.
Вся дальнѣйшая сцена отъ словъ Молчалина: „Какая свадьба?“ до словъ Чацкаго: „Онъ здѣсь, притворщица!“ въ Р. И. М. отсутствуетъ. Софья прямо входитъ и говоритъ:
Какъ я перепугалась,
Мой другъ; шла давеча сюда, съ свѣчой въ рукахъ,
И что-то двигалось; мнѣ показалось,
Что Чацкій здѣсь...
Чацкій (*бросается между ними*). Онъ здѣсь, притворщица. Да.
Софья. Ахъ! (*Лиза свѣчку роняетъ съ перепугу. Молчалинъ скрывается къ себѣ въ комнату*).

ЭР03010

Молчалинъ. Не знаю. А меня такъ пробираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павелъ Аѳанасьичъ разъ
Когда-нибудь поймаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!.. Да что?.. открыть ли душу?
Я въ Софьѣ Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго. Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато.
Любила Чацкаго когда-то,
Меня разлюбитъ, какъ его.
Мой ангельчикъ, желалъ бы вполовину
Къ ней то же чувствовать, что чувствую къ тебѣ;
Да нѣтъ: какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь—и простыну.

Софья *(въ сторону)*. Какія низости!

Чацкій *(за колонною)*. Подлецъ!

Лиза. И вамъ не совѣстно?

Молчалинъ. Мнѣ завѣщалъ отецъ:
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья—
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.

Лиза. Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Молчалинъ. И вотъ любовника я принимаю видъ
Въ угодность дочери такого человѣка...

Лиза. Который кормитъ и поитъ,
А иногда и чиномъ наградитъ?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалинъ. Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали.
Дай, обниму тебя отъ сердца полноты. *(Лиза не дается.)*
Зачѣмъ она не ты? *(Хочетъ итти, Софья не пускаетъ.)*

Софья *(почти шопотомъ; вся сцена вполголоса)*. Нейдите далѣе! Наслушалась я много...
Ужасный человѣкъ! Себя я, стѣнъ стыжусь!

Молчалинъ. Какъ!.. Софья Павловна!

ЭР03010

Софья. Ни слова, ради Бога!
Молчите,—я на все рѣшусь!
Молчалинъ *(бросается на колѣна, Софья отталкиваетъ).*
Ахъ, вспомните!.. не гнѣвайтеся, взгляньте!..
Софья. Не помню ничего, не докучайте мнѣ!
Воспоминанія!.. какъ острый ножъ они...
Молчалинъ *(ползаетъ у ногъ ея).* Помилуйте...
Софья. Не подличайте, встаньте!
Отвѣта не хочу,—я знаю вашъ отвѣтъ:
Солжете...
Молчалинъ. Сдѣлайте мнѣ милость!..
Софья. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..
Молчалинъ. Шутилъ, и не сказалъ я ничего окромѣ...
Софья. Отстаньте, говорю; сейчасъ
Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ
И погублю себя и васъ! *(Молчалинъ встаетъ.)*
Я, съ этихъ поръ, васъ будто не знавала.
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать—не стоите вы ихъ;
Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала!..
Молчалинъ. Какъ вы прикажете.
Софья. Иначе разскажу
Всю правду батюшкѣ съ досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите... Стойте!.. будьте рады,
Что, при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши,
Держались болѣе вы робости во нравѣ,
Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въявѣ.
Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души.
Сама довольна тѣмъ, что ночью все узнала:
Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ,
Какъ давеча, когда я въ обморокъ упала,—
Здѣсь Чацкій былъ...
Чацкій *(бросается между ними).* Онъ здѣсь, притворщица!
Лиза и Софья. Ахъ! Ахъ! *(Лиза свѣчку роняетъ съ испугу;*
Молчалинъ скрывается къ себѣ въ комнату)

ЭР03010

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, кромѣ **Молчалина.**

Чацкій. Скорѣе въ обморокъ!—теперь оно въ порядкѣ:
Важнѣе давешней причина есть тому.
Вотъ, наконецъ, рѣшеніе загадкѣ!
Вотъ я пожертвованъ кому!
Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ [1])!
Глядѣлъ и видѣлъ—и не вѣрилъ!
А милый, для кого забытъ
И прежній другъ, и женскій страхъ, и стыдъ,
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ.
Ахъ! какъ игру судьбы постичь?
Людей съ душой гонительница, бичъ!—
Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!
Софья *(вся въ слезахъ)* [2]). Не продолжайте; я виню себя кругомъ.
Но кто бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ коваренъ!
Лиза. Стукъ! шумъ! Ахъ, Боже мой, сюда бѣжитъ весь домъ!
Вашъ батюшка! Вотъ будетъ благодаренъ!

---

[1]) И зналъ ужъ разъ! и вѣрить усомнился!
Сходнѣе бъ, кажется, сквозь землю провалился (Р. П. М.).

[2]) **Софья.** Какая низость! подстеречь,
Подкрасться, и потомъ, конечно, обезславить!
Что? этимъ думали къ себѣ меня привлечь?
И страхомъ, ужасомъ васъ полюбить заставить?
Отчетомъ я себѣ обязана самой,
Однако вамъ поступокъ мой
Чѣмъ кажется такъ золъ и такъ коваренъ?
Не лицемѣрила и права я кругомъ.
Ахъ! Боже мой! стукъ! шумъ! сюда бѣжитъ весь домъ.
Вотъ батюшка.
Лиза. Самъ баринъ!
Далѣе XIV явленіе (Р. П. М.).

ЭР03010

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Чацкій, Софья, Лиза, Фамусовъ, толпа слугъ со свѣчами.

Фамусовъ. Сюда! за мной, скорѣй! скорѣй!
Свѣчей побольше, фонарей!
Гдѣ домовые? Ба! знакомыя все лица!
Дочь!.. Софья Павловна!.. Срамница!
Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ? Ни дать ни взять она,
Какъ мать ея, покойница жена.
Бывало, я съ дражайшей половиной
Чуть врознь—ужъ гдѣ-нибудь съ мужчиной!
Побойся Бога! Какъ? чѣмъ онъ тебя прельстилъ?
Сама его безумнымъ называла!
Нѣтъ! глупость на меня и слѣпота напала!
Все это заговоръ и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ и гости всѣ. За что я такъ наказанъ?..
Чацкій *(Софьѣ)*. Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?
Фамусовъ. Братъ, не финти! не дамся я въ обманъ!
Хоть подеритесь—не повѣрю.
Ты, Филька! ты прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвелъ лѣнивую тетерю!
Не знаетъ ни про что, не чуетъ ничего!..
Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Сѣней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ? и какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ! на поселенье васъ!
За грошъ меня продать готовы!
Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ проказъ!
Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды и обновы!
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!
Постой же, я тебя исправлю [1]):
Изволь-ка въ избу, маршъ, за птицами ходить!

---

[1]) Да я тебя заставлю
Цыплятъ кормить, коровъ доить (Р. И. М.).

ЭР03010

Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю:
Еще дня два терпѣнія возьми,—
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми;
Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать.
А васъ, сударь, прошу я толкомъ [1])
Туда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ;
И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта!
Я постараюся, въ набатъ я пріударю,
По городу всему надѣлаю хлопотъ
И оглашу во весь народъ;
Въ сенатъ подамъ, министрамъ, государю...

Чацкій *(послѣ нѣкотораго молчанія)* [2]). Не образумлюсь... Виноватъ!

---

[1]) А васъ, сударь, прошу я съ нашимъ домомъ,
Съ моей семьей, со мной не быть знакомымъ (Р. И. М.).

[2]) **Чацкій** *(Софьѣ)*. Я передъ вами виноватъ.
Не знаю, почему васъ съ тѣми ставилъ въ рядъ,
Которымъ, впрочемъ, здѣсь найдутся сотни ровныхъ,
Искательницъ фортунъ и жениховъ чиновныхъ,
Которымъ красотой едва дано расцвѣсть,
Ужъ глубоко натверженно искусство
Не сердцемъ поискать, а взвѣсить и расчесть,
И продавать себя въ замужство.
Вы свыше этого. По васъ такой, чтобъ былъ
Немножко простъ и очень милъ,
Чтобъ вы могли его и въ возрастѣ бы зрѣломъ
Беречь и пеленать и спосылать за дѣломъ,
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ пажей,
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей!
Но, Боже мой! Кого вы поискали!
Когда размыслю я, кого вы предпочли!
За что меня вы завлекли,
Повергли въ бездну золъ, мученья и печали!
Я самъ, гдѣ я искалъ награду всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ, вотъ счастье, думалъ, близко.

РНБ

ЭР03010

И слушаю—не понимаю!
Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ...
Растерянъ мыслями... чего-то ожидаю... *(Съ жаромъ.)*
Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ!.. летѣлъ!.. дрожалъ!.. вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давеча такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!
А вы! о, Боже мой! кого себѣ избрали?
Когда подумаю, к о г о вы предпочли?
Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ,
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ, въ обоихъ насъ движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ!
Дышалъ и ими жилъ, былъ занятъ безпрерывно!
Сказали бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки—все противно:
Я съ вами тотчасъ бы сношенія пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ... *(Насмѣшливо.)*
Вы помиритесь съ нимъ по размышленьи зрѣломъ:
Себя крушить, и для чего?
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и посылать за дѣломъ.
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ женихъ пажей—

Предъ кѣмъ я давеча такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ?!
Не вѣрьте: съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.
А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,
Въ дворянской спеси вамъ желаю быть счастливымъ.
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ,
Другой тутъ есть, спокойный, благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ... (Р. И. М.).

ЭР03010

Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.
Довольно! съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.
А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ.
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ.

Другой найдется, благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный.
Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена [1])!
Теперь не худо бъ было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду.
Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ! всѣ клянутъ! мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!..
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ—
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышитъ воздухомъ однимъ,
И въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ.
Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ [2])!
Карету мнѣ, карету! *(Уѣзжаетъ.)*

---

[1]) Отъ слѣпоты своей, отъ смутнѣйшаго сна. (Р. И. М.).
[2]) Гдѣ для разсудка есть и чувства уголокъ.

ЭР03010

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, кромѣ Чацкаго.

Фамусовъ *(долгое время стоитъ въ остолбенѣніи)*. Ну, что?
Не видишь ты, что онъ съ ума сошелъ [1])?
Скажи серьезно!
Безумный! что онъ тутъ за чепуху мололъ!
Низкопоклонникъ! тесть! и про Москву такъ грозно!
А ты меня рѣшилась уморить!
Моя судьба еще ли не плачевна!
Ахъ, Боже мой, что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

---

[1]) **Фамусовъ.** Безумный. Что онъ тутъ изволилъ городить!
Низкопоклонникъ! тесть! и про Москву такъ гнѣвно!
Ахъ! Боже мой!.. (Р. И. М.). Далѣе какъ въ текстѣ.

ДВГНБ

ЭР03010

1812 годъ (планъ и сцены изъ драмы).

Грузинская ночь (отрывки).

Лирическія стихотворенія.

ДВГНБ

ЭР03010

ДВГНБ

ЭР03010

1812 годъ [1]).

(Планъ и сцена изъ драмы.)

(1822.)

Отдѣленіе I.

Красная площадь.

Исторія начала войны, взятіе Смоленска, народныя черты, пріѣздъ государя, обозъ раненыхъ, разсказъ о битвѣ Бородинской. М* съ перваго стиха до послѣдняго на сценѣ. Очертаніе его характера.

Соборъ Архангельскій.

Трубный гласъ Архангела; на его призывъ возникаютъ тѣни давно усопшихъ исполиновъ—Святослава, Владимира Мономаха, Іоанна, Петра и проч., изъ разныхъ стихій сложенныя и съ познаніемъ всего, отъ начала вѣка до днесь, какъ будто во всѣхъ дѣлахъ послѣ ихъ смерти были участниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла у нихъ память о томъ, что было съ ними за предѣлами сей жизни, и гдѣ были и откудова нынѣ вновь призваны къ бытію. Пророчествуютъ о годинѣ

---

[1]) Этотъ набросокъ представляетъ интересъ, главнымъ образомъ, въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ немъ Грибоѣдовъ противопоставляетъ ничтожество современниковъ величію духа героевъ старины („тѣни давно усопшихъ исполиновъ“ и т. д.). 2) Грибоѣдовъ здѣсь подходитъ къ одному изъ самыхъ тяжелыхъ вопросовъ своего времени—къ судьбѣ развитого духовно человѣка въ положеніи крѣпостного,—тема, впервые у насъ взятая А. Н. Радищевымъ. И та и другая сторона наброска дѣлаютъ его близкимъ по духу основной пьесѣ Грибоѣдова.

ЭР03010

искупленія для Россіи, если не для современниковъ, то сіи, повѣствуя сынамъ, возбудятъ въ нихъ огнь неугасимый, рвеніе къ славѣ и свободѣ отечества. Хоръ безплотныхъ провожаетъ ихъ и живописнымъ строемъ представляетъ ихъ отшествіе изъ храма; своды разступаются, герои поднимаются выспрь и исчезаютъ.

Теремъ царей въ Кремлѣ.

Наполеонъ съ сподвижниками. Картина взятія Москвы. Н* одинъ. Высокія воспоминанія. Открываетъ окно, лунная ночь. Видѣніе—или нѣтъ, какъ случится. Размышленіе о юномъ, первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, нравовъ. Самъ себѣ преданный, — что бы онъ могъ произвести?

Отдѣленіе II.

Галлерея въ домѣ Позднякова.

Входитъ офицеръ R. изъ приближенныхъ къ Наполеону (см. сц. 3-я, I-го отд.), исполненный жизни, славы и блестящихъ надеждъ. Одинъ посѣдѣлый воинъ, съ горькимъ предчувствіемъ опытности, остерегаетъ насчетъ будущихъ бѣдствій. Ему не вѣрятъ. Хохотъ. Изъ театра несутся звуки пляски и отголоски веселыхъ пѣсенъ. Между тѣмъ зарево обнимаетъ поочередно окна галлереи; болѣе и болѣе устрашающій вѣтеръ. Объ опустошеніяхъ огня.

Улицы, пылающіе дома. Ночь. Сцены звѣрскаго распутства, святотатства и всѣхъ пороковъ.—R* и M* въ разныхъ случаяхъ.

Село подъ Москвой.

Сельская картина. Является M*. Всеобщее ополченіе безъ дворянъ. (Трусость служителей правительства—выставлена или нѣтъ, какъ случится.)

Отдѣленіе III.

Зимнія сцены преслѣдованія непріятеля и ужасныхъ смертей. Истязаніе R* и посѣдѣлаго воина. Сей юноша показываетъ примѣръ, и оба умираютъ героями. Подвиги M*. Множество другихъ сценъ.

АРГНБ

ЭР03010

Эпилогъ.

Вильна.

Отличія, искательства, вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ. М* въ пренебреженіи у военачальниковъ. Отпускается во-свояси съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію.

Село или развалины Москвы.

Прежнія мерзости. М* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе... самоубійство.

Сцена.

Отецъ и дочь.

Петръ Ан.

Дитя мое любезное, Наташа!
Оставь шитье, узоры кружевные:
Не выряжать тебѣ красы своей
На свѣтлыхъ праздникахъ. Не выѣзжать
Съ боярами, князьями. Было время:
Ласкаютъ и манятъ тебя съ собой
И мчатъ въ богато-убранной каретѣ.
А нынѣ знать, вельможи,—гдѣ они?...
Тотъ князь, твой воспріемникъ отъ купели?
Его жена? Родня? Исчезли всѣ!
Ихъ пышные хоромы опустѣли.
Когда слыла веселою Москва,
Они роились въ ней. Палаты ихъ
Блистали разноцвѣтными огнями...
Теперь, когда у стѣнъ ея враги,
Безсчастныя разсыпалися дѣти,
Напрасно ждетъ защитниковъ; сыны,
Какъ ласточки, вспорхнули съ теплыхъ гнѣздъ
И предали ихъ бурямъ въ расхищенье.
Ты изъ житья роскошнаго обратно
Въ убогій домъ отцовскій отдана,

РНБ

ЭР03010

А мнѣ куда съ тобой?.. Куда укрыться?
И если бъ могъ бѣжать отселѣ я,
Нѣтъ, нѣтъ! не оторвался бъ отъ тебя.
О матерь наша, мать Россіи всей,
Кормилица моя, моихъ дѣтей!
Въ тебѣ я мирно пожилъ, видѣлъ счастье,
Въ тебѣ и гробъ найду. Мой другъ, Наташа,
Гроза надъ нами носится—потерпимъ,
И съ вѣрою вдадимся той судьбѣ,
Которую Господь намъ уготовилъ.
Грустна, грустна!.. О комъ же плачешь ты?
О прежнихъ ли подругахъ и забавахъ?

Наташа.

Ахъ, батюшка! Я плачу не о томъ!
Теперь не та пора... (*Рыдаетъ.*)

Петръ Ан.

И тѣ ли времена? О братѣ, что ли?
Нашъ Алексѣй... Даруй ему Господь
Со славой устоять на ратномъ полѣ.
Мнѣ все твердитъ,—онъ будетъ живъ.

Наташа.

Нѣтъ, батюшка, я плачу не объ немъ.
(*Рыдаетъ пуще прежняго.*)

Петръ Ан.

Когда же ты о родинѣ печальна,
Рыдай, мое дитя,—и для тебя
Отраднаго я слова не имѣю.
Бывало, на душѣ кручинно, посохъ въ руки,
Съ тобою сердцу легче, все забыто...
Утѣшенный я приходилъ домой.
Бывало, посѣтишь и ты меня, отца,
Обнимешь, все осмотришь, уголъ мой
На полгода весельемъ просвѣтится...
А нынѣ вмѣстѣ мы, и намъ не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожилъ!..
(*Растворяетъ окно.*)

ЭР03010

Грузинская ночь [1]).

(Отрывки.)

(1827—1828.)

I.

(Кормилица (Т.), какъ надо судить, уже успѣла объявить князю свою просьбу о возвращеніи сына и свою печаль. Князь (К.) отвѣчаетъ.)

К.

Но самъ я развѣ радъ твоей печали?
Вини себя и старость лѣтъ своихъ.
Давно съ тебя и платы не бирали...

Т.

Ругаться старостью—то въ лютыхъ вашихъ нравахъ.
Стара я, да,—но не отъ лѣтъ однихъ!
Состарилась не въ играхъ, не въ забавахъ,
Твой домъ блюла, тебя, дѣтей твоихъ.

---

[1]) Ѳ. В. Булгаринъ такъ передавалъ содержаніе всей пьесы: „Одинъ грузинскій князь за выкупъ любимаго коня отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, и потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, припоминаетъ службу свою и требуетъ или возврата сына, или позволенія быть рабою одного съ нимъ господина, и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы и, наконецъ, по княжескому обычаю забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея отторжено отъ сердца дѣтище, и, какъ азіатка, умышляетъ жестокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Дели

ЭР03010

Какъ ринулся въ мятежъ ты противъ русской силы,
Укрыла я тебя живого отъ могилы,
Моимъ же рубищемъ отъ тысячи смертей.
Когда жъ былъ многія годины въ заточеньи,
Безславью преданный въ отеческомъ краю,
И вѣтеръ здѣсь свисталъ въ хоромахъ опустѣлыхъ,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Такъ знай же повѣсть ты волосъ сихъ посѣдѣлыхъ,
Колѣнъ моихъ согбенныхъ и морщинъ,
Которыя въ щекахъ моихъ изрыты
Трудами о тебѣ. Виною ты одинъ.
Вотъ въ подвигахъ какихъ младые дни убиты!..
А ты? Ты, совѣсти и Богу вопреки,
Полсердца вырвалъ изъ утробы!
Что мнѣ твой гнѣвъ? Гроза твоей руки?
Пылай, гори огнемъ несправедливой злобы...
И кочетъ, если взять его птенца,
Кричитъ, крылами бьетъ съ свирѣпостью борца,
Онъ похитителя зоветъ на бой неравный;

(должно быть, Али), злыхъ духовъ Грузіи, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ— таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Али вселить любовь къ офицеру въ питомицѣ своей, дочери князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ горы св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣливается въ офицера, но Али несутъ пулю въ сердце его дочери. Еще не совершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она требуетъ ружья, чтобы поразить князя, и убиваетъ своего сына. Безчеловѣчный князь наказанъ небомъ за презрѣніе чувствъ родительскихъ и познаетъ цѣну потери дѣтища, злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местью: они гибнутъ въ отчаяніи. Трагедія, основанная на народной грузинской сказкѣ, если бъ была такъ кончена, какъ начата, составила бы украшеніе не только одной русской, но всей европейской литературы. Грибоѣдовъ читалъ намъ наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедія сія погибла вмѣстѣ съ авторомъ". („Сынъ Отечества", 1830, № 1, стр. 28—30).

РГНБ

ЭР03010

А мнѣ передъ тобой не можно умолчать, —
О сынѣ я скорблю: я человѣкъ, я мать...
Гдѣ громъ твой, власть твоя, о, Боже Вседержавный!

К.

Творецъ, пошли мнѣ вновь изгнанье, нищету
И на главу мою всѣ ужасы природы:
Скорѣе въ томъ ущельи пропаду,
Гдѣ бурный Ксань крутитъ сѣдыя воды,
Терпѣть разбойникомъ гоненья, голодъ, страхъ,
Отъ стужи, непогодъ не бывъ укрытымъ,
Чѣмъ этой фуріи присутствіе сносить
И злость души, и ядъ ея упрековъ.

Т.

Ничѣмъ тебя не можно умилить:
Ни памятью добра, ни силой слезныхъ токовъ!
Подумай,—самъ отецъ, и сына ты лишенъ.
Когда, застрѣленный, къ тебѣ онъ былъ внесенъ,
И ты въ послѣдній разъ прощался съ трупомъ милымъ,
Безъ памяти приникъ къ очамъ застылымъ
И оживить хотѣлъ потухшій взоръ,
Весь воздухъ потрясалъ дѣтей и женъ вой дикій,
И вторили раскаты этихъ горъ
Съ утра до вечера пронзительные крики, —
Ты самъ хотѣлъ зарыться въ землю съ нимъ.
Но взятый смертію вовѣкъ невозвратимъ!
Когда же бъ искупить ты могъ его изъ плѣна,
Какой тогда казны бы пожалѣлъ?
На чей бы гнѣвъ суровый не посмѣлъ?
Ты чьи тогда не обнялъ бы колѣна?

К.

И нѣтъ еще къ тебѣ вражды!..
Я помню о людяхъ, о Богѣ,

ЭР03010

И сына твоего не далъ бы безъ нужды,
Но честь моя была въ залогѣ.
Его цѣной я выкупилъ коня,
Который подо мной въ бояхъ меня прославилъ,
Изъ жаркихъ битвъ онъ выносилъ меня...
Тотъ подлъ, кто бы его въ чужихъ рукахъ оставилъ.

Т.

Ни конь твой боевой всей крѣпостію жилъ,
Никто изъ слугъ твоихъ любимыхъ
Такъ вѣрой-правдою тебѣ не послужилъ,
Какъ я въ трудахъ неисчислимыхъ.
Мой отрокъ, если бъ возмужалъ,
За славу твоего онъ княжескаго дома
Сто разъ бы притупилъ и саблю и кинжалъ,
Не убоялся бы онъ язвъ и пушекъ грома.
Какъ матерью его ты былъ не разъ спасенъ,
Такъ на плечахъ своихъ тебя бы вынесъ онъ.

К.

Прочь отъ меня! Поди ты прочь, старуха!
Не раздражай меня, не вызывай на гнѣвъ
И не терзай мнѣ жалобами слуха,
Безвременен кому твой вопль, и стонъ, и ревъ.
Ужъ сынъ твой—рабъ другого господина,
И нѣтъ его, онъ мой оставилъ домъ,
Онъ проданъ мной, и я былъ воленъ въ томъ,—
Онъ былъ мой крѣпостной...

Т. *(Падаетъ на колѣни.)*

О сынъ мой! Дай мнѣ сына!
И я твоя раба,—зачѣмъ же мать
Отъ дѣтища ты разлучилъ родного?
Дай разъ еще къ груди его прижать!..

ЭР03010

Ахъ, ради Бога имени святого,
Чтобъ не видать кровавыхъ слезъ моихъ,
Соедини ты снова насъ двоихъ.

К.

Не повторяй мнѣ горькіе упреки!
Въ поля и въ горы—вотъ пути широки,
Тамъ мчится шумная рѣка,
Садись надъ пропастью, бесѣдуй свысока
О сынѣ съ мраками ночными
И степь буди стенаньями своими,
Но въ домъ не возвращайся мой...
Уймись или исчезни съ глазъ долой.

Т.

Достойное заслугамъ воздаянье!
Такъ будь же проклятъ ты и весь твой родъ,
И дочь твоя, и все твое стяжанье!
Какъ ловчіе,—ни быстриною водъ,
Ни крутизною скалъ неудержимы,
Но скачутъ, по вѣтрамъ носимы,
Покуда звѣрь отъ ихъ ударовъ не падетъ,
Истекшій кровію и пѣной,—
Пускай истерзана такъ будетъ жизнь твоя,
Пускай преслѣдуютъ тебя ножомъ, измѣной
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности въ награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Какъ продалъ сына моего.
Отступникъ, самъ себя карая,
Въ безумьи плоть свою гложи,
И ночью майся, днемъ дрожи,
На церковь Божію взирая!
Твой прахъ землѣ не предадутъ!
Лишь путники произнесутъ

ЭР03010

Ругательства надъ трупомъ хладнымъ,
И будь добычею чекаламъ плотояднымъ...
А тамъ, передъ судомъ Всевышняго Творца,
Ты обреченъ уже на муки безъ конца!

II.

(Кормилица (Т.) призываетъ въ помощь своей мести Али, злыхъ духовъ Грузіи.)

Т.

О, люди! Кто назвалъ людьми исчадій зла,
Которыхъ отъ кровей утробныхъ
Судьба на то произвела,
Чтобъ были гибелью, бичомъ себѣ подобныхъ!
Но силы свыше есть!.. Прочь совѣсть и боязнь!..
Ночныя чуда! Али! Али!
Явите мнѣ свою пріязнь,
Какъ вы всегда являли
Предавшимъ вѣру и законъ,
Душой преступнымъ и безсильнымъ!
Свѣтите мнѣ огнемъ могильнымъ,
Несите вѣтеръ, свистъ и стонъ.
Дружины Али! Знакъ условный —
Вотъ пять волосъ
Отъ васъ унесъ
Вашъ хитрый, смѣлый врагъ, мой братъ единокровный,
Когда въ ... [1]) онъ блуждалъ,
На мшистыхъ высотахъ уединенныхъ скалъ.
Я крестнымъ знаменьемъ отъ васъ оборонялась,
Я матерью тогда счастливой называлась,
А нынѣ кинутой быть горькой сиротой.
Равны страданія въ сей жизни или въ той?..
Слетайтеся, слетайтесь,
Отколѣ въ темну ночь исходятъ привидѣнья,

[1]) Неразобранное слово.

РВГНБ

ЭР03010

Изъ снѣжныхъ горъ,
Изъ дикихъ норъ,
Изъ груды тли и разрушенья,
Изъ сонныхъ тинистыхъ зыбей,
Изъ тѣхъ пустыней многогробныхъ,
Гдѣ служатъ пиршествомъ червей
Останки праведныхъ и злобныхъ.
Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!
На мой привѣтъ не отзовутся!
Лишь тучи на небѣ несутся
И воетъ вѣтръ... Ахъ, вотъ онѣ!
(Прислоняется къ утесу и не глядитъ на нихъ.)

Али.

(Плаваютъ въ туманѣ у подошвы горъ).
Въ парахъ вечернихъ, предъ всходомъ
Печальной, дѣвственной луны,
Мы выступаемъ хороводомъ
Изъ недозримой глубины.

Т.

Робѣетъ духъ, языкъ прикованъ мой!
Земля, не разступайся подо мной!..

Али.

Таятся въ мрачной глубинѣ
Непримиримыхъ оскорбленья
И созрѣваютъ въ тишинѣ
До дня рѣшительнаго мщенья;
Но тотъ, чей замыселъ не скрытъ,
Какъ темная гробовъ обитель,
Вражды вовѣкъ не утолитъ,
Нетерпѣливый мститель.

Р.

. . . . . .
. . . . . [1])
Настанетъ день, и часъ пробьетъ.

[1]) Два ряда точекъ поставлены самимъ Грибоѣдовымъ.

ЭР03010

Али.

Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обрѣтетъ
И ближній ближняго лишится. *(Молчаніе.)*
Куда мы, Али? Въ эту ночь
Бѣжитъ отъ глазъ успокоенье.

Одна изъ нихъ.

Спѣшу родильницѣ помочь,
Чтобъ задушить грѣха рожденье.

Другія.

А мы въ загорскіе края,
Гдѣ пиръ пируютъ кровопійцы.

Послѣдняя.

Тамъ замокъ есть... Тамъ сяду я
На смертный одръ отцеубійцы.

ДВГНБ

ЭР03010

Отъ Аполлона [1]).

На замѣчанье Фебъ даетъ,
Что отъ какихъ-то водъ
Парнасскій весь народъ
Шумитъ, кричитъ и дѣло забываетъ,
И потому онъ объявляетъ,
Что толки всѣ о Липецкихъ водахъ
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ и въ стихахъ),
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью!

N. N.

(Ноябрь 1815 года.)

Посланіе князю А. И. Одоевскому [2]).

(1826—1828.)

Я дружбу пѣлъ... Когда струнамъ касался,
Твой геній надъ главой моей парилъ,
Въ стихахъ моихъ, въ душѣ тебя любилъ
И призывалъ, и о тебѣ терзался!..
О, мой Творецъ!.. Едва расцвѣтшій вѣкъ
Ужели ты безжалостно пресѣкъ?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого отъ любви моей сокрыла?

---

[1]) Эта эпиграмма вызвана пьесой кн. А. А. Шаховского: „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды“. Изъ-за пьесы въ журналахъ велась большая полемика. Эти журнальные споры были однимъ изъ поводовъ къ основанію литературнаго кружка „Арзамасъ“.

[2]) Декабристу, см. примѣчаніе къ письмамъ на стр. 159.

ЭР03010

Домовой [1]).

Дѣтушки матушкѣ жаловались,
Спать ложиться закаивались:
Больно тревожитъ насъ дѣдъ-непосѣдъ,
Зла творитъ много и множество бѣдъ,
Ступней топочетъ, столами ворочитъ,
Душитъ, навалится, щиплетъ, щекочитъ.

---

[1]) Набросокъ показываетъ, какъ близко могъ подходить Грибоѣдовъ къ народному языку.

ДВГНБ

ЭР03010

Изъ писемъ и замѣтокъ

А. С. ГРИБОѢДОВА.

ДВГНБ

ЭР03010

ЭР03010

ДВГНБ

С. Н. Бѣгичеву [1]).

Воронежъ, 18 сент. 1818 г.

Сто разъ благодарю тебя, любезнѣйшій, дорогой мой Степанъ, и за что бы ты думалъ, попробуй отгадать?.. За походную чернильницу: она мнѣ очень кстати пришлась, зато чаще всего буду ее выкладывать, чтобъ къ тебѣ писать. Получилъ ли ты письмо мое изъ Новгорода, другое изъ Москвы и нѣсколько строкъ черезъ Наумова? Сдѣлай одолженіе—увѣдомь; а паспорты ко мнѣ доставлены въ самый день моего отъѣзда изъ Москвы, въ которой я пробылъ недѣлю долѣе, чѣмъ предполагалъ. Наконецъ, однако, оттуда вырвался. Тамъ я долженъ былъ повторить ту же плачевную прощальную сцену, которую съ тобою имѣлъ при отъѣздѣ изъ Петербурга, и нельзя иначе: мать и сестра такъ ко мнѣ привязаны, что я бы былъ извергомъ, если бы не платилъ имъ такою же любовью: онѣ точно не представляютъ себѣ иного утѣшенія, какъ то, чтобъ жить вмѣстѣ со мною. Нѣтъ! я не буду эгоистомъ; до сихъ поръ я былъ только сыномъ и братомъ по названію; возвратясь изъ Персіи, буду таковымъ на дѣлѣ, стану жить для моего семейства, переведу ихъ съ собою въ Петербургъ.

Въ Москвѣ все не по мнѣ, — праздность, роскошь, несопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному, а притомъ «нѣсть пророка безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, въ сродствѣ и въ дому своемъ»; отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ

[1]) Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ—ближайшій другъ Грибоѣдова; они сблизились на военной службѣ въ Брестѣ.

ЭР03010

Сашу, милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ, становится къ чему-то годенъ, опредѣленъ въ Миссію и можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ. Въ Петербургѣ я, по крайней мѣрѣ, имѣю нѣсколько такихъ людей, которые, не знаю, настолько ли меня цѣнятъ, сколько я думаю, что стою, но, по крайней мѣрѣ, судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ иной стороны, съ которой хочу, чтобъ на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: спроси у Жандра [1]), какъ однажды, за ужиномъ, матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ, и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, оттого, что я не восхищаюсь Кокошкинымъ [2]) и ему подобными. Я это ей отъ души прощаю, но впредь себѣ никогда не прощу, если позволю себѣ чѣмъ-нибудь ее огорчить. Ты, мой другъ, поселилъ въ меня, или, лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру; я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился и—ей Богу!—когда съ тобою нѣсколько побываю вмѣстѣ, становлюсь нравственно лучше, добрѣе. Мать моя тебя должна благодарить, если ей сдѣлаюсь хорошимъ сыномъ.

С. Н. Бѣгичеву.

31 января 1819 г. (Вечеромъ).

Хочешь ли знать, какъ и съ кѣмъ я странствую то по каменнымъ кругамъ, то по пушистому снѣгу? Не жалѣй меня однако: мнѣ хорошо, могло бы быть скучнѣе. Насъ человѣкъ 25, лошадей съ вьючными не знаю, право, сколько, только много что-то. Раннимъ утромъ поднимаемся; шествіе наше продолжается часа два-три; я, чтобы не сгрустнулось, пою, какъ знаю, французскіе куплеты и наши плясовыя пѣсни; всѣ мнѣ вторятъ, и

---

[1]) Андрей Андреевичъ Жандръ—драматическій писатель и критикъ, другъ Грибоѣдова.

[2]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ—драматическій писатель, театралъ, впослѣдствіи директоръ Московскаго театра, человѣкъ, по отзывамъ современниковъ, напоминавшій Фамусова.

ЭР03010

даже азіатскіе толмачи; доѣдешь до сухого мѣста, до пригорка, оттуда видъ отмѣнный, отдыхаемъ, ѣдимъ закуску, мимо насъ тянутся наши вьюки съ позвонками. Потомъ опять въ путь. Народъ веселый; при насъ борзыя собаки; пустимся за зайцемъ или за призракомъ зайца, потому что я ни одного еще не видалъ. Этимъ случаемъ наши татары пользуются, чтобы выказать свое искусство,—свернутъ въ бокъ, по полянамъ несутся во всю прыть, по рвамъ, кустамъ, доскакиваютъ до горы, стрѣляютъ вверхъ и исчезаютъ въ туманѣ, какъ царевичъ въ 1001 ночи, когда онъ невѣсту кашимирскаго султана взмахнулъ себѣ на коня и такъ взвился къ облакамъ. А я, думаешь, назади остаюсь? Нѣтъ, это не въ Брестѣ, гдѣ я былъ въ «кавалерійскомъ»,—здѣсь скачу, сломя голову; вчера купилъ себѣ новаго жеребца; я такъ свыкся съ лошадью, что по скользкому спуску, по гололедицѣ, беззаботно курю изъ длинной трубки. Таковъ я во всемъ: въ Петербургѣ, гдѣ всякій приглашалъ, поощрялъ меня писать и много было охотниковъ до моей музы, я молчалъ, а здѣсь, когда некому ничего и прочесть, потому что не знаютъ по-русски, я не выпускаю пера изъ рукъ. Странность свойственна человѣкамъ. Одна бѣда: скудность познаній объ этомъ краѣ бѣситъ меня на каждомъ шагу. Но думалъ ли я, что поѣду на востокъ? Мысли мои никогда сюда не были обращены. Иногда дѣлаю непростительныя или невѣжественныя ошибки; давеча, напримѣръ, нѣсколько верстъ сряду вижу кусты въ хлопчатой бумагѣ и принялъ ихъ за бамбакъ, между тѣмъ какъ это оброски отъ каравановъ,—въ тѣсныхъ излучинахъ здѣшніе колючіе отрости цѣпляютъ за хлопчатую бумагу и ее бы съ нихъ можно собрать до нѣсколькихъ пудовъ. Дорого бы я далъ за живописца; никакими словами нельзя изобразить вчерашнихъ паровъ, которые во все утро кругъ горы стлались; солнце ихъ позлащало, и они тогда какъ кипящее огненное море... потомъ свились въ облака и улеглись у подножія дальнихъ горъ. Между ними черная скала Пепись плавала въ видѣ башни; долго она то скрывалась отъ нашихъ глазъ, то появлялась по мѣрѣ того, какъ мы перемѣняли направленіе; наконецъ, подошли къ ней,—нѣтъ приступу—и въ серединѣ замокъ; не понимаю—какъ туда всходятъ. Мы ночевали въ***, но не имѣли въ виду страшилища..

ЭР03010

Ночлегъ здѣсь обыкновенно въ хатѣ, довольно высоко освѣщенной маленькимъ отверстіемъ надъ входомъ, противъ котораго въ задней стѣнѣ каминъ; по обѣимъ сторонамъ сплочены доски на полъ-аршина отъ земли и устланы коврами; около нихъ стойла, ничѣмъ не заслоненныя, не заставленныя. Между этими норами у насъ обыкновенно ставится круглый столъ, дорожный, поваръ нашъ славный, кормитъ хорошо. Мазаровичъ [1]) покуда очень милъ, много о насъ заботится; и уважителенъ, и веселъ.

Нынче мы съ трудомъ прорабатывались между камней, по гололедицѣ, въ царствѣ Жуковскаго, надъ пропастями; туманы, туманы надъ горами.

. . . . . [2])

Вчера я весь день, какъ сурокъ, проспалъ. Четыре дня, какъ мы изъ Тифлиса, три остается до Эривани; насъ очень пугаютъ Дилижанскимъ ущельемъ.

(Тавризъ, 1819.)

Князю А. А. Шаховскому (?) [3]).

Тавризъ, 17 ноября 1820 г.

Часъ пополуночи. (Приписка къ письму.)

Познанія мои заключаются въ знаніи языковъ: славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго. Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ. Для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще мало имѣть нѣсколько выраженій для одной и той же мысли, говоритъ Ривароль, чѣмъ мы болѣе просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему отечеству. И я именно для того, чтобы пріобрѣсть познанія, прошу объ увольненіи меня со службы или объ отозваніи изъ грустной страны, въ которой, вмѣсто того, чтобы чему-нибудь выучиться, еще забываешь то,

[1]) Сем. Ив. Мазаровичъ — русскій повѣренный по дѣламъ съ Персіей.

[2]) Многоточіе отмѣчаетъ пробѣлъ, видимо, оставленный нарочно. Сбоку приписано очень мелко: ребята и взрослые глазѣютъ на пріѣзжихъ.

[3]) Шаховской, Александръ Александровичъ—драматическій писатель.

ВГНБ

ЭР03010

что знаешь. Я предпочелъ сказать вамъ истину, вмѣсто того, чтобъ выставлять причиной нездоровье или разстройство.

Ю. К. Глинкѣ [1]).

Тифлисъ, 26 января 1823 г.

Милостивая государыня!

Запаздывая столь долгое время отвѣтомъ на ваше привѣтливое письмо, ломаю себѣ голову, чтобы придумать какую-нибудь увертку въ оправданіе хоть немного моего поступка; но вѣдь васъ не проведешь. Подумайте о пространствахъ, насъ разлучающихъ, о вѣчныхъ моихъ разъѣздахъ, занимающихъ пять шестыхъ моего пребыванія въ этой странѣ: письма тѣхъ, которые меня помнятъ, томятся цѣлый вѣкъ на почтѣ, пока мнѣ удастся ихъ оттуда получить. Одно, что меня успокаиваетъ — это то, что мой, а равно и вашъ достойный другъ [2]) хорошо знаетъ всѣ свойства моего характера. Онъ, вѣроятно, предупредилъ васъ, что во всѣхъ обычныхъ мнѣ уклоненіяхъ отъ обычаевъ и приличія не виновны безусловно ни мое сердце, ни недостатокъ во мнѣ чувства.

Разсчитывая на ваше снисхожденіе ко мнѣ и моимъ дѣламъ, я хочу поговорить съ вами о человѣкѣ, который во всѣхъ отношеніяхъ лучше меня и который равно дорогъ какъ вамъ, такъ и мнѣ. Что онъ подѣлываетъ, нашъ добрый Вильгельмъ, подвергшійся несчастію, прежде нежели успѣлъ воспользоваться столь немногими истинными удовольствіями, доставляемыми намъ обществомъ; мучимый, непонятый людьми, между тѣмъ, какъ онъ отдается каждому встрѣчному съ самою искреннею откровенностью, радушіемъ и любовью... не должно ли было все это привлечь къ нему общее расположеніе? Всегда опасаясь быть въ тягость другимъ, онъ становится въ тягость лишь своей собственной чувствительности! Я полагаю, что онъ теперь съ вами (въ деревнѣ, въ Смоленской губерніи), окруженный любезными родными.

---

[1]) Юлія Карловна Глинка—сестра декабриста В. К. Кюхельбекера.
[2]) В. К. Кюхельбекеръ.

ЭР03010

Кто бы сказалъ полгода тому назадъ, что я кончу тѣмъ, что буду завидовать даже злополучной его звѣздѣ! Ахъ! ежели чье-либо несчастье можетъ облегчить другого несчастнаго, то передайте ему, что, если онъ зналъ меня здѣсь прежде—беззаботнымъ, веселымъ и даже шаловливымъ, то зато теперь я въ тягость самому себѣ и одинокъ среди населенія, къ которому совершенно равнодушенъ; еще нѣсколько дней, и я покидаю этотъ городъ, оставляя здѣсь скуку и разочарованіе, которыя меня преслѣдуютъ здѣсь и которыя, быть-можетъ, я обрѣту и въ другомъ мѣстѣ. Скажите ему, что еще другое имя присоединилось къ его имени въ спискѣ изгнанниковъ, этихъ жертвъ человѣческой несправедливости; это К***—одинъ изъ друзей, о которомъ мысль придавала еще прелесть этой странѣ, когда я разсчитывалъ въ нее со временемъ возвратиться. Вильгельмъ знаетъ его и пойметъ, о комъ идетъ рѣчь.

Убѣдите вашего брата покориться судьбѣ и смотрѣть на наши страданія, какъ на нравственныя испытанія, изъ которыхъ мы выйдемъ менѣе пылкими, болѣе хладнокровными, съ запасомъ той душевной твердости, которая возбуждаетъ почтеніе и увѣренность, будто мы всю жизнь нашу благоденствовали,—и если судьба отдалитъ конецъ нашихъ дней: причудливая дряхлость, сухой кашель и вѣчное повтореніе назиданій молодости,—вотъ гавань, къ которой послѣ всего пристанетъ каждый изъ насъ—и я, и Вильгельмъ, и всѣ счастливцы сихъ дней.

Виноватъ, милостивая государыня, что вставилъ въ это письмо меланхолическія изліянія, отъ которыхъ я могъ бы васъ избавить. Взявшись за перо, мое единственное намѣреніе было облегчить себя искреннимъ признаніемъ вины, которую я чувствую передъ вами и въ которой не перестаю себя упрекать.

Примите увѣреніе въ чувствахъ совершеннаго къ вамъ почтенія. Грибоѣдовъ.

ЭР03010

С. Н. Бѣгичеву [1]).

Августъ, 1824 г.

Душа, другъ и братъ! Слава Богу, нашелъ случай мимо почты писать къ тебѣ. Чебышевъ взялся доставить. Онъ подговаривалъ меня вмѣстѣ прокатиться въ Москву, и признаюсь, соблазнительно очень, да сборы его слишкомъ скоры, я не поспѣлъ, или, лучше сказать, не могу въ эту минуту оторваться отъ побякушекъ авторскаго самолюбія. Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ..., сержусь и возстановляю стертое, такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ;... будетъ же, добьюсь до чего-нибудь; терпѣніе есть азбука всѣхъ прочихъ наукъ; посмотримъ, что Богъ дастъ. Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли рѣшишься: онъ такъ несовершененъ, такъ нечистъ; представь себѣ, что я слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или, лучше сказать, риѳмъ перемѣнилъ; теперь гладко, какъ стекло. Кромѣ того, на дорогѣ пришло мнѣ въ голову придѣлать новую развязку; я ее вставилъ между сценою Чацкаго, когда онъ увидалъ свою негодяйку со свѣчою надъ лѣстницею, и передъ тѣмъ, какъ ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались въ самый день моего пріѣзда, и въ этомъ видѣ читалъ я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гр. и Булг., Колосовой, Каратыгину [2]), дай счесть—восемь чтеній, нѣтъ, обчелся,—двѣнадцать; третьяго дня обѣдъ былъ у Столыпина, и опять чтеніе, и еще слово далъ на три въ разныхъ закоулкахъ. Грому, шуму, восхищенію, любопытству конца нѣтъ. Шаховской рѣшительно признаетъ себя побѣжденнымъ (на

---

[1]) Письмо опредѣляетъ нѣкоторые моменты въ процессѣ творчества Грибоѣдова.

[2]) Крылову — извѣстному баснописцу; Жандру, Хмельницкому, кн. Шаховскому — драматическимъ писателямъ; Гр. и Булг. — Гречу и Булгарину—писателямъ, беллетристамъ и публицистамъ, за знакомство съ которыми упрекали Грибоѣдова, но онъ твердо держался хорошихъ отношеній съ ними; Колосовой и Каратыгину — драматическимъ артистамъ.

ЭР03010

этотъ разъ). Замѣчаніемъ Вільгорскаго [1]) я тоже воспользовался. Но, наконецъ, мнѣ такъ надоѣло все одно и то же, что во многихъ мѣстахъ импровизирую,—да, это нѣсколько разъ случилось, потомъ я самъ себя ловилъ, но другіе не домекались. Voilà ce qui s'appelle sacrifier à l'intérêt du moment [2]). Ты, безцѣнный другъ мой, насквозь знаешь своего Александра; подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелочной задачѣ, вовсе несообразной съ ненасытностью души, съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ, къ перемѣнѣ мѣста и занятій, къ людямъ и дѣламъ необыкновеннымъ. И смѣю ли здѣсь думать и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему-нибудь высшему? Какъ притомъ, съ какой стати, сказать людямъ, что грошевыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не могутъ меня утѣшить? Ахъ, прилична ли спесь тому, кто хлопочетъ изъ дурацкихъ рукоплесканій!

Ѳ. В. Булгарину [3]).

Октябрь 1824 г.

Милостивый государь, Ѳаддей Венедиктовичъ. Тонъ и содержаніе этого письма покажется вамъ странными, что же дѣлать?! Вы сами тому причиною. Я долго думалъ, не рѣшался, наконецъ, принялъ твердое намѣреніе—объявить вамъ истину, il vaut mieux tard, que jamais [4]). Признаюсь, мнѣ самому жаль, потому что съ перваго дня нашего знакомства вы мнѣ оказали столько ласковостей; хорошее мнѣніе обо мнѣ я въ васъ почитаю искреннимъ. Но, несмотря на все это, не могу далѣе продолжать нашего знакомства. Лично не имѣю противъ васъ ничего; знаю, что намѣреніе ваше было чисто, когда вы меня, подъ именемъ Талантина, хвалили печатно и, конечно, не думали тѣмъ оскорбить. Но мои правила, правила благопристойности и собственное къ себѣ ува-

---

[1]) Гр. Мих. Юр. Вільгорскій—извѣстный музыкантъ, близкій къ литературнымъ кругамъ.

[2]) Вотъ, что называется отдаться минутному увлеченію.

[3]) Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ—журналистъ, не пользовавшійся расположеніемъ лучшихъ нашихъ писателей.

[4]) Лучше поздно, чѣмъ никогда.

ЭР03010

женіе не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной, или, во всякомъ случаѣ, слишкомъ предускоренной. Вы меня хвалили, какъ автора, а я, именно какъ авторъ, ничего еще не произвелъ истинно-изящнаго. Не думайте, чтобы какая-нибудь внѣшность, мнѣнія другихъ людей меня побудили къ прерванію съ вами знакомства. Вѣрьте, что для меня моя совѣсть важнѣе чужихъ пересудовъ; и смѣшно бы было мнѣ дорожить мнѣніемъ людей, когда всемѣрно отъ нихъ удаляюсь. Я просто въ несогласіи самъ съ собою: сближаясь съ вами болѣе и болѣе, трудно самому увѣриться, что ваши похвалы были мнѣ не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выкланиваю ли я еще горсточку ладана!! Разстанемтесь. Я бѣгать отъ васъ не буду, но коли гдѣ встрѣтимся, то безъ пріязни и безъ вражды. Мы другъ друга болѣе не знаемъ. Вы, вѣрно, поймете, что, поступая, какъ я теперь, не сгоряча, а по весьма долгомъ размышленіи, не могу уже ни шагу назадъ отступить. Конечно, и васъ чувство благородной гордости не допуститъ опять сойтись съ человѣкомъ, который отъ васъ отказывается. Гречу объясню это пространнѣе... а можетъ быть, и нѣтъ, какъ случится. Прощайте. Я объ васъ всегда буду хорошихъ мыслей, даже почитаю долгомъ отзываться объ васъ съ благодарностью. Вы обо мнѣ думайте, какъ хотите. Милостивый государь, вашъ всепокорнѣйшій А. Грибоѣдовъ.

П. А. Катенину [1]).

Январь 1825 г.

Умнѣйшій, любезнѣйшій Павелъ Александровичъ! Вчера я получилъ твое письмо, и знаешь ли, какое оно дѣйствіе произвело на меня? Я заперся на цѣлый день и у огонька моей печки полсутки пожилъ съ тобою, почтенный другъ. Прежніе года съ такою полнотою оживились въ моей памяти! Давно я не прово-

[1]) Павелъ Александровичъ Катенинъ—драматическій писатель, сочувствовавшій во многомъ старому классицизму, человѣкъ благороднаго характера, большого ума и образованія.

ЭР03010

дилъ времени такъ уединенно и между тѣмъ такъ пріятно!.. Критика твоя, хотя жестокая и вовсе несправедливая, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей; не уважая искренности ихъ, негодуя на притворство, чортъ ли мнѣ въ ихъ мнѣніи? Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ. Мнѣ кажется, что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію; дѣвушка, сама не глупая, предпочитаетъ дурака умному человѣку (не потому, чтобы умъ у насъ, грѣшныхъ, былъ обыкновененъ, нѣтъ! и въ моей комедіи 25 глупцовъ на одного здравомыслящаго человѣка); и этотъ человѣкъ, разумѣется, въ противорѣчіи съ обществомъ, его окружающимъ, его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ, зато онъ немножко повыше прочихъ; сначала онъ веселъ, и это порокъ: «Шутить и вѣкъ шутить, какъ васъ на это станетъ!» Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ,—что же дѣлать, коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей замѣтной черты! Его насмѣшки неязвительны, покуда его не взбѣсить, но все-таки: «Не человѣкъ! змѣя!»—а послѣ, когда вмѣшивается личность, «нашихъ затронули», предается анаѳемѣ: «Унизить радъ, кольнуть, завистливъ! гордъ и золъ!» Не терпитъ подлости: «Ахъ! Боже мой, онъ карбонарій!» Кто-то со злости выдумалъ объ немъ, что онъ сумасшедшій, никто не повѣрилъ,—и всѣ повторяютъ, голосъ общаго недоброхотства и до него доходитъ, притомъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки, для которой единственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется, онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ. Ферзь тоже разочарована насчетъ своего сахара медовича. Что же можетъ быть полнѣе этого? «Сцены связаны произвольно». Такъ же, какъ въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ: чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе завлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ, а я, когда по первой сценѣ угадываю десятую, раззѣваюсь и вонъ бѣгу изъ театра. «Характеры портретны». Да! и я, коли не имѣю таланта Мольера, то, по крайней мѣрѣ, чистосердечнѣе его; портреты и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи, въ нихъ, однако, есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя всему роду человѣческому настолько, насколько каждый че-

ЭР03010

ловѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій. Карикатуръ ненавижу, въ моей картинѣ ни одной не найдешь. Вотъ моя поэтика; ты воленъ просвѣтить меня, и коли лучше что выдумаешь, я позаймусь отъ тебя съ благодарностью. Вообще я ни передъ кѣмъ не таился и сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринымъ etc. etc. etc.), что тебѣ обязанъ зрѣлостью, объемомъ и даже оригинальностью моего дарованія, если оно есть во мнѣ. Одно прибавлю о характерахъ Мольера: Мѣщанинъ во дворянствѣ, Мнимый больной—портреты—и превосходные; Скупецъ—антропосъ собственной фабрики—и несносенъ.

«Дарованія болѣе, нежели искусства». Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать, не знаю, стою ли ея? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобъ поддѣлываться подъ дарованіе, а въ комъ болѣе вытвержденнаго, пріобрѣтеннаго потомъ и мученіемъ искусства угождать теоретикамъ, т.-е. дѣлать глупости, въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ, если художникъ, разбей свою палитру и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? Nugae difficiles. Я какъ живу, такъ и пишу свободно и свободно.

В. Ѳ. Одоевскому [1]).

Кіевъ, 10 іюня 1825 г.

Благодаренъ тебѣ душевно за два письма, любезный другъ... Самъ я въ древнемъ Кіевѣ; надышался здѣшнимъ воздухомъ и скоро ѣду далѣе. Здѣсь я пожилъ съ умершими: Владимиры и Изяславы совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ; за ними едва вскользь замѣтилъ я настоящее поколѣнье; какъ они мыслятъ и что творятъ русскіе чиновники и польскіе помѣщики,

[1]) Кн. Одоевскій, Владимиръ Ѳедоровичъ, крупный представитель философской мысли, писатель.

ЭР03010

Богъ ихъ вѣдаетъ. Природа великолѣпная; съ нагорнаго берега Днѣпра на каждомъ шагу виды измѣняются; прибавь къ этому святость развалинъ, мракъ пещеръ. Какъ трепетно вступаешь въ темноту лавры или Софійскаго собора, и какъ душѣ просторно, когда потомъ выходишь на бѣлый свѣтъ: зелень, тополи и виноградники, чего нѣтъ у насъ! Хорошо, однако, что побывалъ здѣсь въ началѣ іюня; говорятъ, что зимою немногимъ лучше сѣверной Россіи. Посѣтителей у меня перебывало много, однако скромныхъ, мало мѣшали.

Верстовскаго [1]) обними за меня; здѣсь я узналъ, что отецъ его перебрался на житье въ Москву; что же оттого лучше или хуже для музыки? Я почти увѣренъ, что истинный художникъ долженъ быть человѣкъ безродный. Прекрасно быть опорою отцу и матери въ важныхъ случаяхъ жизни, но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ, стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе. Какъ ты объ этомъ думаешь?

Прощай, милый мой мудрецъ, сердечно радуюсь твоимъ занятіямъ, не охлаждайся: они всякой жизни придаютъ высокое значеніе, и даже въ Москвѣ (откуда вынеси тебя Богъ поскорѣе). Только я не разумѣю здѣсь полемическихъ памфлетовъ, критикъ и антикритикъ. Виноватъ, хотя ты за меня подвизаешься, а мнѣ за тебя досадно. Охота же такъ ревностно препираться о нѣсколькихъ стихахъ, о ихъ гладкости, жесткости, плоскости; между тѣмъ тебѣ отвѣчать будутъ и самого вынудятъ за брань отплатить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тѣхъ, которые отъ души желаютъ, чтобы отечество наше оставалось въ вѣчномъ младенчествѣ!!!

С. Н. Бѣгичеву.

Симферополь, 9 сентября 1825 г.

Другъ и братъ! твои 1.500 руб. я получилъ еще передъ исходомъ прошедшаго мѣсяца. Объяснить тебѣ вполнѣ благодарности не умѣю; безъ тебя мой корабль остался бы на мели, пришлось бы зимовать здѣсь.

---

[1]) Верстовскій, Алексѣй Николаевичъ, извѣстный композиторъ.

ЭР03010

Еще разъ благодарю тебя, и не въ послѣдній; Богъ дастъ, свидимся, и тогда сердечное объятье лучше всякаго письма выразитъ тебѣ мое чувство. Я тотчасъ не писалъ тебѣ по важной причинѣ: ты хотѣлъ знать, что я съ собою намѣренъ сдѣлать, а я самъ еще не зналъ: чуть было не попалъ въ Одессу, потомъ подумалъ поселиться надолго въ Соблахъ, неподалеку отсюда. Наконецъ ѣду къ Ермолову [1]), послѣзавтра непремѣнно; все уложено. Ну, вотъ почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ, а результатъ нуль. Ничего не написалъ. Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? Умѣю ли писать? Право, для меня все еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется, что сказать—за это ручаюсь; отчего же я нѣмъ? Нѣмъ, какъ гробъ!!

Еще игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ-нибудь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ. Пріѣзжаю сюда, никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжалось не долѣе сутокъ, потому ли, что фортепіанная репутація моей сестры извѣстна, или чутьемъ открыли, что я умѣю играть вальсы и кадрили; ворвались ко мнѣ, осыпали привѣтствіями, и маленькій городокъ сдѣлался мнѣ тошнѣе Петербурга. Мало этого. Наѣхали путешественники, которые меня знаютъ по журналамъ: сочинитель Фамусова и Скалозуба,—слѣдовательно, веселый человѣкъ. Тфу, злодѣйство! да мнѣ невесело, скучно, отвратительно, несносно!.. И то неправда, иногда слишкомъ ласкали мое самолюбіе, знаютъ наизусть мои риѳмы, ожидаютъ отъ меня, чего я, можетъ быть, не въ силахъ исполнить; такимъ образомъ я нажилъ кучу новыхъ пріятелей, а время потерялъ и вообще утратилъ силу характера, которую начиналъ пріобрѣтать на перекладныхъ. Вѣрь мнѣ, чудесно всю жизнь свою прокатиться на 4-хъ колесахъ; кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ далеко за обыкновенные предѣлы поплыхъ опытовъ; воображеніе свѣжо, какой-то бурный огонь въ душѣ пылаетъ и не гаснетъ... Но остановки, отдыхи двухнедѣльные, двухмѣсячные для меня пагубны; задремлю, либо завьюсь чужимъ вих-

---

[1]) Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, знаменитый полководецъ, подъ начальствомъ котораго служилъ Грибоѣдовъ на Кавказѣ.

ЭР03010

ремъ, живу не въ себѣ, а въ тѣхъ людяхъ, которые поминутно со мною, часто же они дураки набитые. Подожду, авось, придутъ въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности. Сдѣлай одолженіе, не показывай никому этого лоскутка моего пачканья; я еще не перечелъ, но увѣренъ, что тутъ много сумасшествія.

Прошу у тебя, какъ милостыни, не прерывай со мной переписки, чтобъ я зналъ, гдѣ ты, потому что легко станется, что я по многомъ странствіи прямо къ тебѣ вернусь, и тѣмъ лучше, коли ты въ деревнѣ будешь.—Адресъ мой въ главную квартиру г. Ермолова.

Отчего я туда пускаюсь, что-то скрѣпя сердцемъ? Увидишь, что мнѣ тамъ не сдобровать: надо мною носятся какіе-то тяжелые пары Кюхельбекеровой атмосферы,—тѣ, которые его отовсюду выживали, и присунули, наконецъ, къ печатному станку Греча и Булгарина.—Прощай, поцѣлуй Анну Ивановну и ребенка и будущаго на-дняхъ, когда родится.

О Чатырдагѣ и южномъ берегу послѣ, со временемъ. Прощай, мой безцѣнный Степанъ.

Володя пишетъ ко мнѣ въ Кіевъ о полемической выходкѣ за мою честь въ «Телеграфѣ», но мнѣ никогда этого не случалось видѣть. Ты, вѣроятно, читалъ; какъ находишь? Да получилъ ли ты мое письмо еще изъ Петербурга о твоей тогдашней статьѣ въ мою же защиту, и какъ ты принялъ мое мнѣніе?

Правъ ли я былъ? Не слыхалъ ли чего-нибудь о Шатиловѣ [1]) и Алябьевѣ [2])? Чѣмъ кончилось ихъ дѣло? Пожалуйста, въ первомъ письмѣ ко мнѣ поболтай о чемъ-нибудь, а то скупъ сталъ на слова.

Давыдова [3]) памфлета я не получилъ, и нѣтъ его на почтѣ. Ты жалуешься на журналы; стало-быть, я счастливъ, что съ мая мѣсяца ихъ въ глаза не видалъ. Александръ Одоевскій [4]) будетъ въ Москвѣ; поручаю его твоему дружескому расположенію, какъ самого

---

[1]) Оригиналъ Репетилова—знакомый Грибоѣдова.

[2]) Алябьевъ—композиторъ.

[3]) Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ,—извѣстный партизанъ 12 года и поэтъ.

[4]) Князь Одоевскій, Александръ Ивановичъ,—поэтъ-декабристъ, другъ Грибоѣдова и впослѣдствіи Лермонтова.

ЭР03010

себя. Помнишь ли ты меня, каковъ я былъ до отъѣзда въ Персію, таковъ онъ совершенно,—плюсъ множество прекрасныхъ качествъ, которыхъ я никогда не имѣлъ.

Коли зимою ворочусь въ Москву, и ты тамъ будешь, такъ заберусь къ Дмитрію [1]) въ Якшино.

С. Н. Бѣгичеву.

Ѳеодосія, 12 сент. 1825 года.

Нынче обѣгалъ весь городъ. Чудная смѣсь вѣковыхъ стѣнъ прежней Кафы [2]) и нашихъ однодневныхъ мазанокъ! Отчего, однако, воскресло имя Ѳеодосіи, едва извѣстное изъ описаній древнихъ географовъ, и поглотило наименованіе Кафы, которая громка во столькихъ лѣтописяхъ европейскихъ и восточныхъ? На этомъ пепелищѣ господствовали нѣкогда готическіе нравы генуэзцевъ; ихъ смѣнили пасторскіе обычаи мунгаловъ съ примѣсью турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники, и съ нами — духъ разрушенія; ни одного зданія не уцѣлѣло, ни одного участка древняго города не взрытаго, не перекопаннаго. Что жъ? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ русское племя, какъ имъ поступать съ бренными остатками нашего бытія.

А мнѣ между тѣмъ такъ скучно! такъ грустно! Думалъ помочь себѣ, взялся за перо, но пишется нехотя, вотъ и кончилъ, а все не легче. Прощай, милый мой. Скажи мнѣ что-нибудь въ отраду: я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности. Пора умереть! Не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! Воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ; пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой усиленной

---

[1]) Дмитрію Никитичу Бѣгичеву—брату Степана Никитича.
[2]) Древнее названіе Ѳеодосіи.

ЭР03010

степени, какъ еще никогда не бывало. Одоевскому [1]) я не пишу объ этомъ: онъ меня страстно любитъ, и пуще моего будетъ несчастливъ, коли узнаетъ. Ты, мой безцѣнный Степанъ, любишь меня тоже, какъ только братъ можетъ любить брата, но ты меня старѣе, опытнѣе и умнѣе; сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди.

Государю Николаю Павловичу.

19 фев. 1826 г.

Всемилостивѣйшій Государь!

По неосновательному подозрѣнію, силой величайшей несправедливости, я былъ вызванъ отъ друзей, отъ начальника мною любимаго, изъ крѣпости Грозной на Суножѣ, черезъ три тысячи верстъ въ самую суровую стужу притащенъ сюда на перекладныхъ, здѣсь посаженъ подъ крѣпкій караулъ, потомъ былъ позванъ къ генералу Левашеву. Онъ обошелся со мною вѣжливо, я съ нимъ совершенно откровенно, отъ него отправленъ съ обѣщаніемъ скораго освобожденія. Между тѣмъ дни проходятъ, а я запертъ. Государь! Я не знаю за собою никакой вины. Въ пріѣздъ мой изъ Кавказа сюда тщательно скрывалъ мое имя, чтобы слухъ о печальной моей участи не достигъ до моей матери, которая могла отъ того ума лишиться. Но ежели продлится мое заточеніе, то, конечно, и отъ нея не укроется. Ваше Императорское Величество сами питаете благоговѣйнѣйшее чувство къ Вашей Августѣйшей родительницѣ...

Благоволите даровать мнѣ свободу, которой лишиться я моимъ поведеніемъ никогда не заслуживалъ, или послать меня передъ Тайный Комитетъ лицомъ къ лицу съ моими обвинителями, чтобы я могъ обличить ихъ во лжи и клеветѣ.

Всемилостивѣйшій Государь,
Вашего Императорскаго Величества
Вѣрноподданный рабъ
Александръ Грибоѣдовъ.

---

[1]) Кн. Александру Ивановичу.

ЭР03010

Ѳ. В. Булгарину.

(Безъ даты, 1826 г.)

Сто тысячъ разъ благодарю, что потѣшилъ заключеннаго; а то я сидѣлъ только и проклиналъ моихъ гонителей. Сдѣлай одолженіе, не пугайся. Бояться людей, значитъ, баловать ихъ. Пришли мнѣ Пушкина стихотворенія на однѣ сутки. Какъ бы я желалъ тебя видѣть!

Ему же.

Любезный другъ. Съ нами чудныя происшествія. Караулъ приставленъ строжайшій, причина неизвѣстная. Между тѣмъ я Комитетомъ оправданъ начисто, какъ стекло. Ивановскій, благороднѣйшій человѣкъ, въ крѣпости говорилъ мнѣ самому и всякому гласно, что я немедленно буду освобожденъ. Притомъ обхожденіе со мною, какъ его, такъ и прочихъ, было совсѣмъ не то, которое имѣютъ съ подсудимыми. Казалось, все кончено. Съѣзди къ Ивановскому, онъ тебя очень любитъ и уважаетъ; онъ членъ вольнаго Общества Любителей Словесности и много во мнѣ принималъ участія. Разскажи ему мое положеніе и навѣдайся, чего мнѣ ожидать. У меня желчь такъ скопляется, что боюсь слечь или съ курка спрыгнуть. Да не будь трусъ, напиши мнѣ, я записку твою сожгу, или передай свѣдѣнія Ж', а тотъ перескажетъ А', а А' найдетъ способъ мнѣ сообщить. Vale.

Ему же.

(Безъ даты, 1826 г.)

Любезный другъ, очень, очень благодаренъ тебѣ за присылку денегъ. Сдѣлай одолженіе, достань мнѣ «Тавриду» Боброва, да ежели нельзя имѣть на подержаніе, то купи мнѣ «Le Calcul différentiel» de Francoeur, по-французски или по-русски.

ЭР03010

(На другой половинѣ этой же записки): 19 марта получилъ взаймы отъ Ѳаддея Венедиктовича Булгарина ассигнаціями сто пятьдесятъ рублей. Александръ Грибоѣдовъ.

Ему же.

(16 апрѣля 1827 г., Тифлисъ.)

Любезный другъ, Ѳаддей Венедиктовичъ! Прежде всего просьба, чтобы не забыть, а потомъ уже благодарность за дружеское твое вниманіе къ скитальцу въ восточныхъ краяхъ. Пришли мнѣ, пожалуйста, статистическое описаніе, самое подробнѣйшее, сдѣланное по лучшей новѣйшей системѣ, какого-нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Италіи (а именно Тосканской области, коли есть, какъ края, наиболѣе воздѣланнаго и благоустроеннаго), на какомъ хочешь языкѣ, и адресуй въ канцелярію главноуправляющаго на мое имя. Очень меня обяжешь. Я бы извлекъ изъ этого таблицу не столь многосложную, но, по крайней мѣрѣ, порядочную, которую бы разослалъ нашимъ окружнымъ начальникамъ, съ кадрами, которые имъ надлежитъ наполнить. А то съ этимъ невѣжественнымъ чиновнымъ народомъ вѣкъ ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будутъ. При Алексѣѣ Петровичѣ [1]) у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался.

Авось, теперь, съ Божіею помощью, употреблю это въ пользу.

Стихи Жандра въ 1-мъ № я нигдѣ не могъ отыскать, ты не прислалъ мнѣ, а другіе — «Къ Музѣ» я, еще не зная, чьи они, читалъ здѣсь вслухъ у Ховена [2]) и увѣренъ былъ, что это произведеніе человѣка съ большимъ дарованіемъ. (Поощряй, пришпоривай его. А я надѣюсь, что, воротясь изъ похода, какъ-нибудь его сюда выпишу). Не могу довольно отблагодарить тебя за прежнее твое письмо и за присылку журналовъ.

---

[1]) Ермоловѣ.

[2]) Романъ Ивановичъ Ховенъ — другъ Грибоѣдова — тифлисскій военный губернаторъ.

ЭР03010

Желалъ бы имѣть цѣлаго «Годунова». Повѣса Левъ Пушкинъ [1]) здѣсь, но не имѣлъ ко мнѣ достаточно вниманія, и не привезъ мнѣ братнина манускрипта. Зато я принялъ его по-непріятельски: велѣлъ принести пистолеты и во все время, что онъ у меня сидѣлъ, стрѣлялъ въ дверь моей комнаты, пробилъ ее насквозь сверху донизу и Льва съ пальбой отпустилъ въ полкъ на юнкерство.

Въ первой сценѣ «Бориса» мнѣ нравится Пименъ-старецъ, а юноша Григорій говоритъ, какъ самъ авторъ, вовсе не языкомъ тѣхъ временъ.

Не ожидай отъ меня стиховъ: горцы, персіяне, турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника поглощаютъ все мое вниманіе. Не надолго, разумѣется: кончится кампанія, и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь, и не моя вина: люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмевается и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему.

Я рожденъ для другого поприща.

П. Н. Ахвердовой [2]).

Главная квартира подъ
Аббасъ-Абадомъ, 3 іюня 1827 г.

Извольте замѣтить, дорогая и уважаемая Прасковья Николаевна, что у меня бываютъ эпохи, когда я пишу письмо за письмомъ, все равно, какъ эпохи визитовъ, когда я усядусь на мѣстѣ. Вотъ вамъ уже № 2-й. Пишу на чистомъ воздухѣ, подъ прекраснымъ небомъ Персіи; дуетъ адскій вѣтеръ, пыль ужасная, а главное смеркается, и плохо видно, но не хочу отказаться отъ удовольствія написать вамъ нѣсколько строчекъ. Надняхъ, когда я запечатывалъ послѣднее мое письмо къ вамъ, было $3^1/_2$ часа утра. Затѣмъ я приказалъ осѣдлать себѣ лошадь и направился по направленію къ Аббасъ-Абаду; подъ его стѣны было послано 50 ка-

[1]) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ—братъ знаменитаго поэта.

[2]) Праск. Никол. Ахвердова — жена начальника кавказской артиллеріи; письмо даетъ понятіе о военныхъ условіяхъ жизни Грибоѣдова и блестящей его храбрости.

ЭР03010

заковъ, чтобъ дразнить гарнизонъ или, лучше сказать, кавалерію, которая находилась въ крѣпости, и завлечь ее къ засадѣ, гдѣ находились главныя наши кавалерійскія силы. Я присоединился къ нашему маленькому отряду. Весь маневръ этотъ былъ напрасенъ, непріятелю не угодно было даться въ обманъ. Нѣсколько человѣкъ охотниковъ кружились около насъ, но слишкомъ далеко отъ мѣста, гдѣ бы мы желали ихъ видѣть. Мы лишь получили нѣсколько пуль, просвиставшихъ мимо нашихъ ушей, но никого не поранившихъ. Это продолжалось до 10 часовъ утра. Въ полдень генералъ приказалъ сдѣлать сильную рекогносцировку, съ 2-мя полками уланъ, 2 казачьими, однимъ драгунскимъ и 22 полевыми орудіями. Я помѣстился на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ одного изъ фасовъ крѣпости; съ этого мѣста было видно, какъ проходили наши, точно я находился зрителемъ въ самой срединѣ крѣпости. Долгое время продолжалась канонада съ обѣихъ сторонъ; зрѣлище было прекрасное. Ничтожное, по моему мнѣнію, въ смыслѣ военнаго успѣха, оно было безподобно для зрителя, а мнѣ, находившемуся тамъ для собственнаго развлеченія, только это и нужно было. Въ данный моментъ генералъ Бенкендорфъ приказалъ кавалеріи, въ числѣ двухъ тысячъ, переплыть за Араксъ. Они это мигомъ исполнили и прогнали непріятеля со всѣхъ высотъ противоположнаго берега рѣки. Какъ мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы, будучи живописцемъ, видѣли все это и, сверхъ того, ту живописную равнину, гдѣ происходила эта сцена. У насъ здѣсь со всѣхъ сторонъ цѣлые ряды горъ, съ самыми странными очертаніями, какія только природа могла произвести, между прочимъ, такъ называемая Помпеева скала, которая высится, словно стволъ гигантскаго дерева, пораженнаго и почернѣвшаго отъ удара молніи. Это по направленію къ нашей Карабахской границѣ. Посреди этого лабиринта холмовъ, всякаго рода возвышенностей и цѣлыхъ горныхъ цѣпей самой странной формы, улыбающаяся, веселая долина, тщательно воздѣланная, орошаемая Араксомъ, а къ сѣверу снѣжная вершина Арарата. Я уже переправлялся въ бродъ черезъ эту знаменитую рѣку; историческое имя которой такъ много говоритъ воображенію. Третьяго дня мы стали лагеремъ близъ

ЭР03010

Аббасъ-Абада; вчера начали траншею; эту ночь я поѣду за генераломъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Поутру чуть не выбылъ изъ нашего общества Влангали: семь несчастныхъ ядеръ потрясли воздухъ надъ его палаткой или, лучше сказать, надъ всею главною квартирою, и упали (посреди нея) въ разныхъ мѣстахъ, но никого не убили. Все это меня развлекаетъ, и къ этому я до извѣстной степени начинаю привязываться: все же лучше, чѣмъ плѣснѣть въ городахъ. Добрый вечеръ! Что мнѣ сказать про вашего зятя? Нельзя лучше его исполнять свой долгъ, сообразно тому, какъ онъ понимаетъ свои служебныя обязанности, и въ то же время нельзя болѣе расходиться во взглядахъ со своимъ начальникомъ, который, однако, человѣкъ отличнѣйшій во всемъ, кромѣ обращенія. Ничего не говорите о томъ m-me Муравьевой. Можетъ быть, вмѣстѣ съ успѣхомъ въ дѣйствіяхъ противъ враговъ уладятся и отношенія между друзьями, и тогда я первый сообщу вамъ объ этомъ. Поклонитесь отъ меня всей вашей семьѣ, семьѣ Чавчавадзе и г-жѣ Кастелло.

Князю А. И. Одоевскому [1]).

С.-Петербургъ, апрѣль—май 1828 г.

Братъ Александръ! подкрѣпи тебя Богъ! Я сюда прибылъ на самое короткое время. Государь меня наградилъ щедро за мою службу. Бѣдный другъ и братъ! Зачѣмъ ты такъ несчастливъ? Теперь ты бы порадовался, если бы видѣлъ меня гораздо въ лучшемъ положеніи, нежели прежде, но я тебя знаю, ты не останешься равнодушенъ, при полученіи этихъ строкъ, и тамъ, вдали, въ горѣ и въ разлукѣ съ ближними.

Осмѣлюсь ли предложить тебѣ утѣшеніе въ нынѣшней судьбѣ твоей?! Но есть оно для людей съ умомъ и чувствомъ. И въ страданіи заслуженномъ можно сдѣлаться страдальцемъ почтеннымъ. Есть внутренняя жизнь, нравственная и высокая, независимо отъ внѣшней. Утвердиться размышленіемъ въ правилахъ неизмѣнныхъ, сдѣлаться въ узахъ и въ заточеніи лучшимъ, нежели въ самой свободѣ—вотъ подвигъ,

[1]) Декабристу—см. выше, стр. 152.

ЭР03010

который тебѣ предлагаю. Но кому я это говорю? Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтаціи, въ 1825 году. Она была мгновенна, и ты, вѣрно, теперь тотъ же мой кроткій, умный и прекрасный Александръ, какимъ былъ въ Стрѣльнѣ и въ Коломнѣ, въ домѣ Погодина. Помнишь, мой другъ, во время наводненія, какъ ты плылъ и тонулъ, чтобы до меня добраться и меня спасти?

Кто тебя завлекъ въ эту гибель? Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя ума и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе опредѣлила, довольно объ этомъ. Слышу, что снисхожденіемъ высшаго начальства тебѣ и товарищамъ твоимъ дозволится читать книги. Сейчасъ ѣду покупать тебѣ всякой всячины, реестръ приложу послѣ.

Е. И. Булгариной [1]).

5 іюня 1828 г.

Прощайте, милая Леночка, дорогой другъ мой, отъ всего сердца цѣлую васъ и Танту также. Простите! Прощаюсь года на три, на десять лѣтъ, можетъ быть, навсегда. О Боже мой! неужели проведу я всю мою жизнь тамъ, въ странѣ, чуждой моимъ чувствамъ, мыслямъ... Ничего... Можетъ быть, я когда-нибудь убѣгу въ Карлово отъ всего, что теперь мнѣ противно! Но когда? Еще далеко до этого. Покуда обнимаю васъ, добрый другъ мой, будьте счастливы. Вашъ вѣрный другъ А. Грибоѣдовъ.

Ѳ. В. Булгарину.

Ноябрь 1828 г.

Напечатай, любезный другъ Ѳаддей, это блестящее описаніе, которое очень удачно вылилось изъ-подъ пера товарища моей политической ссылки.

Дѣло въ томъ, что насъ, кромѣ праздниковъ, здѣсь точно боятся и уважаютъ. $^4/_5$ слѣдующихъ намъ де-

---

[1]) Елена Ивановна Булгарина — жена журналиста Ѳ. В. Булгарина.

ЭР03010

негъ взяли; рѣдко пишется отъ меня требованіе здѣшнему правительству, чтобы не было исполнено. Теперь ѣду въ Тегеранъ, куда и шахъ въ скоромъ времени возвращается. Коли все еще меня будутъ ругать пріятели, nos amis les ennemis, то объяви имъ, что я на нихъ плюю. Ты въ своихъ письмахъ крѣпко настаиваешь, чтобы я Аббасъ-Мирзу подвигъ на войну противъ турокъ. Любезный другъ, знаешь ли ты, имѣю ли я на то разрѣшеніе? Удивляюсь, что тотъ, кто лучше тебя это знаетъ, говоритъ, что я бы могъ это сдѣлать. Коли служишь, то прежде всего слѣдуй буквально присылаемымъ свыше инструкціямъ, а если вмѣстѣ съ тѣмъ можно пожить и для газетъ, и то хорошо. Я, братъ, изъ своей головы готовъ изобрѣтать всякіе наступательные планы, но не исполнять, покудова мнѣ же, наоборотъ, не предпишутъ поступать такъ, а не иначе. Поцѣлуй Леночку и Танту. Вѣрный твой А. Грибоѣдовъ.

П. Н. Ахвердовой [1]).

Примите мои искреннія привѣтствія, дорогой и глубокоуважаемый другъ мой. Я давно уже сдѣлалъ, что было нужно, для вашего племянника, но графъ не особенно расположенъ къ нему. Кто знаетъ? Быть можетъ, ему переданы нѣкоторыя невинныя шутки, которыя тотъ позволилъ себѣ на его счетъ, а клевета, какъ это обыкновенно дѣлается предъ начальникомъ, раздула и истолковала въ другую сторону эти отзывы, во всякомъ случаѣ только нескромные. О, это водится. Впрочемъ, то, что вы мнѣ говорите о графѣ Эриванскомъ [2]), доставляетъ мнѣ величайшее удовольствіе. Это мой другъ и мой благодѣтель, и я, конечно, желалъ бы, чтобы всѣ были ему такъ же преданы, какъ я. Совѣты ваши о доставленіи занятій моей женѣ очень разумны и полезны. Но у меня все время отнято проклятою контрибуціей, которой я еще не могу взыскать съ персіянъ сполна. Это египетская работа. Мнѣ кажется, что я не вполнѣ на своемъ мѣстѣ; нужно бы побольше

[1]) См. выше, стр. 157.

[2]) Паскевичъ-Эриванскій, графъ, князь варшавскій, Иванъ Ѳедоровичъ.

ЭР03010

житейскаго такта, побольше хладнокровія. Дѣла портятъ мой характеръ. Я дѣлаюсь угрюмымъ; иной разъ нападаетъ на меня охота остепениться, и тутъ уже я дѣйствительно глупѣю. Нѣтъ, я вовсе не гожусь для службы. Меня назначать не слѣдовало. Мнѣ кажется, что я неспособенъ выполнить, какъ слѣдуетъ, служебныя обязанности. Многіе другіе исполнили бы ихъ во сто тысячъ разъ лучше. Но мнѣ остается одна надежда: Богъ, которому я служу еще хуже, нежели Государю, и Который всегда и дѣйствительно мнѣ покровительствовалъ. Вы увидите, что меня же, въ концѣ концовъ, станутъ восхвалять за все, что сдѣлано будетъ хорошаго, тогда какъ участія моего тутъ вовсе не было, точно такъ же, какъ въ эту персидскую кампанію; сколько другихъ гораздо больше моего заслужили награжденія отъ правительства, а вышло, что я награжденъ всѣхъ больше. — Поцѣлуйте Дашеньку нѣжно-нѣжно. Какъ мы любимъ ее съ женою! Держу пари, что она и не догадывается о всѣхъ тѣхъ разговорахъ, которые мы ведемъ въ Тавризѣ, все про нее и про Катеньку. Какъ-то найдемъ ихъ, когда воротимся! За кого ихъ выдадутъ? Маленькія ихъ кокетства въ клубѣ etc. etc. Прощайте, уважаемая Прасковья Николаевна. Помните насъ, любите насъ столько же, какъ мы вамъ искренно преданы, ваша Нина и вамъ вѣрный другъ А. Грибоѣдовъ.

ДВГНБ

ЭР03010

По поводу „Горя отъ ума".

——— *(Послѣ 1823 г.)*

(Черновой набросокъ.)

...Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишетъ для сцены: Расинъ и Шекспиръ подвергались той же участи,—такъ мнѣ ли роптать? Въ превосходномъ стихотвореніи многое должно угадывать; не вполнѣ выраженныя мысли или чувства тѣмъ болѣе дѣйствуютъ на душу читателя, что въ ней, въ сокровенной глубинѣ ея, скрываются тѣ струны, которыхъ авторъ едва коснулся, нерѣдко однимъ намекомъ,—но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно. Для того съ обѣихъ сторонъ требуется: съ одной — даръ, искусство; съ другой — воспріимчивость, вниманіе. Но какъ же требовать его отъ толпы народа, болѣе занятаго собственною личностью, нежели авторомъ и его произведеніемъ? Притомъ, сколько привычекъ и условій, нимало не связанныхъ съ эстетическою частью творенія,—однако надобно съ ними сообразоваться. Суетное желаніе рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка послѣ каждыхъ трехъ - четырехъ сотъ стиховъ; необходимость побѣгать по коридорамъ, душу отвести въ поучительныхъ разговорахъ о дождѣ и снѣгѣ,—и всѣ движутся, входятъ и выходятъ, и встаютъ, и садятся. Всѣ таковы, и я самъ таковъ, и вотъ что называется публикой! Есть родъ познанія (которымъ многіе кичатся)—искусство угождать ей, то-есть дѣлать глупости...

ЭР03010

Загородная поѣздка [1]).

(Отрывокъ изъ письма южнаго жителя.)

....Вдругъ послышались намъ звучные, плясовые напѣвы, голоса женскіе и мужскіе, съ того же возвышенія, гдѣ мы прежде были. Родныя пѣсни! Куда занесены вы съ священныхъ береговъ Днѣпра и Волги?— Приходимъ назадъ: то мѣсто было уже наполнено бѣлокурыми крестьяночками въ лентахъ и бусахъ; другой хоръ изъ мальчиковъ; мнѣ болѣе всего понравились двухъ изъ нихъ смѣлыя черты и вольныя движенія. Прислонясь къ дереву, я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свелъ глаза на самихъ слушателей-наблюдателей, тотъ поврежденный классъ полу-европейцевъ, къ которому и я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки невнятны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими! Финны и тунгусы скорѣе пріемлются въ наше собратство, становятся выше насъ, дѣлаются намъ образцами, а народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами, и навѣки! Если бы какимъ-нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который бы не зналъ русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ конечно бы заключилъ изъ рѣзкой противоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами.

Пѣсни не умолкали; затянули: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»; молодые пѣвцы присѣли на дернъ и дружно грянули въ ладоши, подражая мѣрнымъ ударамъ веселъ; двое на ногахъ оставались: атаманъ и есаулъ. Былыя времена! Какъ живо воскрешаетъ васъ въ моей памяти эта народная игра; тотъ вѣкъ необузданной вольности, въ который нѣсколько удальцовъ бросались въ легкіе струги, спускались внизъ по протоку Ахтубѣ, по Бузанъ-рѣкѣ, дерзали въ открытое море, брали дань съ прибрежныхъ городовъ и селеній, не щадили ни красоты дѣвичьей, ни сѣдины старческой, а, по

[1]) Въ окрестностяхъ Петербурга. Начало статьи опущено.

ЭР03010

словамъ Шардена, въ роскошномъ Фирузъ-Абатѣ, угрожали блестящему двору шаха Аббаса. Потомъ, обогатясь корыстями, несмѣтнымъ числомъ тканей узорчатыхъ, серебра и золота, и жемчуга окатнаго, возвращались домой, гдѣ ожидали ихъ любовь и дружба; ихъ встрѣчали съ шумною радостью и славили въ пѣсняхъ.

Время длилось. Сѣверное лѣтнее солнце, какъ всегда передъ закатомъ, казалось неподвижно; мой товарищъ предложилъ мнѣ пуститься верхомъ, еще подалѣе, къ другой цѣпи возвышеній. Сѣли на лошадей, которыя здѣсь сродни горнымъ муламъ, но изъ нашей поѣздки ничего не вышло, кромѣ благотворнаго утомленія для здоровья. Дымъ отъ выжженныхъ и курившихся корней носился по дорогѣ. Солнце въ этомъ мракѣ походило на ночное свѣтило. Возвратились опять въ Парголово; оттуда въ городъ. Прежнею дорогою, прежнее уныніе. Къ тому же суровость климата! При спускѣ съ одного пригорка мы разомъ погрузились въ погребной, влажный воздухъ; сырость проникала насъ до костей. И чѣмъ ближе къ Петербургу, тѣмъ хуже: по сторонамъ предательская трава; если своротить туда,—тинистыя хляби вмѣсто суши. На пути не было никакой встрѣчи, кромѣ туземцевъ финновъ: бѣлые волосы, мертвые взгляды, сонныя лица!

Характеръ моего дяди [1]).

(Безъ даты.)

Вотъ характеръ, который почти исчезъ въ наше время, но двадцать лѣтъ тому назадъ былъ господствующимъ,—характеръ моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего въ тогдашнемъ поколѣніи развита была повсюду какая-то смѣсь пороковъ и любезности; извнѣ рыцарство въ нравахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства. Тогда уже многіе дуэлировались, но всякій пылалъ непреодолимою страстью обманывать женщинъ въ любви, мужчинъ въ карты

[1]) Повидимому, Алексѣй Ѳедоровичъ Грибоѣдовъ, братъ матери Грибоѣдова — послужившій до извѣстной степени прототипомъ Фамусова.

ЭР03010

или иначе; по службѣ начальникъ уловлялъ подчиненнаго въ разныя подлости обѣщаніями, которыхъ не могъ исполнить, покровительствомъ, не основаннымъ ни на какой истинѣ; но зато какъ и платили ихъ свѣтлостямъ мелкіе чиновники, вѣрные рабы-спутники до перваго затменія! Объяснимся круглѣе: у всякаго была въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ. Кажется, нынче этого нѣтъ, а, можетъ быть, и есть; но дядя мой принадлежитъ къ той эпохѣ. Онъ, какъ левъ, дрался съ турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ передникъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его нравоученій: я, братъ!..

ДВГНБ

ЭР03010

ГРИБОѢДОВЪ и его время

въ воспоминаніяхъ современниковъ.

ДВГНБ

ЭР03010

ДВГНБ

ЭР03010

А. С. Пушкинъ о Грибоѣдовѣ и его пьесѣ.

I. Изъ „Путешествія въ Эрзерумъ".

...Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. «Откуда вы?» спросилъ я ихъ.—Изъ Тегерана.—«Что вы везете?»—Грибоѣда.—Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: «Vous ne connaissez pas ces gens là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux» [1]). Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами персіанъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею [2]).

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его

---

[1]) „Вы этого народа не знаете: вотъ увидите, что дѣло дойдетъ до ножей".

[2]) Эта рана было получена Грибоѣдовымъ на дуэли съ А. И. Якубовичемъ 18 октября 1818 г. въ Тифлисѣ.

ЭР03010

добродушіе, самые слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества,—все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости,—эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ». Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость разсчесться единожды навсегда съ своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздной разсѣянностью; уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 году, было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія «Горе отъ ума» произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неравнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его

ЭР03010

друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны.

II. Изъ письма къ А. А. Бестужеву.

Михайловское, конецъ января 1825 г.

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ [1]). Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собой признаннымъ. Слѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его— характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина — но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos du bal, сплетни, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый,—вотъ черты истинно-комическаго генія. Теперь вопросъ: въ комедіи «Горе отъ ума» кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину?—Это непростительно.—Первый признакъ умнаго человѣка,—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и т. п. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ. Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ,

[1]) Комедію Грибоѣдова привозилъ въ Михайловское И. И. Пущинъ, который и читалъ ее Пушкину 11 января 1825 г.

ЭР03010

хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину прелестна — и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ— его воля.

О стихахъ я не говорю—половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову; можетъ быть, я въ иномъ ошибся.—Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться.

ДВГНБ

ЭР03010

Изъ „Записокъ современника“ [1]).

Дневникъ студента съ 1805 по 1807 годъ.

1805 годъ.

2 января. Понедѣльникъ.

Вчера ѣздилъ съ поздравленіемъ къ графу Ивану Андреевичу [2]), Ивану Петровичу Архарову, къ теткѣ Вишневской, къ брату Ивану Петровичу[3]), къ Аксеновымъ и къ Кудрявцовымъ; разумѣется, заѣзжалъ и къ Лобковымъ. Какъ хорошѣетъ Арина Петровна! Нельзя довольно налюбоваться ею; что за глаза! И эту красавицу, къ общей досадѣ нашей, мать зоветъ Орюшкою! Звали вечеромъ танцовать; танцами распо-

---

[1]) „*Записки современника*“ написаны Степаномъ Петровичемъ Жихаревымъ, который былъ близокъ Жуковскому и семьѣ Тургеневыхъ. Въ извѣстномъ кружкѣ „Арзамасъ“ онъ носилъ названіе „Громобоя“. Служилъ онъ сначала въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, впослѣдствіи былъ оберъ-прокуроромъ московскаго сената и, наконецъ, сенаторомъ. Одно время ему принадлежалъ большой домъ на Новинскомъ бульварѣ въ Москвѣ (нынѣ Лямина).

Наблюдательный и живой, онъ далъ въ своихъ запискахъ любопытныя картинки нравовъ грибоѣдовской Москвы, а по своимъ литературнымъ взглядамъ близкій къ арзамасцамъ, хорошо освѣщаетъ кружки литературныхъ старовѣровъ того времени, для которыхъ и стихотворенія Жуковскаго казались чѣмъ-то страннымъ.

„*Записки современника*“ раздѣляются на: 1) „*Дневникъ студента*“ (съ 1805 по 1807 г.) и „*Дневникъ чиновника*“ (съ 1817 по 1819 годъ).

Примѣчанія къ „Запискамъ“ составлены родственникомъ и другомъ С. П. Жихарева—княземъ С. С. Барятинскимъ. Примѣчанія, принадлежащія издателю „Записокъ“ П. И. Бартеневу, обозначены буквами П. Б.; примѣчанія составителя настоящей книги къ „Запискамъ современника“ — буквами А. А.

[2]) Остерманъ, государственный канцлеръ. Его домъ — нынѣшнее зданіе духовной семинаріи.

[3]) Поливановъ, впослѣдствіи сенаторъ.

ЭР03010

ряжаться будетъ Іогель [1]). Танцы не по моей части, но какъ не полюбоваться олицетворенною Терпсихорою.

Графъ Иванъ Андреевичъ добивался, сколько мнѣ лѣтъ и куда я намѣренъ опредѣлиться въ службу. Не хотѣлъ вѣрить, что мнѣ только 16 лѣтъ. Не совѣтовалъ служить въ Архивѣ, но ѣхать прямо въ Петербургъ и опредѣлиться въ коллегію, сперва на черную работу. Обѣщалъ дать къ кому-то письмо. Обласкалъ, однакоже не посадилъ. Старикъ чѣмъ-нибудь огорченъ или угрюмъ по природѣ. Зато какъ обнималъ меня Иванъ Петровичъ Архаровъ [2])! Созвалъ все семейство смотрѣть на мой мундиръ и чего, чего не наговорилъ: называлъ милымъ, умницею, роднымъ и проч. Заставлялъ насильно завтракать, приглашалъ обѣдать, хотѣлъ пить шампанское за мое здоровье,—словомъ, я не зналъ, куда дѣваться отъ его нѣжностей. Говорятъ, что онъ со всѣми таковъ, и чѣмъ малозначительнѣе человѣкъ, тѣмъ больше старается обласкать его. Это мнѣ растолковала тетка, которая, Богъ знаетъ почему, называетъ эту привѣтливость *кувырканьемъ*; иначе я могъ бы возмечтать о себѣ и Богъ знаетъ что! Между тѣмъ я сегодня попалъ туда, куда бы ѣздить не слѣдовало. Кудрявцевъ, въ великой заботѣ о моихъ знакомствахъ, возилъ меня къ графу Михаилу Ѳедоровичу Каменскому [3]), Богъ вѣсть зачѣмъ! Развѣ только для того, чтобы похвастаться своими связями, и что онъ нѣкогда въ корпусѣ преподавалъ графу нѣмецкій языкъ. Графъ, безспорно, знаменитый полководецъ и не даромъ фельдмаршалъ, но могъ бы и не уничтожать меня своимъ пріемомъ. «Въ какой это ты, братецъ, мундиръ нарядился? Въ полку бы тебѣ не мѣшало послужить солдатомъ. Скорѣе бы повытерли». И только. Не посадилъ: простоялъ больше часу, покамѣстъ старики вдоволь не наговорились о прежнемъ житьѣ-бытьѣ; видишь, въ ихъ время будто бы все было лучше. Немудрено: въ ихъ время у нихъ зрѣніе было острѣе, слухъ былъ тонѣе и желудокъ исправнѣе.

---

[1]) Тотъ Іогель, о которомъ упоминается въ „Войнѣ и мирѣ". А. А.

[2]) Московскій домъ этого знаменитаго хлѣбосола—нынѣ Коншина, на Пречистенкѣ, на углу Старой Конюшенной. П. Б.

[3]) Нынѣшнее зданіе Земледѣльческой школы на Смоленскомъ бульварѣ. П. Б.

РГБ

ЭР03010

Таскался по профессорамъ. Я началъ съ Страхова и кончилъ Снѣгиревымъ. Добрые, благонамѣренные, почтенные люди! Все время жизни своей посвящаютъ другимъ, въ безпрерывныхъ трудахъ, а съ нашей стороны признательности немного. Вотъ, напримѣръ, хоть бы взять Никифора Евтроповича [1]). До сихъ поръ, какъ только появится на каѳедрѣ, такъ тотчасъ наши шалуны и давай повторять третьягодняшнюю его фразу: «Оное Гарнерево воздухоплаваніе не столь общеполезно, сколько оное Финновъ Петра Великаго о лаптяхъ ученіе есть». Разумѣется, конструкція фразы смѣшна, да зато въ ней есть глубокій смыслъ.

6 января, пятница.

Большой балъ у Высоцкихъ [2]). Кузины наши показывали мнѣ свои наряды: кружева, кружева и кружева. Есть въ четверть аршина шириною. Много денегъ оставлено въ магазинѣ мадамъ Оберъ-Шалме: достаточно было бы на годовое продовольствіе иному семейству. Не даромъ старики эту Оберъ-Шалме переименовали въ Оберъ-Шельму [3]). Мы съ Петромъ Ивановичемъ ѣздили взглянуть на освѣщенныя окна дома Высоцкаго. Вся Басманная до Мясницкихъ воротъ запружена экипажами: цуги, цуги и цуги. Кучерамъ раздавали по колачу и разносили по стакану пѣнника. Это по-барски. Музыка слышна издалече: экосезъ и а-ла-грекъ такъ и заставляютъ подпрыгивать.

22 января, воскресенье [4]).

Приходилъ Ф. П. Граве. Онъ непремѣнно хочетъ играть на нѣмецкомъ театрѣ. Сколько мы ему ни воз-

[1]) Профессоръ Черепановъ.

[2]) За Высоцкимъ была Потемкина, родная сестра свѣтлѣйшаго. Высоцкій содѣйствовалъ исполненію словеснаго завѣщанія князя Потемкина о постройкѣ прекраснаго храма Большого Вознесенія у Никитскихъ воротъ въ Москвѣ, въ память негласнаго его брака съ Екатериною. П. П. Б.

[3]) Въ 1812 году эта обирательница русскихъ барынь завѣдывала столомъ Наполеона и не нашла ничего лучше, какъ устроить кухню въ Архангельскомъ соборѣ. Она послѣдовала за остатками великой арміи и погибла съ нею. Elle a été cosaquée, какъ тогда говорили. П. Б. Оберъ-Шалме упоминается въ романѣ „Война и миръ“. А. А.

[4]) Замѣтка, типичная для взглядовъ того времени на артистовъ и ремесленниковъ. А. А.

ЭР03010

ражали и ни указывали на неприличіе такого поступка, онъ стоитъ на своемъ. На прощанье объявилъ, что уже выучилъ нѣсколько ролей и скоро дебютировать будетъ въ какой-то роли «Влюбленнаго башмачника». Завтра же отправлюсь къ Штейнсбергу и попрошу, чтобы не допускалъ такого скандала. Одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, студентъ, получившій золотую медаль, и котораго имя, какъ отличнѣйшаго воспитанника, осталась на золотой доскѣ, будетъ играть роль влюбленнаго башмачника, большею частію, передъ вовсе не влюбленными сапожниками. Есть отъ чего съ ума сойти!

28 января, суббота.

Николай Ивановичъ Кондратьевъ разгадалъ мнѣ, отчего въ афишахъ передъ фамиліею нѣкоторыхъ актеровъ и актрисъ ставится буква Г., т.-е. господинъ или госпожа, а передъ другими нѣтъ.

Это оттого, что послѣдніе изъ крѣпостныхъ людей, напр., Уваровъ, Куровъ, Волковъ, Баранчеева, Лисицына и проч., и что когда они зашибаются, что случается нерѣдко, то имъ дѣлается выговоръ особеннаго рода. Однакоже носятся слухи, что русскій театръ присоединится къ театральной дирекціи, отъ которой назначится особый директоръ, и что всѣ эти негосподa пріобрѣтутся въ принадлежность дирекціи, съ присвоеніемъ имъ буквы Г. Дай Богъ! Нѣтъ сомнѣнія, что казенное управленіе исправитъ теперешнюю неурядицу и обратитъ вниманіе на нѣкоторые отличные таланты, не имѣющіе покамѣстъ никакой будущности.

10 февраля, пятница.

Кузины наши Семеновы и княжны Барятинскія возили меня вчера на балъ къ Петру Тимоѳеевичу Бородину, откупщику и одному изъ московскихъ крезовъ. Я охотно поѣхалъ, не для танцевъ, которыхъ, по застѣнчивости моей, терпѣть не могу, а такъ, изъ любопытства. Что за жаръ и духота! Прыгали до разсвѣта. Много было хорошенькихъ личикъ, но только съ начала бала, а съ 11 часовъ, и особенно послѣ ужина, эти хорошенькія личики превратились въ какія-

ЭР03010

то вакханскія физіономіи отъ усталости и невыносимой духоты; волосы развились и разсыпались, украшенія пришли въ безпорядокъ, платья обдергались, перчатки промокли и проч. и проч. Какъ ни суетились маменьки, тетушки и бабушки приводить въ порядокъ гардеробъ своихъ дочекъ, племянницъ и внучекъ, для чего нѣкоторыя по временамъ выскакивали изъ-за бостона, но не успѣвали: танцы слѣдовали одинъ за другимъ безпрерывно, и ни одна изъ жрицъ Терпсихоры не хотѣла сойти съ паркета. Меня увѣряли, что, если дѣвушка пропускаетъ танцы или на какой изъ нихъ не ангажирована, то это ведетъ къ какимъ-то заключеніямъ. Правда ли это? Ужъ не оттого ли иныя maman безпрестанно ходили по кавалерамъ, особенно пріѣзжимъ офицерамъ, и приглашали ихъ танцовать съ дочерьми: «Батюшка, съ моей-то потанцуй!» Многія не разъ подходили и ко мнѣ, но меня спасали кузина Александрина съ Ариною Петровной: «Il ne danse pas, madame; c'est un campagnard, qui ne vient au bal que pour manger des glaces» [1]). Проказницы! Въ кабинетѣ хозяина кипѣла чертовская игра: на двухъ большихъ круглыхъ столахъ играли въ банкъ. Отроду не видывалъ столько золота и ассигнацій. На одномъ столѣ банкъ метали князь Ш..., К..., Ч... и Р... поперемѣнно. На другомъ братья Дурновы... М... и Р... Понтировали много извѣстныхъ людей. Какой-то К*** проигралъ около пяти тысячъ руб., очень хладнокровно вынулъ деньги, заплатилъ и отошелъ, какъ ни въ чемъ небывалый. Я думалъ, что онъ милліонеръ, но мнѣ сказали, что у него не болѣе 200 душъ въ Вологдѣ. Какъ удивился я, встрѣтивъ Диммлера съ мѣломъ въ рукахъ, записывающаго выигрышъ вмѣсто банкомета. Говорятъ, что онъ въ чести у Дурновыхъ, Видно, это выгоднѣе, чѣмъ давать уроки на фортепіано [2]).

Угощеніе было на славу. Несмотря на раннюю пору, были оранжерейные фрукты, грушъ и яблокъ бездна, конфетъ груды, прохладительнымъ и счета нѣтъ, а объ ужинѣ и говорить нечего.

---

[1]) „Онъ, сударыня, не танцуетъ; это деревенскій житель, появляющійся на балахъ для того только, чтобы ѣсть мороженое".

[2]) Эпизодъ, освѣщающій положеніе домашнихъ учителей, о которомъ говорится и въ „Горе отъ ума". А. А.

ЭР03010

Что за осетръ, стерляди, что за сливочная телятина и гречанки-индѣйки [1])! Богъ вѣсть чего не было! Шампанское лилось, какъ вода: мнѣ кажется, болѣе ста бутылокъ было выпито. Хозяинъ подходилъ къ каждому и приглашалъ покушать. Самъ онъ былъ нѣсколько навеселѣ. Хозяйка не показывалась: она не выходитъ въ дни большихъ собраній; дамъ принимала хозяйская дочь, молодая княгиня Касаткина-Ростовская, недавно вышедшая замужъ.

2 марта, четвергъ.

Вчерашнимъ утромъ ѣздилъ съ поздравленіемъ къ именинницѣ [2]); но она не принимала, а швейцаръ объявилъ, что покорнѣйше просятъ на вечеръ.

— Много у васъ будетъ гостей?

— Да приглашаютъ всѣхъ, кто пріѣдетъ утромъ, а званыхъ нѣтъ: *тихой балъ* назначенъ [3]).

Нечего сказать, тихой балъ! Вся Поварская, въ буквальномъ смыслѣ, запружена была экипажами, которые по обѣимъ сторонамъ улицы тянулись до самыхъ Арбатскихъ воротъ. Кажется, весь городъ втиснутъ былъ въ гостиныя А. С. Чужая душа — потемки, но принимать гостей мастерица. Всѣмъ одинаковый поклонъ, знатному и незнатному; всѣмъ равное ласковое слово и приглашеніе на полную свободу. Играй, разговаривай, молчи, сиди,—словомъ, дѣлай, что хочешь; только не спорь слишкомъ громогласно и съ запальчивостью: этого хозяйка боится. Кого тутъ не было, начиная съ главнокомандующаго, до нашего брата студента, отъ альфы до омеги? Графъ Растопчинъ, князь Юр. Влад. Долгорукой, П. С. Валуевъ, Обрѣзковъ, кн. Вяземскій, сен. Алябьевъ, Мухановъ, кн. Голицыны, Марковъ, Кутузовъ, Волконскій, Спиридовъ, Лопухины, Мамоновъ, Обольяниновъ, графъ Салтыковъ съ своимъ неразлучнымъ Брокомъ и проч. и проч.,—словомъ, почти вся

---

[1]) Гречанками назывались индѣйки, выкормленныя грецкими орѣхами.

[2]) Къ Авдотьѣ Селивестровнѣ Небольсиной. Домъ ея, если не ошибаемся,—нынѣ Д. А. Беклемишевой (бывшій А. И. Кошелева), на углу Трубнаго переулка. П. Б.

[3]) Ср. слова Софьи:

„Мы въ траурѣ—такъ балу дать нельзя“ и послѣдующій балъ у Фамусова. Л.

ЭР03010

московская знать. Я заслушался гр. Растопчина [1]). Что за увлекательный образъ изъясненія! Анекдотъ за анекдотомъ, одной чертой такъ и обрисуетъ человѣка, и между тѣмъ о своей личности ни слова. По короткости своей съ именинницею онъ, говорятъ, сдѣлалъ ей пресмѣшной сюрпризъ: замѣтивъ, что она любитъ пастеты, онъ прислалъ съ Брокеромъ къ ней за минуту до обѣда преогромный пастетъ, будто бы съ самою нѣжною начинкою, который и поставили передъ хозяйкою; въ восхищеніи отъ вниманія любезнаго графа, она, послѣ горячаго, просила Брокера вскрыть великолѣпный пастетъ,—и вотъ показалась изъ него безобразная голова Миши, извѣстнаго карла кн. Х., а потомъ вышелъ онъ и весь съ настоящимъ пастетомъ въ рукахъ и букетомъ живыхъ незабудокъ.

12 апрѣля, среда.

Гулянья подъ Новинскимъ [2]) начались блистательно. Время стоитъ прекрасное. Экипажамъ счета нѣтъ, и кавалькадъ много. Изъ числа первыхъ болѣе всѣхъ обратила на себя вниманіе карета какого-то Павлова: голубая, съ позолоченными колесами и рессорами, соловыя лошади съ широкими проточинами и съ гривами по колѣна, въ бархатной пунцовой съ золотымъ наборомъ сбруѣ. Чрезвычайно нарядно. Коренныя, какъ львы, развязаны на позолоченныхъ цѣпяхъ, а подручная безпрестанно на курбетахъ. Изъ кавалькадъ лучшею показалась мнѣ та, въ которой видѣлъ я графа П. И. Салтыкова. Немногочисленна, но всѣ лошади прелесть! И. П. П. также отличался въ ней, и его старушка Бетси до сихъ поръ считается самою красивѣйшею лошадью въ Москвѣ.

2 мая, вторникъ.

Сколько народу, сколько беззаботной, разгульной веселости, шуму, гаму, музыки, пѣсенъ, плясокъ и

---

[1]) Гр. Ѳедоръ Вас. Растопчинъ жилъ съ 1801 до 1810 года въ Москвѣ въ отставкѣ. Въ 1810 году былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ. Извѣстенъ своими афишами къ народу въ 1812 году. Обрисованъ гр. Л. Толстымъ въ романѣ „Война и миръ“. А. А.

[2]) Это катанье теперь бываетъ на Красной площади во время вербнаго базара. Подъ Новинскимъ тогда не было бульвара; мѣстность называлась Новинскій валъ. А. А.

ЭР03010

проч.! Сколько богатыхъ турецкихъ и китайскихъ палатокъ съ накрытыми столами для роскошной трапезы и великолѣпными оркестрами, и простыхъ, хворостяныхъ, чуть прикрытыхъ сверху тряпками шалашей съ единственными украшеніями — дымящимся самоваромъ и простымъ пастушьимъ рожкомъ для аккомпанемента поющихъ и пляшущихъ поклонниковъ Вакха! Сколько щегольскихъ модныхъ каретъ и древнихъ прадѣдовскихъ колымагъ и рыдвановъ, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасныхъ лошадей и претощихъ клячъ, прелестнѣйшихъ кавалькадъ и прежалкихъ Донъ-Кишотовъ на прежальчайшихъ Россинантахъ! Нѣтъ, признаюсь, что я и не воображалъ видѣть такое многочисленное, разнообразное и живописное гулянье, на какое, наконецъ, попалъ я вчера въ Сокольники.

Погода стояла безподобная: теплая, тихая, свѣтлая,— настоящій день для праздничной встрѣчи весны. Утренній дождь сдѣлалъ его еще пріятнѣе, потому что освѣжилъ зелень и уложилъ пыль, столь обыкновенную на песчаной дорогѣ гулянья и столь несносную не только для самихъ гуляющихъ, но и для тѣхъ, которые, въ качествѣ зрителей, оградили себя болѣе или менѣе разными навѣсами и занавѣсами.

Насъ заманилъ къ себѣ въ палатку знакомецъ и сосѣдъ гостепріимный Ефимъ Ефимовичъ Ренкевичъ, у котораго нашли мы прекрасное общество и роскошное угощеніе. Палатка его поставлена была на самомъ бойкомъ мѣстѣ: нѣсколько наискось противу палатки главнокомандующаго и другихъ вельможъ; отсюда все гулянье, на всемъ его протяженіи въ обѣ стороны, было видно. Между тѣмъ народъ, наиболѣе тутъ толпившійся, нетерпѣливо посматривалъ къ сторонѣ заставы и, казалось, чего-то нетерпѣливо поджидалъ, какъ вдругъ толпа зашевелилась, и радостный крикъ: ѣдетъ! ѣдетъ!—пронесся по окрестности. И вотъ началось шествіе необыкновеннаго, торжественнаго поѣзда, безъ котораго, какъ говорили, гулянье 1 мая было бы не въ гулянье. Впереди, на статномъ фаворитномъ конѣ своемъ, «Свирѣпомъ», какъ его называли, ѣхалъ графъ Орловъ [1]), въ парадномъ мундирѣ и обвѣ-

[1] Гр. А. Г. Орловъ. Л. А.

ЭР03010

шанный орденами. Азіатская сбруя, сѣдло, мундштукъ и чепракъ были буквально залиты золотомъ и украшены драгоцѣнными камнями. Немного поодаль, на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ, ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали А. А. Чесменскій, А. В. Новосильцовъ, И. Ф. Новосильцовъ, князь Хилковъ, Д. М. Полторацкій и множество другихъ неизвѣстныхъ мнѣ особъ. За ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа, не менѣе 40 человѣкъ, изъ коихъ многіе имѣли въ поводу по заводной лошади въ нарядныхъ попонахъ и богатой сбруѣ. Наконецъ потянулись и графскіе экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженные цугами и четвернями одномастныхъ лошадей. Этотъ поѣздъ графа Орлова, богатаго, знатнаго, тучнаго и могучаго вельможи, съ такою блестящею свитою, съ такимъ количествомъ нарядныхъ служителей, съ такимъ множествомъ прекрасныхъ лошадей и разнородныхъ экипажей, представляетъ, точно, необыкновенно великолѣпное зрѣлище и не можетъ не дѣйствовать на толпу народную. Впрочемъ, сказываютъ, что графъ Орловъ и не однимъ своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ снискалъ любовь и уваженіе москвичей, что онъ доступенъ, радушенъ и, какъ настоящій русскій баринъ, пользуясь любимыми своими увеселеніями — скачками, бѣгами, цыганскими пѣснями и плясками и проч., обращаетъ ихъ также въ потѣху народа и какъ будто раздѣляетъ съ нимъ преимущества, судьбою ему предназначенныя.

4 мая, четвергъ.

Послѣ скачки предъ бесѣдкою гр. Орлова пѣли и плясали цыгане, изъ коихъ одинъ, немолодой, необычной толщины, плясалъ въ бѣломъ кафтанѣ съ золотыми позументами и замѣтно отличался отъ другихъ. Оттого ли, что онъ богатымъ костюмомъ своимъ обращалъ на себя болѣе вниманія, чѣмъ другіе, или точно былъ мастеръ своего дѣла, только этотъ толстякъ показался мнѣ чрезвычайно искуснымъ, даже краснорѣчивымъ въ своихъ тѣлодвиженіяхъ. Онъ какъ будто и не плясалъ, а такъ просто, стоя на мѣстѣ, пошевеливалъ плечами, повертывая въ рукахъ шляпу, изрѣдка пригикивая и притопывая по

ЭР03010

временамъ ногою, а между тѣмъ выходитъ прекрасно: ловко, живо и благородно. Послѣ цыганской пляски завязался кулачный бой, въ который вступая, соперники предварительно обнимались и троекратно цѣловались. Побѣдителемъ вышелъ трактирный служка изъ Пѣвческаго трактира, Герасимъ, ярославецъ, мужичокъ лѣтъ 50-ти, небольшой, но плечистый, съ длинными мускулистыми руками и огромными кулаками. Говорили, чтъ онъ нѣкогда былъ подносчикомъ въ кабакѣ и сотоварищемъ нынѣшнихъ знаменитыхъ откупщиковъ-богачей Р... и Ч..., которыхъ колачивалъ напропалую. Этого атлета, лѣтъ 8 тому назадъ, отыскала княгиня Е. Р. Дашкова и рекомендовала графу Орлову. По окончаніи всѣхъ этихъ продѣлокъ графъ сѣлъ съ дочерью въ подвезенную одноколку, запряженную четырьмя гнѣдыми скакунами въ рядъ, ловко подобралъ вожжи и, гикнувъ на лошадей, пустился во весь опоръ по скаковому кругу и, обскакавъ его два раза, круто повернулъ на дорогу къ дому и исчезъ, какъ ураганъ какой. Смотря на этого, до сихъ поръ еще могучаго витязя, я вспомнилъ стихи къ нему Державина:

Онъ въ колесницѣ съ горъ бедрой
Минервы удержалъ паденье!

Что ни говори, а графъ Орловъ — личность очень замѣчательная.

10 мая, среда.

Москва начинаетъ пустѣть; по улицѣ ежеминутно встрѣчаешь цѣпи дорожныхъ экипажей и обозовъ: одни вывозятъ своихъ владѣльцевъ, другіе пріѣзжаютъ за ними. Скоро останутся въ Москвѣ только коренные ея жители: лица, обязанныя службою, купцы, иностранцы и наша братья, принадлежащая къ учащемуся сословію. Дѣдушка говоритъ, что и еще одинъ классъ людей не выѣдетъ изъ Москвы, именно классъ должниковъ, которыхъ не выпустятъ кредиторы. Странно, что одна часть города въ Москвѣ не пустѣетъ лѣтомъ: это Нѣмецкая слобода. Она всегда въ нормальномъ своемъ состояніи.

Вчера ѣздилъ проститься съ Л., у которыхъ провелъ цѣлый день. Не повѣришь, какъ мнѣ сдѣлалось

ЭР03010

грустно: право, хоть плакать. А. П. сказала: «Не грустите, скоро пріѣдемъ назадъ».—А какъ скоро?—спросилъ я.—«Да вотъ папа говоритъ, что непремѣнно къ тому времени, какъ привозятъ невѣстъ: къ Рождеству, съ поросятами».—Я лопнулъ со смѣху.

18 іюля, вторникъ.

У источника я познакомился съ однимъ израненнымъ или, вѣрнѣе, изрубленнымъ въ котлету, майоромъ Ф. А. Евреиновымъ, страстнымъ охотникомъ до книгъ и литературы, но литературы отсталой, т.-е. семидесятыхъ годовъ. Онъ бредитъ Вольтеромъ, Дидротомъ, Гельвеціемъ и прочими энциклопедистами и внѣ ихъ сочиненій не находитъ ничего заслуживающаго вниманія и уваженія. Пресмѣшной! Я часто пробовалъ разувѣрять его насчетъ этихъ философовъ, которыхъ сочиненія никогда не наполняютъ такъ души и не утѣшаютъ сердца, какъ задушевныя стихотворенія Шиллера и многихъ другихъ авторовъ. Куда тебѣ! Глаза нальются кровью, пѣна у рта, не даетъ слова выговорить.—Да читали вы что-нибудь, кромѣ вашихъ фаворитныхъ писателей?—Не читалъ, и читать не хочу и не буду!—Изволь съ нимъ спорить [1]).

24 августа, четвергъ.

Съ нами по пути ѣдетъ до Лебедяни отставной мичманъ Андреевъ, довольно добрый старикъ и чудакъ преуморительный. По мнѣнію его, вся природа измѣнилась теперь къ худшему, а люди стали обезьянами. «Господи, воля Твоя! Что это за господа бывали въ старину, — говоритъ онъ. — Вотъ, напримѣръ, хоть бы взять покойника дѣда твоего, князя Г. Ѳ. [2]), царство ему небесное! Ужъ подлинно былъ настоящій баринъ, человѣкъ серьезный, тучный, грузный, бригадиръ, ходилъ всегда съ натуральною тростью, съ золотымъ набалдачникомъ; сюртукъ свѣтло-зеленый, съ красными лацканами и обшлагами, нынѣш-

[1]) Жихаревъ записалъ здѣсь впечатлѣніе, которое испытывало его поколѣніе при встрѣчѣ со старыми вольтеріанцами XVIII вѣка: этотъ типъ, когда-то модный, теперь уже не вызывалъ сочувствія. А. А.

[2]) Князя Гавріила Ѳедоровича Барятинскаго. П. Б.

ЭР03010

нихъ три выкроить можно. Бывало, кто хочетъ ему кланяйся, а онъ только что кивнетъ головою; а какъ задумаетъ въ гости, къ воеводѣ, либо къ какому сосѣду на храмовой праздникъ, такъ сборы-то и пойдутъ еще съ вечера: призоветъ дворецкаго, да при немъ и учнетъ приказывать кучерамъ: подъ такой-то лакипажъ такую-то шестерню, а подъ такой-то—такую-то; самъ, бывало, сядетъ съ княгинею въ линею на шестеркѣ пѣгихъ. А теперь что? Ничего, такъ, стрень-брень. Вотъ я тебѣ разскажу, какъ онъ встрѣчалъ изъ похода сына своего, князя Михайла, что́ опосля съ ума сошелъ»...

2 ноября, четвергъ.

Всѣ наши столбовые москвичи находятся въ ожиданіи чего-то чрезвычайнаго. У главнокомандующаго ежедневно большой пріѣздъ, и онъ принимаетъ во всякое время. Всюду какая-то ажитація, а объ англійскомъ клубѣ и толковать нечего: говорятъ, что это настоящій воскресный базаръ. Всѣ хотятъ непремѣнно что-нибудь узнать, а за недостаткомъ вѣрныхъ извѣстій вѣрятъ всякимъ небылицамъ. Съ одной стороны смѣшно, а съ другой—извинительно. Графъ Иванъ Андреевичъ [1]) говоритъ, что это любопытство, въ какомъ бы видѣ оно ни представлялось, доказываетъ искреннее участіе въ судьбахъ отечества и его славѣ и преслѣдуемо быть не должно.

5 декабря, вторникъ.

— О чемъ вы задумались?—шутя спросилъ я сегодня Петра Ивановича [2]).—Кажется, съ «Геніемъ» уладили, дѣвицамъ Скульскимъ стихотворенія ихъ исправили, графинямъ Гудовичъ просодію объяснили и съ барышней Баташевой склоненія и спряженія кончили; день вашъ наполненъ,—о чемъ же думать?»—«А вотъ, любезный, о чемъ я думаю, — пресерьезно отвѣчалъ мнѣ Петръ Ивановичъ:—у какого Николы завтра слушать обѣдню: у Николы Явленнаго, у Николы Дербенскаго, у Николы Большой Крестъ, у Николы Красный

---

[1]) Остерманъ. А. А.
[2]) Магистръ Богдановъ, наставникъ Жихарева.

ЭР03010

Звонъ, у Николы на Щепахъ, у Николы въ Столпахъ, у Николы въ Кошеляхъ, у Николы въ Драчахъ, у Николы въ Воробинѣ, у Николы на Болвановкѣ, у Николы въ Котелкахъ, или у Николы въ Хамовникахъ? Ко всѣмъ не поспѣешь, а поѣхать къ одному, такъ чтобы другіе причты не обидѣлись! Всѣ приглашали на храмовой праздникъ и угощеніе».

Вотъ подлинно душа-то ангельская!

10 декабря, воскресенье.

Всѣ наши власти и знать въ великой ажитаціи по случаю послѣзавтрашняго дня. У главнокомандующаго огромный обѣдъ, а вечеромъ нарядный балъ въ Дворянскомъ Собраніи. На Кузнецкомъ Мосту точно гулянье, въ магазинахъ толпа, а у мадамъ Оберъ-Шалме такой пріѣздъ, что весь переулокъ заставленъ каретами. Записнымъ танцовщикамъ нашимъ: Валуеву, Козлову [1]), Демидову съ товарищи, много предстоитъ работы; сколько имъ будетъ упрашиваній отъ маменекъ, тетушекъ и бабушекъ, чтобы не обошли ихъ дочекъ, племянницъ и внучекъ! Этимъ господамъ теперь лафа: въ городѣ нѣтъ ни гвардейцевъ, ни армейцевъ; есть нѣсколько гарнизонныхъ, отжившихъ свое время офицеровъ, но кто же изъ нашихъ барышень рѣшится танцовать съ такими кавалерами?

Ф. И. Евреиновъ сказывалъ, что нѣсколько московскихъ хватовъ, и въ томъ числѣ Черемисиновъ, Зотовъ и Крюковъ, вытребованы были къ главнокомандующему на головомытье за какую-то болтовню. Александръ Андреевичъ [2]) приказалъ представить ихъ къ себѣ въ пріемный день, когда соберется больше публики, да при всѣхъ отщелкалъ ихъ по-свойски такъ, что сгорѣли отъ стыда и не знали, куда дѣваться. «Ахъ вы, негодные мальчишки, служили безъ году недѣлю, да туда же суетесь судить и рядить о политикѣ и критиковать поступки такихъ особъ! Знаете ли, что васъ, какъ школьниковъ, слѣдовало бы выпороть хорошенько розгами? И вы еще называетесь дворянами и благо-

[1]) Ивану Ивановичу, впослѣдствіи поэту-слѣпцу. П. Б.
[2]) Беклешовъ.

ЭР03010

родными людьми, безпутные! Какіе вы, къ чорту, благородные люди! Такъ, шавель, сущая дрянь!» Евреиновъ говоритъ, что начальникъ разсердился больше на то, что эта непростительная болтовня происходила въ Пѣвческомъ трактирѣ, при большомъ стеченіи купцовъ и простого народа, который съ неудовольствіемъ слушалъ ее, и что изъ этого легко могъ бы произойти какой-нибудь гвалтъ, неравно гибельный для самихъ болтуновъ, иначе онъ бы пренебрегъ этимъ, зная, что самъ государь пренебрегаетъ подобными розсказнями и не желаетъ, чтобы ихъ преслѣдовали.

23 декабря, суббота.

Экзамены кончились благополучно, и актъ прошелъ какъ слѣдуетъ, т.-е. какъ проходилъ онъ двадцать лѣтъ тому назадъ и проходить будетъ опять черезъ двадцать лѣтъ. Спрашивали извѣстное, отвѣчали заученное. Представляли судебное дѣйствіе Горюшкина, въ которомъ нѣтъ никакого дѣйствія; любовались рисунками, рисованными учителемъ Синявскимъ подъ видомъ поправокъ; играли на клавикордахъ тѣ же піесы, которыя играли прошлаго года и будутъ играть въ будущемъ году все тѣ же братья Лизогубы; танцовали тотъ же балетъ съ гирляндами, которымъ старикъ Морелли угощаетъ посѣтителей ежегодно въ продолженіе почти четверти вѣка; читали «Благость» Мерзлякова, «Генія» Петра Ивановича, «Гимнъ Истинѣ» Граматина съ поправками Жуковскаго, очень несчастное «Счастіе» Соковнина, «Французскій діалогъ» въ родѣ разговора: «Comment vous portez-vous?— Très bien, monsieur». Провозгласилъ и я нѣмецкую рѣчь Hochzuverehrende Versammlung, которую подсказывалъ мнѣ пріѣхавшій въ отпускъ Александръ Тургеневъ [1]) и которой никто не слушалъ. Словомъ, все прошло какъ нельзя лучше. Столичное начальство дѣлало комплименты Антонскому [2]), а онъ передавалъ ихъ учителямъ и нѣкоторымъ воспитанникамъ: всѣ довольны, но болѣе всѣхъ доволенъ я, потому что все это кончилось.

---

[1]) Алекс. Иван. Тургеневъ—другъ Жуковскаго.

[2]) Антонъ Антон. Прокоповичъ-Антонскій—директоръ Благороднаго пансіона. А.

ЭР03010

28 декабря, четвергъ [1]).

Весь рескриптъ градоначальнику состоитъ изъ необыкновенно сильныхъ и милостивыхъ выраженій. Вотъ что, между прочимъ, изволитъ писать государь:

«Любовь народа составляетъ для меня единственный предметъ, начало и конецъ моихъ дѣйствій и желаній. Я поручаю вамъ снова удостовѣрить обывателей московской столицы въ совершенной признательности моей къ столь пріятному для меня ихъ расположенію. Удостовѣрьте ихъ, что покой и счастіе народа мнѣ любезнаго считаю я драгоцѣннѣйшимъ залогомъ, отъ Провидѣнія мнѣ врученнымъ, и важнѣйшею обязанностію моей жизни».

Я думаю, что едва ли когда-нибудь Москва осчастливлена была подобнымъ изъявленіемъ монаршаго къ ней благоволенія. Вотъ бы ей случай поусердствовать и ознаменовать радость свою чѣмъ-нибудь непреходящимъ. Что бы стоило воздвигнуть монументъ или какое-нибудь другое красивое зданіе, на которомъ бы и начертать въ память родамъ грядущимъ незабенныя слова: любовь народа составляетъ для меня единственный предметъ, начало и конецъ всѣхъ моихъ дѣйствій и желаній. Въ этихъ словахъ весь Александръ I. Не повѣришь, какъ хочется въ Петербургъ; ну такъ и тянетъ поскорѣе взглянуть на государя, душу матушки святой Руси.

По случаю этого рескрипта всѣ наши записные стихотворцы пріударили въ перья: и графъ Хвостовъ, и Кутузовъ, и прочіе чиновные и нечиновные корпятъ надъ виршами, и говорятъ, что не далѣе, какъ завтра, постигнетъ насъ настоящее стихотворное наводненіе. Но я думаю, что никто ничего путнаго не напишетъ, потому что Державина здѣсь нѣтъ, Дмитріевъ одъ не пишетъ, Херасковъ дряхлъ, возлюбленный Мерзляковъ безъ заказа начальства на торжественный случай писать не рѣшится, а для другихъ предметъ слишкомъ недоступенъ, и всѣ ихъ вирши могутъ состоять изъ одного набора громкихъ словъ и казенныхъ риѳмъ.

---

[1]) Замѣтка освѣщаетъ и отношеніе общества къ Александру I, и положеніе оды въ это время. А. А.

ЭР03010

1806 годъ.

5 февраля, понедѣльникъ [1]).

Балъ огромный, но совсѣмъ не такой великолѣпный, какъ того ожидали. Все запросто: точно большой семейный вечеръ. Домъ старинный: пропасть картинъ, статуй, японскихъ вазъ и, Богъ знаетъ, чего-чего нѣтъ, но все какъ-то не на виду. Могучій хозяинъ сидѣлъ въ углу передней гостиной съ нѣкоторыми почетными гостями и распивалъ съ ними чай и еще какіе-то напитки. Всѣ они были очень веселы, громко хохотали и, кажется, что-то другъ другу разсказывали. Возлѣ хозяина сидѣли Сергѣй Алексѣевичъ Всеволожскій и Мятлевъ, женатый на графинѣ Салтыковой.

Ужинъ кувертовъ на 200, изобильный, но не пышный; на одномъ столѣ сервизъ серебряный, на другомъ и третьемъ, за которымъ мы сидѣли,— фарфоровый. Услуга проворная; за большимъ столомъ служили все почти старики, а около насъ суетились офиціанты второго разряда. Молодая хозяйка почти не садилась и заботилась о дамахъ. О нашей братьѣ, слава Богу, никто не заботился; зато мы сами о себѣ заботились вдвое. Послѣ ужина, который кончился въ 11 часовъ, графъ приказалъ музыкантамъ играть русскую пѣсню: «Я по цвѣтикамъ ходила» и заставилъ графиню плясать по-русски. Танцмейстеръ Балашовъ, учившій ее русскимъ плескамъ, находился тутъ же на балѣ для всякаго случая: иногда графъ заставляетъ и его плясать вмѣстѣ съ дочерью; для этого у нихъ есть пребогатѣйшіе русскіе костюмы, но на сей разъ они вмѣстѣ не плясали. Въ другихъ же танцахъ почти постоянными кавалерами графини были губернскій предводитель Дашковъ, очень тучный, но чрезвычайно легкій на ногу, и молодой человѣкъ Козловъ [2]), танцующіе точно, мастерски. Въ половинѣ второго часа графъ остановилъ танцы, закричалъ: пора по домамъ! Музыка замолкла,

---

[1]) Замѣтка сообщаетъ любопытныя подробности о патріархальныхъ нравахъ на пирахъ нашихъ старинныхъ вельможъ. Описываемый балъ давалъ графъ А. Г. Орловъ, „могучій хозяинъ", какъ его называетъ авторъ. А. А.

[2]) Впослѣдствіи авторъ „Чернеца", слѣпецъ и разслабленный.

ЭР03010

и всѣ стали подходить прощаться съ нимъ. Коротко знакомыхъ дамъ онъ иныхъ обнималъ, у другихъ цѣловалъ руки, третьихъ дружески трепалъ по плечу и говорилъ не иначе, какъ ты.

Очень удивлялись, отчего градоначальникъ не былъ на балѣ, и выводили изъ того разныя заключенія; но говорятъ, что матушка-Москва выводитъ заключенія изъ всего. Такъ что же! Въ томъ худого нѣтъ: всякій будетъ жить осторожнѣе.

11 февраля, воскресенье.

...А вотъ и Измайловъ [1]): напоитъ пьяными человѣкъ пятнадцать небогатыхъ дворянъ-сосѣдей, посадитъ ихъ еле живыхъ въ большую лодку на колесахъ, привязавъ къ обоимъ концамъ лодки по живому медвѣдю, и въ такомъ видѣ спуститъ лодку съ горы въ рѣку; или проиграть тысячу рублей приверженцу своему Шиловскому, вспылить на него за какое-то безъ умысла сказанное слово, бросить проигранную сумму мелкими деньгами на полъ и заставить подбирать его эти деньги, подъ опасеніемъ быть выброшеннымъ за окошко! Капризъ, одинъ только безотчетный капризъ—стихія этого человѣка. Къ сожалѣнію, находятся еще люди, которые ищутъ въ немъ, и, невзирая на все униженіе, которому онъ ихъ подвергаетъ, они смотрятъ ему въ глаза, какъ жрецы Далай-ламы своему идолу. Сосѣди проспались и также продолжали безвыѣздно пользоваться его гостепріимствомъ, а депутатъ Шиловскій разбросанныя по полу денежки всѣ подобралъ и опять по временамъ мечетъ ему банкъ, какъ будто между ними ничего и не происходило. O, tempora!

13 февраля, вторникъ.

Бывшій нашъ учитель французскаго языка въ пансіонѣ Ронка́, Лаво, съ такимъ же учителемъ Алларомъ намѣрены основать обширную торговлю французскими книжками и завести въ центрѣ города, на Лубянкѣ, книжную лавку. Библіографическихъ

---

[1]) Авторъ сообщаетъ здѣсь разсказъ о рязанскомъ помѣщикѣ Измайловѣ, слышанный имъ отъ свидѣтеля образа жизни этого человѣка. А. А.

ЭР03010

знаній у нихъ достанетъ; но достанетъ ли капитала, это вопросъ. Утверждаютъ, что они могутъ поддержать себя, подобно другимъ, оборотами кредита; но это все не надолго: á la longue этотъ кредитъ и задушитъ ихъ.

А, право, желательно, чтобы въ Москвѣ хотя французская книжная торговля развилась и процвѣла, если уже русская не развивается и не процвѣтаетъ. Всѣ вообще жалуются на недостатокъ учебныхъ пособій и средствъ къ высшему образованію. Спеціальныхъ и техническихъ книгъ вовсе здѣсь не сыщешь: надобно выписывать изъ Петербурга. Русскіе книгопродавцы не могутъ понять, что для книжной торговли необходимы свѣдѣнія библіографическія; зато и въ какомъ закоснѣломъ невѣжествѣ они находятся! Ни одинъ изъ нихъ не рѣшится предпринять изданіе новой книги на свой счетъ, потому что не сумѣетъ оцѣнить ея достоинства. Увѣряютъ, что извѣстнѣйшіе московскіе книгопродавцы всѣ очень хорошіе люди, но какая въ томъ прибыль литературѣ и литераторамъ? Ни въ Меѣ и Грачевѣ, ни въ Акоховѣ, Нѣмовѣ и Козыревѣ нѣтъ даже Глазуновской смѣтливости, чтобы кормить типографіи изданіемъ хотя оракуловъ и сонниковъ, а Клаудій сдѣлался типографщикомъ. О прочихъ не сто́итъ и упоминать: просто, мелкіе букинисты. Впрочемъ, немного добраго сказать можно и объ иностранныхъ книгопродавцахъ: ни одного въ Москвѣ изъ нихъ нѣтъ, котораго можно было бы сравнить съ какимъ-нибудь Гарткнохомъ, Рейхомъ или Николаи, а цѣны за книги назначаютъ баснословныя: опытные люди утверждаютъ, что втрое дороже, нежели онѣ сто́ятъ за границею, да и то промышляютъ большею частью всякимъ хламомъ текущей литературы.

18 мая, пятница.

Былъ въ Ислявскомъ у И. П. Архарова [1]): веселый пріютъ! Что за добрѣйшее семейство! Радушно, привѣтливо, ласково, а о гостепріимствѣ нечего и толковать. Кокошкинъ снаряжаетъ у нихъ домашній спектакль — драму «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», и самъ играть будетъ Мейнау. Предлагали

[1]) См. выше, стр. 174.

ЭР03010

мнѣ роль простяка Петруши, да мнѣ не до того: рѣчь идетъ о подмосткахъ другого рода. Славное село подмосковное Ислявское! Во-первыхъ, на рѣкѣ, садъ боярскій, аллеи съ трехъ концовъ, оранжереи и пропасть разныхъ затѣй. Иванъ Петровичъ обѣщалъ мнѣ дать нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ нѣкоторымъ петербургскимъ своимъ знакомымъ: надѣюсь, что они не будутъ заключать въ себѣ такой же рекомендаціи, какою снабдилъ онъ одного своего сосѣда. Вотъ она:

«Любезный другъ Петръ Степановичъ! Добраго сосѣда моего И. А. А. сынъ Николай отправляется для опредѣленія въ статскую службу. Онъ большой простофиля и худо учился, а потому и нужно ему покровительство. Удиви милость свою, любезный другъ, на моемъ дуракѣ: запиши его въ свою канцелярію и при случаѣ не оставь наградить чинкомъ или двумя, если захочешь—мы за это не разсердимся. Жалованья ему полагать не должно, потому что онъ его не стóитъ, да и отецъ его богатъ, а будетъ и еще богаче, потому что живетъ свиньей».

Вслѣдствіе этой рекомендаціи юноша былъ опредѣленъ и въ теченіе трехъ лѣтъ получилъ три чина.

Дневникъ чиновника.

1807 годъ.

15 января, вторникъ [1]).

Вчера, по возвращеніи изъ спектакля, я такъ былъ взволнованъ, что не въ силахъ былъ приняться за перо, да признаться, и теперь еще опомниться не могу отъ тѣхъ ощущеній, которыя вынесъ съ собою изъ театра. Боже мой, Боже мой! Что это за трагедія «Димитрій Донской» и что за Димитрій Яковлевъ! Какое дѣйствіе производилъ этотъ человѣкъ на публику—это непостижимо и невѣроятно! Я сидѣлъ въ креслахъ и не могу отдать отчета въ томъ, что со мною происходило. Я чувствовалъ стѣсненіе въ груди; меня душили

---

[1]) Замѣтка знакомитъ съ патріотическимъ воодушевленіемъ общества въ то время. А. А.

ЭР03010

спазмы, била лихорадка, бросало то въ ознобъ, то въ жаръ; то я плакалъ навзрыдъ, то аплодировалъ изъ всей мочи, то барабанилъ ногами по полу,—словомъ, безумствовалъ, какъ безумствовала, впрочемъ, и вся публика, до такой степени многочисленная, что буквально некуда было уронить яблока. Въ ложахъ сидѣло человѣкъ по десяти, а партеръ былъ набитъ биткомъ съ трехъ часовъ пополудни; были любопытные, которые, не успѣвъ добыть билетовъ, платили по 10 р. и болѣе за мѣсто въ оркестрѣ между музыкантами. Всѣ особы высшаго общества, разубранныя и разукрашенныя какъ будто на какое-нибудь торжество, помѣщались въ ложахъ бельэтажа и въ первыхъ рядахъ креселъ и, несмотря на обычное свое равнодушіе, увлекались общимъ восторгомъ и также аплодировали и кричали браво наравнѣ съ нами.

Въ половинѣ шестого часа я пришелъ въ театръ и занялъ свое мѣсто въ пятомъ ряду креселъ. Только нѣкоторые нумера въ первыхъ рядахъ и нѣсколько ложъ въ бельэтажѣ не были еще заняты, а впрочемъ всѣ мѣста были уже наполнены. Нетерпѣніе партера ознаменовывалось аплодисментами и стучаніемъ палками; оно возрастало съ минуты на минуту—и не мудрено: три часа стоять на одномъ мѣстѣ не бездѣлка; я испыталъ это истязаніе,—всякое терпѣніе лопнетъ. Однакожъ мало-по-малу наполнились и всѣ мѣста, оркестръ настроилъ инструменты, дирижеръ подошелъ къ своему пюпитру, но шести часовъ еще не било, и главный директоръ не показывался еще въ своей ложѣ. Но вотъ прибылъ и онъ, нетерпѣливо ожидаемый Александръ Львовичъ, въ голубой лентѣ по камзолу, окинулъ взглядомъ театръ, кивнулъ головой дирижеру, оркестръ заигралъ симфонію, и всѣ пріутихли, какъ бы въ ожиданіи какого-нибудь необыкновеннаго, таинственнаго происшествія. Наконецъ, съ послѣднимъ аккордомъ музыки занавѣсъ взвился, и представленіе началось.

Яковлевъ открылъ сцену. Съ перваго произнесеннаго имъ стиха: «Россійскіе князья, бояре» и проч. мы всѣ обратились въ слухъ, и общее вниманіе напряглось до такой степени, что никто не смѣлъ пошевелиться, чтобъ не пропустить слова; но при стихѣ:

„Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время!“—

ЭР03010

вдругъ раздались такія рукоплесканія, топотъ, крики «браво» и проч., что Яковлевъ принужденъ былъ остановиться. Этотъ шумъ продолжался минутъ пять и утихъ не надолго. Едва Димитрій, въ отвѣтъ князю Бѣлозерскому, склонявшему его на миръ съ Мамаемъ, произнесъ:

„Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!“—

шумъ возобновился съ большею силою. Но надобно было слышать, какъ Яковлевъ произнесъ этотъ стихъ! Этимъ однимъ стихомъ онъ умѣлъ выразить весь характеръ представляемаго имъ героя, всю его душу и, можетъ быть, свою собственную. А какая мимика! Сознаніе собственнаго достоинства, благородное негодованіе, рѣшимость — всѣ эти чувства, какъ въ зеркалѣ, отразились на прекрасномъ лицѣ его. Словомъ, если бы Яковлевъ не имѣлъ и никакой репутаціи, то, прослушавъ, какъ произнесъ онъ одинъ этотъ стихъ, нельзя было бы не признать въ немъ великаго мастера своего дѣла. Я не могу запомнить всѣхъ прекрасныхъ стиховъ въ сценѣ Димитрія съ посломъ Мамаевымъ, однакожъ, благодаря таланту Яковлева, нѣкоторые какъ бы насильно врѣзались въ память, какъ, напр.:

„Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу русскій князь покоренъ одному“;

или:

„Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ, конечно, мой!“

Всѣ эти стихи, равно какъ и множество другихъ въ продолженіе всей трагедіи, выражаемы были превосходно и производили въ публикѣ восторгъ неописанный; но въ послѣдней сценѣ трагедіи, когда, послѣ побѣды надъ татарами, Димитрій, израненный и поддерживаемый собравшимися вокругъ него князьями, становится на колѣни и произноситъ молитву:

„Но первый сердца долгъ Тебѣ, Царю царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей.
Прославь, и утверди, и возвеличь Россію,
Какъ прахъ земной сотри враговъ кичливыхъ выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки, вѣдайте—великъ Россійскій Богъ!“—

ЭР03010

Яковлевъ превзошелъ самъ себя. Какое чувство и какая истина въ выраженіи! Конечно, ситуація персонажа сама по себѣ возбуждаетъ интересъ, стихи безподобные; но играй роль Димитрія не Яковлевъ, а другой актеръ, я увѣренъ, эти стихи не могли бы никогда такъ сильно подѣйствовать на публику. За то и она сочувствовала великому актеру и поняла его: я думалъ, что театръ обрушится отъ ужасной суматохи, произведенной этими послѣдними стихами. Тотчасъ начались вызовы автора, котораго представилъ публикѣ Александръ Львовичъ изъ своей ложи; потомъ вызванъ былъ и Яковлевъ — неоспоримо главный виновникъ успѣха трагедіи.

10 февраля, воскресенье.

Крыловъ не читалъ ничего [1]), сколько его о томъ ни просили: извинялся, что новаго не написалъ, а стараго читать не стоитъ, да и не помнитъ. Ѳ. П. Львовъ прочиталъ стишки свои къ «Пѣночкѣ», написанные хореемъ довольно легко и съ чувствомъ:

Пѣночка моя драгая,
Что сюда тебя влекло?
Легкое твое крыло,
Чистый воздухъ разсѣкая и проч.

Но эти стихи возбудили споръ. П. А. Кикинъ ни за что не хотѣлъ допустить, чтобъ въ легкомъ стихотвореніи къ птичкѣ можно было употребить выраженіе «драгая» вмѣсто «дорогая» и сказать «крыло», когда надобно было сказать «крылья». За Львова вступились Карабановъ и другіе; но Захаровъ порѣшилъ дѣло тѣмъ, что слово «драгая» вмѣсто «дорогая» и въ легкомъ слогѣ можетъ быть допущено такъ же, какъ и слова «возлюбленный» и «драгоцѣнный» вмѣсто «любезный» или «любезнѣйшій», какъ, напримѣръ:

Ты зачѣмъ меня оставилъ,
Мой возлюбленный супругъ,
И въ чужбину путь направилъ и пр.

---

[1]) Дѣло происходитъ на литературномъ вечерѣ у Г. Р. Державина (въ Петербургѣ): представляетъ интересъ оцѣнка литературныхъ произведеній въ этомъ кружкѣ съ старинной точки зрѣнія стиля. А. А.

ЭР03010

Но что касается до выраженія «крыло» вмѣсто «крылья», то, по совѣсти, надлежало бы измѣнить его, потому что птица можетъ разсѣкать воздухъ только двумя крыльями, а на одномъ въ воздухѣ даже держаться не можетъ. Этотъ споръ, видимо, непріятенъ былъ Ѳедору Петрови у, и онъ часто посматривалъ на Крылова, который к -то насмѣшливо улыбался.

17 февраля, воскресенье.

Конечно, мнѣ удалось и поужинать, и прочитать стихи свои «Къ деревнѣ» [1]):

Деревня милая, отчизна дорогая,
Когда я возвращусь подъ кровъ счастливый твой?—

но зато и выслушать получасовое замѣчаніе нѣкоторыхъ, повидимому, записныхъ аристарховъ, о томъ, что эпитетъ «милая» не у мѣста и можетъ прилагаться только къ одушевленнымъ предметамъ, какъ, напримѣръ, къ другу, къ женщинѣ, къ ребенку и проч.; что нельзя также сказать, обращаясь къ деревнѣ: «когда я возвращусь подъ кровъ твой», потому что деревня слово собирательное и хотя состоитъ изъ многихъ крововъ, но, собственно, сама по себѣ кровомъ назваться не можетъ, но, что, впрочемъ, очень легко исправить эти стихи слѣдующимъ образомъ:

Деревня тихая и хижина драгая и проч.

Всѣ замѣчанія были въ томъ же родѣ; но никто не замѣтилъ мнѣ того, что я замѣтилъ самъ себѣ, т.-е. что стихи мои не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ одного набора словъ, и что въ нихъ нѣтъ ни одной мысли, на которой бы остановиться можно было; они похожи на какую-то жижу, смѣсь воды съ каплею меда: пить не противно, но и вкуса никакого нѣтъ.

Въ заключеніе добродушный хозяинъ сказалъ мнѣ съ видомъ прозорливца, что онъ тотчасъ же угадалъ,

---

[1]) На литературномъ вечерѣ у И. С. Захарова, гдѣ собиралось то же общество, что и у Державина. Изъ замѣтки видно, какъ въ этомъ петербургскомъ литературномъ кругу держались старины и косились на *ново-московскую* школу, къ которой принадлежалъ Жуковская, которой сочувствуетъ Жихаревъ. А. А.

ЭР03010

что я принадлежу къ новой московской школѣ. «У васъ есть способности,—промолвилъ онъ, — но вамъ надобно еще поучиться. Поживите съ нами, мы васъ выполируемъ»...

Покорнѣйше благодарю!

24 марта, воскресенье.

Рѣшительно не понимаю [1]), отчего во всѣхъ здѣшнихъ литераторахъ замѣтно какое-то обидное равнодушіе къ московскимъ поэтамъ, хотя бы, напримѣръ, къ Мерзлякову, Жуковскому, Пушкину [2]) и другимъ. И. С. Захаровъ, толкующій безпрестанно о грамматикѣ, говоритъ о нихъ, какъ объ ученикахъ, и никакъ не хочетъ согласиться, чтобъ они имѣли дарованіе, а между тѣмъ покровительствуетъ такимъ писателямъ, которыхъ Мерзляковъ не допустилъ бы даже на свои лекціи, а отправилъ бы ихъ къ Аѳанасію Михайловичу Смирнову. Какое же можетъ быть сравненіе не только между Мерзляковымъ или Пушкинымъ, но даже между Измайловымъ, Колычевымъ, княземъ Шаликовымъ и прочими второклассными московскими писателями и какимъ-нибудь сочинителемъ стишковъ «Къ трубочкѣ» и ему подобными риѳмоплетами, которыхъ встрѣчаю я на литературныхъ вечерахъ? Изъ москвичей одинъ И. И. Дмитріевъ здѣсь въ почетѣ, да и то развѣ потому, что онъ сенаторъ и кавалеръ; а Карамзинымъ восхищается одинъ только Гаврила Романовичъ и стоитъ за него горою; прочіе же про него или молчатъ, или говорятъ, что пишетъ изряднехонько прозою, между тѣмъ какъ нашъ Карамзинъ заслуживаетъ уваженія и за свои стихотворенія, въ которыхъ языкъ превосходный и много чувства. Но что больше удивляетъ меня, что почти всѣ эти господа, здѣшніе литераторы, ничего не читали изъ сочиненій Мерзлякова и Жуковскаго, и вотъ тому доказательства: за ужиномъ А. С. Шишковъ сказывалъ, что Логгинъ Ивановичъ Кутузовъ читалъ ему Грееву элегію «Сельское клад-

---

[1]) Замѣтка даетъ яркій примѣръ отношенія писателей старой школы, петербуржцевъ, къ новому литературному направленію, возникавшему въ Москвѣ. А. А.

[2]) Василій Львовичъ Пушкинъ, дядя извѣстнаго поэта; Александру Сергѣевичу Пушкину было въ это время 8 лѣтъ. А. А.

ЭР03010

бище», переведенную братомъ его Павломъ Ивановичемъ, и Шишковъ находитъ переводъ очень хорошимъ и близкимъ къ подлиннику. Я замѣтилъ, что Павелъ Ивановичъ перевелъ эту элегію послѣ Жуковскаго, котораго переводъ несравнительно превосходнѣе. «Не можетъ быть!» возразилъ Александръ Семеновичъ. «Говорю сущую правду,—отвѣчалъ я, — и если угодно, прочитаю ее вамъ когда-нибудь, чтобъ вы могли посудить сами: я знаю ее наизусть».—«Такъ, пожалуйста, нельзя ли теперь?» подхватилъ нетерпѣливый Гаврила Романовичъ. И вотъ я прочиталъ во всеуслышаніе всю элегію отъ перваго до послѣдняго стиха, стараясь, сколько возможно, сохранить всю прелесть мелодическихъ стиховъ нашего московскаго поэта. Когда я кончилъ, всѣ смотрѣли на меня, какъ на человѣка, отыскавшаго какую-нибудь рѣдкую вещь или нашедшаго кладъ; элегію хвалили, но вмѣстѣ удивлялись и моей памяти. Я сказалъ, что стихи Жуковскаго сами невольно врѣзываются въ память, между тѣмъ какъ стихи Л. И. Кутузова запомнить очень трудно.

Эта выходка стоила мнѣ, однакожъ, дорого: меня обнесли винегретомъ, любимымъ моимъ кушаньемъ.

8 апрѣля, понедѣльникъ [1]).

Похвальное слово государю, которымъ такъ мы восхищаемся, и которое полагали «сочиненіемъ» пастора Альбануса, оказывается просто извлеченіемъ изъ похвальнаго слова Траяну Плинія Младшаго; но пусть и такъ: все же нельзя не поблагодарить Альбануса за то, что онъ такъ удачно и мастерски умѣлъ примѣнить Плиніево изображеніе Траяна къ особѣ и качествамъ государя.

Нельзя безъ сердечнаго удовольствія читать этого «слова», которое все состоитъ изъ отрывковъ Плиніева панегирика, почти буквально переведеннаго; и, читая его, невольно удивляешься, какъ могъ римскій писа-

---

[1]) Замѣтка, съ одной стороны, раскрываетъ, какъ беззастѣнчиво въ то время „заимствовали“ иногда матеріалъ для хвалебныхъ словъ, а съ другой—свидѣтельствуетъ объ обожаніи русскимъ обществомъ того времени государя Александра I. Это общее довѣріе и уваженіе къ государю отразилось и въ рѣчахъ Чацкаго:

„Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи“... А. А.

ЭР03010

тель, за семнадцать столѣтій предъ симъ, такъ вѣрно изобразить обожаемаго нашего государя безъ особаго дара предвидѣнія и вдохновенія свыше, потому что не только наружность, не только плѣнительныя свойства, не только возвышенный образъ мыслей, но и смыслъ самыхъ указовъ и постановленій императора Александра изображаются съ изумительною подробностью. Жаль одного, что это прекрасное «слово» не есть произведеніе писателя русскаго.

9 мая, четвергъ [1]).

Вечеромъ я былъ у князя Шаховского. Онъ живетъ у Синяго моста, въ домѣ Гуноропуло, на углу Большой Морской. Меня встрѣтилъ высокій лакей, довольно засаленный, котораго, какъ я послѣ узналъ, зовутъ Макаромъ. «Дома ли князь?» — «Никакъ нѣтъ-съ, онъ во Французскомъ театрѣ, но сейчасъ пріѣдетъ; пожалуйте: Катерина Ивановна у себя» [2]). Я вошелъ. Женщина небольшого роста, худощавая, лѣтъ 24, сидѣвшая на диванѣ за какимъ-то шитьемъ, встрѣтила меня очень привѣтливо, спросивъ: «Что вамъ угодно?» Я сказалъ ей свое имя, прибавилъ, что князь приглашалъ меня къ себѣ на репетиціи «Пожарскаго», назначивъ время по вечерамъ, въ которые, по словамъ его, обыкновенно бываетъ дома. «Ахъ, батюшки, да онъ васъ дожидался еще на другой день репетиціи!—заговорила вдругъ Катерина Ивановна (это была она) такъ громко и нецеремонно, какъ будто мы съ нею цѣлый вѣкъ были знакомы.—Вѣдь вы пишете стихи и сочинили трагедію, которую Петръ Николаевичъ очень хвалитъ».—«Правда, что я пишу стихи и сочинилъ трагедію,—отвѣчалъ я,—но такую, которая, по мнѣнію знающихъ людей и по собственному моему убѣжденію, не можетъ быть представлена на театрѣ, и Кобяковъ въ этомъ случаѣ сказалъ наобумъ, потому что онъ даже и не читалъ ея».—«О! да, да! Онъ ничего не смыслитъ и только побирается стишками. Вотъ намедни присталъ къ князю: сочини ему стихи въ его оперку, которую онъ перевелъ съ французскаго, «Les

---

[1]) Замѣтка даетъ живую картинку литературнаго вечера у кн. Шаховского съ участіемъ И. А. Крылова. А. А.

[2]) Актриса Ежова.

ЭР03010

Amants Protées»; вообразите, съ безсмыслицей для роли Самойлова сладить не могъ [1]); а когда есть время князю заниматься такимъ вздоромъ? Вы не повѣрите, какъ онъ занятъ: такъ занятъ, что не имѣетъ часу свободнаго времени. Петръ Николаевичъ у насъ почти всякій день, приноситъ разныя новости, въ которыхъ и половины нѣтъ правды, а, впрочемъ, онъ прекраснѣйшій человѣкъ». Я узналъ моего друга; но узналъ также, что Катерина Ивановна любитъ поговорить. Между тѣмъ князь Шаховской возвратился изъ театра вмѣстѣ съ П. М. Арсеньевымъ. Послѣдній тотчасъ съ великою радостью объявилъ Катеринѣ Ивановнѣ, что Матвѣй Васильевичъ (Крюковскій) вслѣдъ за ними ѣдетъ. Князь обласкалъ меня и просилъ быть у него безъ церемоніи. «Только мнѣ и отрады,—промолвилъ онъ,—что по вечерамъ дома съ людьми грамотными».

Вскорѣ пріѣхали Крюковскій и за нимъ князь Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ, покровитель Семеновой. «Теперь всѣ налицо, Катенька,—сказалъ князь:—какъ бы чаю?»—«Ивана Андреича еще нѣтъ», отвѣчала она и тотчасъ послала сказать Крылову, что чай готовъ.

Мы усѣлись вокругъ большого круглаго стола, а Шаховской съ Гагаринымъ развалились на диванѣ и закурили трубки. Крыловъ не замедлилъ явиться и сѣлъ на креслахъ въ углу, у печки. «Спасибо, умница, что мѣсто мое не занято,—сказалъ онъ Катеринѣ Ивановнѣ:—тутъ потеплѣе».

Арсеньевъ завелъ рѣчь о «Пожарскомъ» и началъ хвалить автора на чемъ свѣтъ стоитъ. Чего-чего не наговорилъ онъ ему: что онъ первый-то у насъ драматическій писатель; что трагедія его—первая современная трагедія въ цѣломъ свѣтѣ; что на немъ одномъ теперь сосредоточены надежды всѣхъ любителей драматической поэзіи, и проч. и проч. Крюковскій краснѣлъ и молчалъ, Крыловъ улыбался, князь Гагаринъ очень серьезно и съ удивленіемъ посматривалъ на своего пріятеля, который осмѣливался такъ превозносить пьесу, въ кото-

---

[1]) Во свѣтлой мрачности блистающихъ ночей
Явился черный блескъ отъ солнечныхъ лучей;
Ужасный слышу громъ въ молчаньѣ непрерывномъ...
Спокоенъ былъ и весь отъ страха трепеталъ...
Закрылъ свои глаза и съ быстротой взиралъ и пр. и пр.
„Оборотни“, опера въ одномъ дѣйствіи.

ЭР03010

рой не было роли для Семеновой; но князь Шаховской не выдержалъ и вспыхнулъ, какъ фейерверкъ: «Да помилуй, братецъ, Павелъ Михайлычъ! Откуда ты вдругъ набрался такой премудрости, что выдаешь себя за оракула драматической поэзіи и увѣряешь автора въ томъ, въ чемъ онъ и самъ, по совѣсти, сознаться не можетъ? Безспорно, пьеса Матвѣя Васильича имѣетъ свои достоинства, но чтобъ она была первою пьесою въ свѣтѣ, такъ это, голубчикъ, вздоръ; а то еще и пущій вздоръ, чтобъ одинъ только авторъ ея былъ надеждой и опорой русской сцены. Не говоря о другихъ, куда жъ ты дѣвалъ Озерова?»

— «Ну, это только такъ говорится», отвѣчалъ Арсеньевъ.

— «Говорится?—возразилъ князь Шаховской.—А зачѣмъ же на вечерахъ у Марьи Алексѣевны [1]) проповѣдуешь ты эту чепуху барынямъ и барышнямъ, которыя ни бельмеса не смыслятъ въ нашей драматической поэзіи? Ты сказалъ, а онѣ повторять пошли: «на Русскомъ театрѣ ничего-де путнаго нѣтъ, кромѣ трагедіи «Пожарскій». И вотъ пирогъ испеченъ, мнѣніе готово! Нѣтъ, любезный, прямо просишься въ мою сатиру или въ комедію Ивана Андреича».—«Знаешь ли, князь, отчего нашъ Арсеньевъ такъ пристрастенъ къ трагедіи Матвѣя Васильича, которой, впрочемъ, я самъ отдаю полную справедливость, хотя и не знаю, какой она будетъ имѣть успѣхъ на сценѣ? Оттого, что онъ въ жизни своей не читалъ никакой другой пьесы, а эту какъ-то удалось ему выучить наизусть. Не правда ли, Павелъ Михайлычъ?»—Арсеньевъ засмѣялся. — «Смѣйся или нѣтъ, что правда, то правда,—продолжалъ князь Гагаринъ:—ну-ка, назови еще трагедію или комедію, которую бы ты читалъ когда-нибудь». Арсеньевъ признался, что онъ, точно, не читывалъ ни одной театральной пьесы, но зато, по страсти къ театру, всѣ ихъ пересмотрѣлъ на сценѣ.

Въ одиннадцать часовъ заѣхалъ за княземъ Гагаринымъ графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ, очень толстый, но пріятной наружности человѣкъ, съ открытымъ лицомъ и добродушною физіономіею; онъ большой любитель спектаклей французскаго и русскаго

[1]) Нарышкина, супруга директора театровъ. П. Б.

ЭР03010

театра и ежедневно бываетъ въ одномъ изъ нихъ. «Или сегодня у тебя неприсутственный день,—спросилъ онъ князя,—что ничего не читаютъ?»—«Да еще не размололись,—отвѣчалъ Шаховской,—и вмѣсто пролога бранимся пока съ Арсеньевымъ».

Между тѣмъ Крюковскій подсѣлъ къ столику, на которомъ Катерина Ивановна разливала чай, и тихомолкомъ болталъ съ нею. Изъ всего, что они говорили, я могъ только разслушать нѣсколько словъ: «И сегодня были?» — «Были утромъ».— «Хорошо читаетъ?» — «Прекрасно; князь очень доволенъ».— «А чѣмъ дебютируетъ?»—«Кажется, Дидоной или Пальмирой».—«Какъ жаль, что я не былъ!»

— «А ты не слыхалъ,—сказалъ князь Шаховской графу Пушкину,—что Крыловъ написалъ новую басню, да и притаился, злодѣй! (съ этимъ словомъ онъ вдругъ вскочилъ съ дивана и поклонился въ поясъ Крылову).— Батюшка, Иванъ Андреичъ, будьте милостивы до насъ, бѣдныхъ, разскажите намъ одну изъ тѣхъ сказочекъ, которыя вы умѣете такъ хорошо разсказывать». Шаховской пародировалъ сестру Шехерезады. Крыловъ засмѣялся, а когда смѣется Крыловъ, такъ это не даромъ: должно быть, смѣшно. Онъ придвинулся къ столу и прочиталъ новую свою басню «Оракулъ»:

> Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянный богъ
> И сталъ онъ издавать пророчески отвѣты и проч.

Собесѣдники слушали съ величайшимъ удовольствіемъ и заставили автора повторить заключеніе. Странное дѣло: мы слышали басню въ первый разъ, а почти всѣ знали ее уже наизусть.

Послѣ Крылова читалъ князь Шаховской начало комической своей поэмы «Расхищенныя Шубы». Содержаніе основано на происшествіи, случившемся прошедшею зимою въ Нѣмецкомъ, такъ называемомъ Шустеръ-Клубѣ: пьяный швейцаръ во время бала перепуталъ шубы и салопы пріѣзжихъ гостей, отчего при разъѣздѣ произошелъ безпорядокъ,—вотъ и все тутъ! Но князь Шаховской умѣлъ опоэтизировать анекдотъ; въ его стихотворной шуткѣ много мѣстъ, достойныхъ Буало, поэмѣ котораго (Lutrin) онъ, по словамъ его, подражать хотѣлъ. Каково-то будетъ продолженіе, а начало, не-

ЭР03010

чего сказать, прекрасно. Совѣтъ старшинъ клуба описанъ мастерски, и нѣкоторые изъ нихъ дышатъ жизнію:

Самъ мастеръ гробовой Фрейтодтъ, съ умильнымъ взоромъ,
Съ улыбкой радостной, какъ будто передъ моромъ.

— «Но скажи, пожалуйста, князь, — спросилъ графъ Пушкинъ,—когда ты находишь время сочинять что-нибудь? По утрамъ у тебя должностной народъ, передъ обѣдомъ репетиція, по вечерамъ всегда общество, и прежде второго часа ты не ложишься—когда же ты пишешь?»

— «Онъ лунатикъ, графъ,—съ громкимъ смѣхомъ подхватила Катерина Ивановна,—не повѣрите: во снѣ бредитъ стихами! Иногда думаешь, что онъ тебѣ что-нибудь сказать хочетъ, а онъ вскочилъ да и за перо, прибирать риѳмы!»—Мы расхохотались, и самъ князь Шаховской также.

ДВГНБ

ЭР03010

Изъ переписки М. А. Волковой [1]) съ В. И. Ланской.

1812 г.

29 іюля.

Мы все тревожимся. Лишь чуть оживитъ насъ пріятное извѣстіе, какъ снова услышимъ что-либо устрашающее. Признаюсь, что ежели въ нѣкоторомъ отношеніи безопаснѣе жить въ большомъ городѣ, зато нигдѣ не распускаютъ столько ложныхъ слуховъ, какъ въ большихъ городахъ. Дней пять тому назадъ разсказывали, что Остерманъ одержалъ большую побѣду. Оказалось, что это выдумка. Нынче утромъ дошла до насъ вѣсть о блестящей побѣдѣ, одержанной Витгенштейномъ. Извѣстіе это пришло изъ вѣрнаго источника,

---

[1]) Марія Аполлоновна Волкова, принадлежавшая къ московскому аристократическому обществу, была по своимъ дарованіямъ и нравственнымъ качествамъ выдающеюся личностью и общею московскою любимицей. Ее лично зналъ императоръ Николай I и относился къ ней съ довѣріемъ и уваженіемъ. Образцомъ прямого и открытаго характера Маріи Аполлоновны можетъ служить ея отвѣтъ императору: когда государь приглашалъ ее по пріѣздѣ въ Петербургъ остановиться во дворцѣ, она отвѣтила, что благодаритъ за высокое вниманіе, но крѣпко держится родственныхъ связей и желала бы остановиться у своего брата Сергѣя. Это обстоятельство не нарушило добрыхъ отношеній между Волковой и государемъ. Марія Аполлоновна была фрейлиной императрицы Маріи Ѳеодоровны и, будучи близка къ высшимъ сферамъ, хорошо знала многое въ русской жизни, что для другихъ тогда было скрыто. Ея переписка очень ярко вводитъ въ московскую жизнь наканунѣ появленія „Горе отъ ума“, въ ту жизнь, съ которой писалъ Грибоѣдовъ.

Письма М. А. Волковой даютъ совершенно свѣжія впечатлѣнія о той эпохѣ и необыкновенно ясно приближаютъ къ намъ время Грибоѣдова. Здѣсь можно пережить вмѣстѣ съ Волковой и ужасы 12 года, и боязнь высшихъ классовъ передъ патріотически и гра-

ЭР03010

такъ какъ о побѣдѣ этой разсказываетъ гр. Растопчинъ [1]), а между тѣмъ никто не смѣетъ вѣрить. Къ тому же побѣда эта можетъ быть полезна вамъ, жителямъ Петербурга, мы же, москвичи, остаемся попрежнему въ невѣдѣніи касательно нашей участи. Что относится до выборовъ и приготовленій всякаго рода, скажу тебѣ, что здѣсь происходятъ такія же нелѣпости, какъ и у васъ. Я нахожу, что всѣхъ одолѣлъ духъ заблужденія. Все, что мы видимъ, что ежедневно происходитъ передъ нашими глазами, а также и положеніе, въ которомъ мы находимся, можетъ послужить намъ хорошимъ урокомъ, лишь бы мы захотѣли имъ воспользоваться. Но, къ несчастію, этого-то желанія я ни въ комъ не вижу, и признаюсь тебѣ, что расположеніе къ постоянному ослѣпленію устрашаетъ меня болѣе, нежели сами непріятели. Богу все возможно. Онъ можетъ сдѣлать, чтобы мы ясно видѣли; объ этомъ-то и должно молиться изъ глубины души, такъ какъ сумасбродство и развратъ, которые господствуютъ у насъ, сдѣлаютъ намъ въ тысячу разъ болѣе вреда, чѣмъ легіоны французовъ.

жански настроенными крестьянами, и сочувствіе къ разоряемой Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ переписка изъ года въ годъ передаетъ послѣдовательность переживаній русскаго общества: отъ ненависти къ французамъ (хотя вся переписка въ оригиналѣ ведется на великолѣпномъ французскомъ языкѣ), отъ траура по Москвѣ, отъ ея пожара и разоренія—къ постепенному отстраиванію, къ подъему настроенія, къ веселью, баламъ и „патріотическимъ праздникамъ на дачѣ“, расточительно роскошнымъ, наконецъ, къ пристрастію къ иностранному, къ стремленію ѣздить за границу, сначала съ разными оправданіями, подъ вымышленными предлогами болѣзни и т. п., затѣмъ къ болѣе открыто выраженному увлеченію, до желанія воспитывать своихъ дѣтей за границей, до перехода дамъ большого свѣта въ католичество включительно. Читая эту переписку, живо представляешь смыслъ словъ Фамусова при разговорѣ о пожарѣ Москвы: „Не поминайте намъ“... и т. д., воочію видишь и яснѣе понимаешь увлеченіе военными въ это время и больше входишь въ переживанія Чацкаго.

М. А. Волкова имѣла свой домъ на Страстномъ бульварѣ, рядомъ съ Екатерининской больницей. Переписка ея съ В. И. Ланской относится къ ея возрасту отъ 27 до 30 лѣтъ. Варвара Ивановна Ланская, рожденная княжна Одоевская—близкая ея пріятельница, жившая въ Петербургѣ.

Переписка М. А. Волковой съ В. И. Ланской была въ рукахъ гр. Л. Н. Толстого, когда онъ писалъ романъ „Война и Миръ“.

[1]) См. выше, стр. 179.

ЭР03010

5 августа.

Мы съ мама пріобщались нынче. По моему мнѣнію, теперь самая пора для покаянія, потому что лишь искреннимъ раскаяніемъ въ грѣхахъ можемъ мы умилостивить Бога. Мнѣ вполнѣ понятно твое безпокойство о нашемъ родномъ городѣ. Будемъ надѣяться, что въ немъ есть люди, коихъ молитвы дойдутъ до Всевышняго и спасутъ всѣхъ насъ. Народъ ведетъ себя прекрасно. Увѣряю тебя, что недостало бы журналистовъ, если бы описывать всѣ доказательства преданности отечеству и государю, о которыхъ безпрестанно слышишь и которыя повторяются не только въ самомъ городѣ, но и въ окрестностяхъ и даже въ разныхъ губерніяхъ. Узнавъ, что наше войско идетъ впередъ, а французы отступаютъ, москвичи поуспокоились. Теперь рѣже приходится слышать объ отъѣздахъ. А между тѣмъ вѣсти не слишкомъ утѣшительны, особенно какъ вспомнишь, что мы три недѣли жили среди волненій и въ постоянномъ страхѣ. Въ прошлый вторникъ пришло извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Витгенштейномъ, и объ удачахъ, которыя имѣли Платовъ и графъ Паленъ. Мы отложили нашу поѣздку въ деревню, узнавъ, что тамъ происходитъ наборъ ратниковъ. Тяжелое время въ деревняхъ, даже когда на 100 человѣкъ берутъ одного въ солдаты и въ ту пору, когда окончены полевыя работы. Представь же, что это должно быть теперь, когда такое множество несчастныхъ отрывается отъ сохи. Мужики не ропщутъ; напротивъ, говорятъ, что они всѣ охотно пойдутъ на враговъ, и что во время такой опасности всѣхъ ихъ слѣдовало бы брать въ солдаты. Но бабы въ отчаяніи, страшно стонутъ и вопятъ, такъ что многіе помѣщики уѣхали изъ деревень, чтобы не быть свидѣтелями сценъ, раздирающихъ душу. Мама получила отвѣтъ отъ Сенъ-При: онъ съ удовольствіемъ принимаетъ на службу брата моего Николая. Придется разстаться съ милымъ братомъ; еще прибавится горе и новое безпокойство!

Каждый день къ намъ привозятъ раненыхъ. Андрей Ефимовичъ опасно раненъ, такъ что не будетъ владѣть одной рукой. У Татищева, который служитъ въ Комиссаріатѣ и, слѣдовательно, находится во главѣ всѣхъ

ЭР03010

гошпиталей, недостало корпіи, и онъ просилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ наготовить ему корпію. Меня первую засадили за работу, такъ какъ я ближайшая его родственница, и я работаю цѣлые дни. Масловъ искалъ смерти и былъ убитъ въ одной изъ первыхъ стычекъ; люди его вернулись. Здѣсь также нѣсколько гусарскихъ офицеровъ, два или три пѣхотныхъ полковника; всѣ они изуродованы. Сердце обливается кровью, когда только и видишь раненыхъ, только и слышишь, что объ нихъ. Какъ часто ни повторяются подобные слухи и сцены, а все нельзя съ ними свыкнуться.

Соллогубы совершенно разорены. Всѣ имѣнія графа находятся въ Бѣлоруссіи, между Могилевомъ и Витебскомъ. Сама посуди, въ какомъ видѣ они должны быть теперь. Бѣдную Соллогубъ ужасно жалко. Она выдана замужъ въ расчетѣ, что у мужа ея будетъ 6000 душъ крестьянъ, и вотъ теперь у нихъ у обоихъ всего 6000 рублей дохода; правда, ей еще кое-что достанется, но лишь по смерти матери. У Толстого, женатаго на Кутузовой, восемь человѣкъ дѣтей, и вообрази, что изъ 6000 душъ у него осталось всего 300 душъ въ Рязанской губерніи, такъ какъ его имѣнія тоже въ Бѣлоруссіи. Какъ ни вооружайся храбростью, а слыша съ утра до вечера лишь о траурахъ да о разореніи, невозможно не огорчаться и не принимать къ сердцу всего, что видишь и слышишь.

15 августа.

. . . . . .

Вчера утромъ пріѣхала прислуга дяди, а также и крестьяне этого имѣнія. Несчастные бросились къ нему въ ноги, прося о помощи, какъ будто онъ можетъ помочь имъ и оградить ихъ отъ разоренія, въ случаѣ, ежели по глупости или вслѣдствіе измѣны ихъ предадутъ огню и мечу. Надо видѣть уваженіе этихъ бѣдныхъ людей къ верховной власти. Одинъ изъ мужичковъ объяснялъ мама, что они бы бѣжали, чтобы спастись, но указъ царскій не позволяетъ имъ бросать свои избы, пока французы не смѣнятъ нашихъ войскъ. Посуди, до чего больно видѣть, что злодѣи, въ родѣ Балашова и Аракчеева, продаютъ такой прекрасный народъ. Но увѣряю тебя, что ежели сихъ послѣднихъ ненавидятъ въ Петербургѣ такъ же, какъ и въ Москвѣ, то имъ не

ЭР03010

сдобровать впослѣдствіи. Растопчинъ очищаетъ Москву отъ подобныхъ исчадій. Онъ выслалъ отсюда Ключарева, почтъ-директора, и одного изъ его помощниковъ, Дружинина, которые находились въ близкихъ сношеніяхъ со Сперанскимъ. Растопчинъ [1]) перехватилъ переписку Ключарева, весьма подозрительнаго свойства. Кромѣ того, ежедневно ловятъ французскихъ шпіоновъ. Народъ такъ раздраженъ, что мы не осмѣливаемся говорить по-французски на улицѣ. Двухъ офицеровъ арестовали: они на улицѣ вздумали говорить по-французски; народъ принялъ ихъ за переодѣтыхъ шпіоновъ и хотѣлъ поколотить, такъ какъ не разъ уже ловили французовъ, одѣтыхъ крестьянами или въ женскую одежду, снимавшихъ планы, занимавшихся поджогами и предрекавшихъ прибытіе Наполеона,—словомъ, смущавшихъ народъ.

Вчера мы простились съ братомъ и его женой. Они поспѣшили ѣхать, пока есть еще возможность достать лошадей, такъ какъ у нихъ нѣтъ своихъ. Чтобы проѣхать 30 верстъ до имѣнія Вielьгорскихъ, имъ пришлось заплатить 450 руб. за девять лошадей. Въ городѣ почти не осталось лошадей, и окрестности Москвы могли бы послужить живописцу образцомъ для изображенія бѣгства египетскаго. Ежедневно тысячи каретъ выѣзжаютъ во всѣ заставы и направляются однѣ въ Рязань, другія—въ Нижній и Ярославль. Какъ мнѣ ни горько оставить Москву съ мыслію, что, быть можетъ, никогда болѣе не увижу ея, но я рада буду уѣхать, чтобы не слыхать и не видать всего, что здѣсь происходитъ.

27 ноября.

Мы снова подверглись всѣмъ ужасамъ степной вьюги; это страшная мука, особенно когда живешь въ картонномъ ящикѣ. Невольно вспомнишь о нашемъ тепломъ, уютномъ московскомъ домѣ, который былъ извѣстенъ своимъ удобствомъ въ самыхъ дальнихъ частяхъ города. Очень благодарю тебя за извѣстіе, что отыскалъ крестъ Ивана Великаго. Я повторяю съ восторгомъ, что онъ не будетъ служить трофеемъ чудовищу! Однако я не могу удержать своего негодованія касательно спек-

[1]) Растопчинъ не любилъ Сперанскаго.

ЭР03010

таклей и лицъ, ихъ посѣщающихъ. Что же такое Петербургъ? Русскій ли это городъ или иноземный? Какъ это понимать, ежели вы русскіе? Какъ можете вы посѣщать театръ, когда Россія въ траурѣ, горѣ, развалинахъ и находилась на шагъ отъ гибели? И на кого смотрите вы? На французовъ, изъ которыхъ каждый радуется нашимъ несчастіямъ!

Я знаю, что въ Москвѣ до 31 августа открыты были театры, но съ первыхъ чиселъ іюня, т.-е. со времени объявленія войны, у подъѣздовъ ихъ виднѣлись 2 кареты, не болѣе. Дирекція была въ отчаяніи, она разорялась и ничего не выручала. Играли русскіе, и въ болѣе спокойную пору, и то зала наполнена была лишь купцами. Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что Петербургъ вправѣ ненавидѣть Москву и не терпѣть всего въ ней происходящаго. Эти два города слишкомъ различны по чувствамъ, по уму, по преданности общему благу для того, чтобы сносить другъ друга. Когда началась война, многія особы, будучи не хуже вашихъ красивыхъ дамъ, начали часто посѣщать церкви и посвятили себя дѣламъ милосердія, чтобы умилостивить Бога за себя и своихъ соотечественниковъ. Ежели у насъ несли вздоръ, то, по крайней мѣрѣ, всѣ мы, русскіе, за исключеніемъ Петербурга, разумѣется, одинаково заблуждались.

Здѣсь, въ Тамбовѣ, мѣстѣ болѣе безопасномъ, чѣмъ другія мѣста, балы, начинающіеся обыкновенно съ сентября, открыты были лишь послѣ сраженія подъ Вязьмой.

До сихъ поръ ни одна дама не показывалась на балѣ, такъ что балы превратились въ мужскія собранія, гдѣ играютъ въ карты. Французскій языкъ изгнанъ; крестьяне, лишь только услышатъ, что говорятъ на иностранномъ языкѣ, сейчасъ же скорчатъ грозную гримасу. Въ Москвѣ съ августа мѣсяца французы не осмѣливались показываться на улицахъ: ихъ побивали камнями. Мыслимо ли было, чтобы пошли на нихъ смотрѣть въ театрѣ? Шаховскіе разсказывали мнѣ, что во всю дорогу отъ Кавказа досюда они были, какъ на иголкахъ; если, забывшись, по привычкѣ, начинали говорить по-французски, мужики сейчасъ спрашивали ихъ, не изъ тѣхъ ли они негодяевъ, которые грабятъ Россію и Москву.

ЭР03010

1813 г.

22 сентября.

Не бойся: письма мои къ саратовской губернаторшѣ не будутъ возмущать спокойствія Рагани [1]). Въ каждомъ изъ нихъ я прибавляю въ видѣ размышленій нѣсколько фразъ, нелестныхъ для корсиканца и его арміи,—слѣдовательно, губернаторша изъ деликатности не станетъ ихъ сообщать господамъ плѣннымъ. Губернаторша и сестра ея удивительно восторгаются французами. Однажды онѣ начали увѣрять Рагани и Ла-Рошъ-Жаклена, что у насъ считаютъ признакомъ дурного тона, если въ обществѣ говорятъ по-русски. Въ простотѣ душевной онѣ воображали, что ихъ похвалятъ. Молодые люди съ удивленіемъ посмотрѣли на меня, ожидая, подтвержу ли я эти слова, точно ли такъ думаютъ въ столицѣ. Понявъ неприличіе подобнаго разговора при современныхъ обстоятельствахъ, я тотчасъ же начала утверждать, что дамы эти неправы, что въ Москвѣ мы говоримъ болѣе по-русски, нежели по-французски; это истинная правда. Хотя всѣ иностранцы удивляются, что мы хорошо владѣемъ французскимъ языкомъ, но мы по-русски говоримъ еще лучше. Только что я отстояла Москву, рѣчь зашла о Петербургѣ. Я рѣшительно не знала, что мнѣ дѣлать. У васъ, дѣйствительно, есть эта смѣшная сторона. Я защищала Петербургъ, какъ умѣла, тѣмъ болѣе потому, что мнѣ говорили, будто плѣнные смѣются надъ нашимъ пристрастіемъ къ французскому языку; одинъ изъ офицеровъ пробовалъ поддѣть Мишу, спросивъ у него: правда ли, что въ Петербургѣ въ 6 мѣсяцевъ разъ услышишь русскій языкъ, и что наши министры говорятъ и пишутъ по-французски лучше, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ. За день до этого разговора я имѣла случай убѣдиться въ справедливости вышесказаннаго, однако изъ патріотической гордости предпочла солгать, нежели въ этомъ признаться. Я начала объяснять, вслѣдствіе чего въ Петербургѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Россіи, приходится слышать иностранные языки, приписывая

[1]) Одинъ изъ плѣнныхъ изъ арміи Наполеона.

ЭР03010

это обстоятельство наплыву иностранцевъ въ столицу,— словомъ, выставляла всевозможныя причины; однако Рагани, поддерживаемый двумя барынями, закончилъ разговоръ, сказавъ, что давно слышалъ про эту смѣшную странность, и лишь только будетъ на свободѣ, постарается провѣрить подлинность этого слуха. Я очень сердилась на Петербургъ и на двухъ сумасшедшихъ женщинъ, которыя, того не подозрѣвая, сами себѣ вредили. Я Петербургъ отстаивала на томъ основаніи, что онъ русскій городъ, и сказала, что въ провинціи всегда утрируютъ обычаи, принятые въ столицѣ. Дамы замолчали. Когда ушли плѣнные, я возобновила этотъ разговоръ съ двумя сестрицами и высказала имъ свои замѣчанія по поводу привычки восхищаться всѣмъ иностраннымъ. Изъ самолюбія не буду увѣрять, что убѣдила сестеръ,—по крайней мѣрѣ, съ этой поры я стала прямо высказывать свои воззрѣнія на этотъ предметъ, какъ на словахъ, такъ и въ письмахъ.

Москва, 20 ноября.

. . . . . .

Теперь насчетъ построекъ. Говорятъ, что исправлено до 1.400 домовъ, но, если бы не было препятствій со стороны властей, ихъ было бы настроено вдвое больше. Если только утвердится прочный миръ, я увѣрена, что на будущій годъ исчезнутъ всѣ слѣды пожара. Въ городѣ все тихо. Не слышно о грабежахъ и убійствахъ, какъ въ прошломъ году. Офиціальныя извѣстія вполнѣ удовлетворительны, а частныя—плачевны. У бѣдной кн. Голицыной, которой ты не жалуешь, старшій сынъ умеръ отъ болѣзни, а остальные два ранены. Торжество, побѣда—прекрасная вещь, но она дорого обходится. Я видѣла семейство Корсаковыхъ, грустное, въ траурѣ; всѣ они хвораютъ. Не весело ѣздить съ визитами въ настоящее время: гдѣ плачутъ о недавнихъ потеряхъ, а гдѣ смертельно тревожатся о дорогихъ сердцу. Мнѣ случилось быть въ четырехъ семействахъ: въ каждомъ изъ нихъ по сыну убито, а остальные на войнѣ.

15 декабря.

Искренно жалѣю твоего дядю, милый другъ. Тяжело въ его годы пережить единственнаго сына. Дай Богъ,

ЭР03010

чтобы достало у него силъ перенести тяжелую потерю. Обѣщаю тебѣ освѣдомиться о немъ и передать тебѣ все, что услышу. Ты ошибаешься, предполагая, что населеніе Москвы до того уменьшилось, что здѣсь, какъ въ провинціи, знаютъ, чѣмъ всякій занимается. Общество попрежнему дѣлится на множество кружковъ, которые одинъ съ другимъ не находятся въ сношеніи; каждому изъ этихъ кружковъ нѣтъ дѣла до того, что происходитъ въ остальныхъ. Наши знакомые разбрелись во всѣ стороны: кто въ деревнѣ, кто на зиму отправится въ Петербургъ, такъ что изъ шестидесяти человѣкъ, быть можетъ, всего тридцать находится въ Москвѣ. Въ другихъ же домахъ всѣ посѣтители налицо. У Барановой въ Варваринъ день сидѣло за ужиномъ болѣе ста человѣкъ гостей. Третьяго дня въ собраніи было до пятисотъ человѣкъ. Могло быть гораздо больше, многимъ болѣзнь помѣшала явиться на праздникъ. Вслѣдствіе дурной погоды здѣсь много больныхъ.

О серьезныхъ болѣзняхъ не слышно, но многіе возятся съ насморкомъ, у другихъ перемежающаяся лихорадка, нѣкоторые страдаютъ отъ головной боли. Изъ моихъ знакомыхъ, намѣревавшихся быть на вечерѣ, человѣкъ двадцать не пріѣхало; вмѣсто того, чтобы плясать на балѣ, они пролежали въ постели. Сама я тоже принуждена была остаться дома: часа за три передъ тѣмъ, какъ одѣваться, меня схватила такая головная боль, что я просто выкупалась въ уксусѣ и затѣмъ уткнулась въ подушки. На другой день мнѣ разсказывали, что праздникъ былъ блестящій, много танцовали, и вечеръ былъ оживленъ. Всѣ разрядились въ пухъ, мужчины были въ парадной формѣ, дамы въ брильянтахъ и жемчугахъ. Въ нынѣшнемъ году много молодыхъ дѣвицъ начали выѣзжать въ свѣтъ, такъ что барышень собралось большое количество. Новая кузина моя, Валуева, явилась на балѣ въ первый разъ; въ нарядѣ она вышла еще красивѣе, и всѣ любовались ея прелестнымъ личикомъ. Вообще, говорятъ, было много хорошенькихъ. Мнѣ досадно, что не удалось поглядѣть. Моя правда была, когда я говорила тебѣ, что одна сверхъестественная сила способна уничтожить Москву. Убѣждаюсь въ этомъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе.

ЭР03010

1814 г.

4 января.

. . . . . .

Правда твоя, что не знать намъ спокойствія, пока будетъ продолжаться эта несчастная война. Каждый день или слышишь о жертвахъ ея, или встрѣчаешь лицъ, потерпѣвшихъ тяжкія потери. Въ день Новаго года у обѣдни пришлось мнѣ стоять рядомъ съ одной дамой: такихъ худыхъ и блѣдныхъ, какъ она, я не видывала. Ей сдѣлалось дурно во время службы, я этимъ воспользовалась, чтобы спросить у ней, не больна ли она. «Нѣтъ,—отвѣчала она и потомъ сказала такимъ голосомъ, котораго я въ жизнь не забуду:—тѣло у меня не страдаетъ, но изнемогаетъ душа; не всегда могутъ слабые люди переносить печали, выпадающія на ихъ долю. Не жалуюсь, потому что согрѣшила противъ первой заповѣди, въ которой сказано, что Господа должны мы любить больше всего на свѣтѣ, а я дѣтей моихъ любила больше Бога. У меня было три сына, и я потеряла ихъ всѣхъ въ теченіе года». Дѣйствительно, эти молодые люди были всѣ убиты въ разныхъ сраженіяхъ. Надо взглянуть на ихъ несчастную мать, чтобы имѣть понятіе объ истинномъ горѣ. Всего поразительнѣе ея спокойствіе и покорность волѣ Божіей. Бѣдная женщина не плачетъ, она точно мраморная. Нынче я слышала, что одни наши знакомые, у которыхъ единственнаго сына убили подъ Бауценомъ, получили вчера извѣстіе о смерти генерала Невѣровскаго, который женатъ былъ на ихъ единственной дочери; умеръ онъ вслѣдствіе раны, полученной подъ Лейпцигомъ. Слѣдовательно, всѣ члены этой семьи кого-нибудь да оплакиваютъ; трудно рѣшить, чья потеря тяжеле. Одна, г-жа Безобразова, съ ума сошла вслѣдствіе потери единственнаго сына.

Конца не будетъ, если станешь перебирать всѣ разсказы подобнаго рода. Понятно, что нѣтъ охоты веселиться; я увѣрена, что до окончанія войны въ Москвѣ не будетъ ни одного частнаго бала: не станетъ она веселиться, пока не вернутся наши воины; въ настоящее время они лишь все отдаляются отъ насъ. Пуб-

ЭР03010

личные балы начались, въ собраніи танцуютъ по вторникамъ; публичные маскарады тоже возобновились съ перваго января. Послѣдніе посѣщаются потому, что они доступны для всѣхъ безъ разбора.

Вяземскій не пропускаетъ ни одного маскарада и удивляется, что насъ эти удовольствія не соблазняютъ. Онъ очень похожъ на г. Роха: вездѣ бываетъ, всѣхъ знаетъ, почтителенъ къ старушкамъ, любезенъ съ молодыми, на все у него хватаетъ времени, однако и онъ подъ часъ жалуется, что ему некогда; бываетъ въ отчаяніи, когда ему приходится уѣзжать изъ одного мѣста, потому что въ другомъ его ждутъ, но лишь только онъ туда явится—сейчасъ же утѣшится.

Частные кружки довольно быстро растутъ. Наканунѣ и въ самый день Новаго года, вечеромъ, у насъ собралось такъ много гостей, что мы не знали, куда ихъ дѣвать; парадныя гостиныя заперты обыкновенно, мы принимаемъ въ большомъ кабинетѣ, въ эти же 2 дня у насъ было препорядочно тѣсно. Нынче вечеромъ соберутся у насъ Оболенскіе и Вяземскіе, значитъ, будетъ человѣкъ десять, да кромѣ нихъ могутъ явиться неожиданные гости. Постоянно, каждую недѣлю два раза, я обѣдаю у кузины Sophie, къ тому же у меня есть свои занятія, такъ что я рѣшительно не вижу, какъ идетъ время.

12 января.

Никогда я не была такъ угрюма, какъ въ настоящее время, милый другъ, а между тѣмъ почти два года не приходилось мнѣ выѣзжать такъ много, какъ въ эти дни. Теперь Москва напоминаетъ веселое прошлое время, особенно лицамъ, которыя имѣютъ охоту и досугъ пользоваться развлеченіями. Я не принадлежу къ числу такихъ особъ; меня насильно тащатъ и заставляютъ принимать участіе въ увеселеніяхъ. Зато есть такіе люди, какъ другъ нашъ Вяземскій, которые вездѣ бываютъ, такъ что частные кружки имъ некогда посѣщать. Кажется, я говорила тебѣ о любительскомъ спектаклѣ, который намъ обѣщали; я про него совсѣмъ забыла, полагая, что онъ разстроился; вышло, что я ошиблась. Вчера намъ прислали билеты на нынѣшній вечеръ, и мы, конечно, отправимся, чтобы отвѣтить на

ЭР03010

любезность актеровъ и сдѣлать удовольствіе Апраксину. играть будутъ въ его домѣ. Нѣкто, присутствовавшій на репетиціяхъ, говорилъ мнѣ, что спектакль выйдетъ очень удачный; я этому вѣрю, потому что въ числѣ играющихъ есть отличные актеры, которыхъ я прежде видала.

Завтра я намѣреваюсь показаться въ большой свѣтъ: ѣду на балъ въ собраніе. Оболенскіе тащатъ насъ туда ради именинъ императрицы. Вообрази, въ прошлый вторникъ въ собраніи было 400 человѣкъ и тысяча въ публичномъ маскарадѣ. Вѣрно, и завтра будетъ много народа. На нынѣшній вечеръ роздано 500 билетовъ. Не могу я этому надивиться; если бы мнѣ въ прошлую зиму сказали, что въ январѣ 14 года будутъ происходить такія собранія въ Москвѣ, я сочла бы эти слова совершенно безумными. Нынѣшній годъ очень много начинающихъ выѣзжать въ свѣтъ: двѣ дѣвицы Алмазовы, прелесть какія хорошенькія, Пушкина, младшая сестра нашей красавицы, кн. Оболенская, дочь кн. Андрея отъ первой его жены; у нея очень пріятная наружность и притомъ 5000 душъ и нѣсколько сотъ тысячъ дохода, которымъ она будетъ пользоваться со дня свадьбы; изъ этого ты можешь заключить, что у нея не будетъ недостатка въ женихахъ. Есть еще нѣсколько дѣвицъ, долго всѣхъ перебирать. Могу сказать тебѣ навѣрное, что въ прошлый вторникъ экосезъ состоялъ изъ двадцати молодыхъ дѣвушекъ, которыя одна лучше другой; всѣ онѣ танцовали съ англичанами, которыхъ у насъ былъ цѣлый полкъ на прошлой недѣлѣ. Они околесили Москву по всѣмъ направленіямъ и потомъ отправились осматривать Бородино, Тарутино, Красное и т. д. Какъ и всѣ ихъ соотечественники, англичане эти остались въ восторгѣ отъ нашей милой древней столицы, хотя она еще не вполнѣ оправилась отъ пожара. Они не воображали найти здѣсь такое оживленіе и были въ полной увѣренности, что имъ придется расхаживать посреди развалинъ и мусора, и потому заранѣе рѣшили пробыть здѣсь лишь нѣсколько дней, о чемъ весьма сожалѣли впослѣдствіи, когда пришлось имъ уѣзжать. Они побывали во всѣхъ лавкахъ; въ одной изъ нихъ я встрѣтила ихъ четверыхъ; всѣ они такіе красивые мужчины. Въ обществѣ я съ ними не встрѣчалась, потому

ЭР03010

что мнѣ нездоровилось всю прошлую недѣлю, и я нигдѣ не была, только ходила гулять. Говорятъ, два дня тому назадъ пріѣхали сюда еще какіе-то англичане.

19 января.

. . . . . .

Не знаю, права ли Апраксина, находя, что я необходима въ Москвѣ для того, чтобы устроить общество попрежнему; вѣрно лишь то, что намъ удалось поставить свой домъ на прежнюю ногу: каждый вечеръ собираются у насъ человѣкъ пятнадцать, и между ними нѣтъ ни одного лишняго. Одна лишь жестокая война ежеминутно напоминаетъ намъ, что прошло то время, когда дышалось свободно. Съ нѣкоторыхъ поръ меня осаждаютъ мрачныя мысли. Тревожитъ меня переправа черезъ Рейнъ. Приходишь къ одному и тому же заключенію: да будетъ воля Божія!

20 апрѣля.

. . . . . .

Мы узнали въ одно и то же время о занятіи Парижа союзными войсками и о смерти Сенъ-При. Послѣднее извѣстіе давно уже разнеслось по Москвѣ, но отъ насъ его тщательно скрывали, и услыхали мы его совершенно случайно. Въ самомъ Парижѣ дрались. Никому неизвѣстно, кто былъ убитъ въ этой стычкѣ. Всѣ боялись за своихъ. Унынiе почти общее. Однако толкуютъ объ увеселеніяхъ. Разскажу тебѣ о похвальномъ поступкѣ купечества. Намѣревались три дня праздновать событiе, столь важное для Россіи. 23 апрѣля, въ день св. Георгія, предполагали отслужить благодарственный молебенъ, потомъ долженъ былъ быть обѣдъ у Растопчина, а вечеромъ иллюминацiя въ городѣ. Въ пятницу назначенъ былъ отъ дворянства праздникъ въ собранiи, а въ субботу—большой маскарадъ отъ купечества. Вдругъ вчера купцы явились къ Растопчину и принесли ему 10 тысячъ, назначенныя на маскарадъ, прося его раздать ихъ на приданое шести бѣднымъ невѣстамъ; они заявили, что находятъ гораздо болѣе полезнымъ употребить эти деньги на доброе дѣло, а не на танцы, что когда миръ заключатъ, тогда можно будетъ поплясать.

ЭР03010

27 апрѣля.

. . . . . .

Тебѣ понятно, что посреди всѣхъ этихъ сомнѣній я не могу думать о развлеченіяхъ и не принимаю въ нихъ участія. Здѣсь ихъ было довольно. Я видѣла только иллюминацію, которая повторялась три вечера сряду. Казенныя зданія и собраніе были прекрасно освѣщены. Растопчинъ истратилъ 5000; все, что онъ устроилъ, было хорошо; не понравились мнѣ только нѣкоторыя эмблемы сомнительнаго вкуса. Впрочемъ, на этотъ разъ недостатковъ было немного, и въ цѣломъ иллюминація была очень удачна. Въ собраніи былъ большой праздникъ; купечество тоже дало праздникъ, и былъ публичный маскарадъ. Я никуда не ѣздила: вотъ ужъ 2 недѣли, что выхожу только гулять. Мнѣ нездоровится, нѣсколько разъ у меня показывалась лихорадка, но я не терплю докторовъ и обращусь къ Кульману только ежели серьезно заболѣю. Кстати о празднествахъ. Теперь готовится торжество. Нѣсколько молодыхъ людей задумали на славу отпраздновать взятіе Парижа. Они сдѣлали складчину и собрали двадцать тысячъ рублей, которые употребятъ на праздникъ, назначенный 9 мая въ загородномъ домѣ Полторацкихъ. Домъ этотъ просто дворецъ. При немъ чудесный садъ. Все будетъ иллюминовано. Готовится прологъ и храмъ безсмертія; мнѣ столько наразсказали, что я половину забыла. Ты, конечно, отгадываешь, что Вяземскій въ числѣ главныхъ участниковъ и весь погруженъ въ заботы о праздникѣ. Онъ сочинилъ на этотъ случай прекрасное четверостишіе къ бюсту императора.

Вотъ оно:

Мужъ, твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель—
Какой вѣнецъ ему! Какой ему алтарь!
Вселенная! пади предъ нимъ: онъ твой спаситель!
Россія, имъ гордись! онъ сынъ твой, онъ твой царь.

11 мая.

. . . . . .

Признаюсь, меня столько же радуетъ душевное настроеніе нашего государя, какъ и событія, обезсмертившія его царствованіе. Больше всего боялась я,

ЭР03010

чтобы онъ не возгордился. Гордость губитъ насъ и лишаетъ благословенія свыше. Если бы государь возгордился, за нимъ и всѣ подданные стали бы кричать: вотъ мы каковы! Больнѣе всего были бы для меня эти возгласы; вѣдь я помню, какъ всѣ пріуныли два года тому назадъ: никто не могъ и думать въ ту пору, что русскіе способны завоевать весь міръ. Иногда проглядываетъ высокомѣріе въ нѣкоторыхъ лицахъ, но оно не можетъ сдѣлаться всеобщимъ, потому что государь его не раздѣляетъ. Опираясь на власть монарха, люди разумные останавливаютъ тѣхъ, кого счастіе ослѣпило, и доказываютъ имъ всю ложность ихъ взгляда. Я тоже иногда позволяю себѣ поспорить съ однимъ или двумя изъ нашихъ знакомыхъ. Удачи имъ голову вскружили; счастье для человѣчества, что государь иначе созданъ, чѣмъ они. Кстати о государѣ. Вяземскій въ честь его сочинилъ прелестный полонезъ, который я пошлю тебѣ на будущей недѣлѣ. Праздникъ въ честь императора отложенъ до пятницы вслѣдствіе дурной погоды. Я, кажется, не говорила тебѣ, что меня хотѣли заставить участвовать въ прологѣ. Вяземскій, Валуевъ, Пушкинъ и другіе—цѣлая депутація—явились меня упрашивать взять роль Европы. Чувствуя, что у меня недостаетъ таланта, чтобы хорошо исполнить столь важную роль, а главное, не рѣшаясь явиться на сцену передъ 600 человѣкъ и не желая подвергаться пересудамъ, я отказала наотрѣзъ самымъ деликатнымъ образомъ. Многія другія послѣдовали моему примѣру, и прологъ, который долженъ былъ быть пропѣтъ, отмѣнили. Сочинили другой, который будетъ продекламированъ. Стоило большаго труда найти трехъ главныхъ актрисъ. Вяземскій поручилъ женѣ взять роль Россіи. Одна изъ дѣвицъ Луниныхъ представитъ Европу; говорятъ, она прекрасно декламируетъ. Это не одна изъ тѣхъ дѣвицъ, которыя выѣзжали въ свѣтъ три года тому назадъ,—это ихъ младшая сестра. Лицомъ она некрасива, но высока и очень стройна. Славу изобразитъ маленькая дѣвица Бахметева, очень хорошенькая, дочь Дмитрія Александровича, о которомъ ты, вѣрно, слыхала. Ей всего 14 лѣтъ, но она такъ воспитана, что никого и ничего не испугается, за это я поручусь. Еще двѣнадцать дамъ должны появиться на сценѣ въ видѣ декораціи; такъ какъ роли послѣднихъ нѣмыя, охот-

ЭР03010

ницъ легко было найти. Наташа Корсакова, сестра ея Волкова, двѣ княжны Шаховскія, двѣ дѣвицы Полторацкія и другія, которыхъ я не знаю, разобрали всѣ роли. Я увѣрена, что спектакль будетъ хорошъ. Наряды этихъ дамъ баснословно дороги. Платье кн. Вѣры стóитъ двѣ тысячи, да брильянтовъ на ней будетъ тысячъ на шестьсотъ. Другія тоже покрыты будутъ брильянтами. Если погода снова не помѣшаетъ нашимъ увеселеніямъ, въ будущій понедѣльникъ я подробно опишу тебѣ весь праздникъ.

25 мая.

. . . . . .

Во вторникъ, наконецъ, былъ праздникъ, котораго ждали три недѣли; онъ былъ такъ блестящъ, что въ лучшія времена въ Москвѣ нельзя бы было придумать ничего великолѣпнѣе. Въ жизнь свою я еще не видала такого изобилія брильянтовъ, какъ въ этотъ вечеръ. Пятнадцать дамъ, участвовавшихъ въ прологѣ, были ими усыпаны, и на зрительницахъ было ихъ не малое количество. Даже для двора никогда не пускались въ такую роскошь. Въ ту минуту, какъ бюстъ государя явился въ храмѣ безсмертія, публика пришла въ такой необычайный восторгъ, что я ожидала минуты, когда всѣ бросятся на колѣни передъ изображеніемъ нашего обожаемаго монарха. Жалѣю, что онъ не былъ свидѣтелемъ всеобщаго благоговѣйнаго восторга. Храмъ былъ великолѣпный; устройствомъ его мы обязаны г. Поливанову, извѣстному своимъ талантомъ въ живописи, скульптурѣ и механикѣ. Словомъ, праздникъ обошелся въ двадцать пять тысячъ, но могу тебя увѣрить, что онъ стоилъ этихъ денегъ, — такъ онъ былъ хорошъ. Снаружи зданіе было прекрасно иллюминовано. Я жалѣю, что въ числѣ гостей не было представителей всей Европы. Они бы посмотрѣли, какова Россія и матушка-Москва, которую хотѣли уничтожить, а она такъ гордо, такъ величаво выступаетъ изъ развалинъ. Вчера былъ маленькій праздникъ во Всехсвятскомъ у г-жи Рябининой и кн. Шаховскихъ; насъ убѣдительно просили пріѣхать, но мнѣ помѣшали глаза, и ради меня вся семья осталась дома. Завтра въ деревнѣ Чесменской Вяземскій устроитъ праздникъ, мнѣ бы хотѣлось по-

ЭР03010

ѣхать туда, не знаю, позволятъ ли глаза. Съ среды половина знакомыхъ моихъ начнетъ разъѣзжаться. Въ четвергъ мы сами уѣзжаемъ. Къ концу недѣли изъ нашего кружка почти никого не будетъ въ городѣ, останутся только нѣкоторые изъ мужчинъ.

20 іюня.

. . . . . .

Я болтаю пустяки и забыла отвѣтить на твой вопросъ объ исторіи Карамзина. Онъ продолжаетъ работать съ большимъ рвеніемъ. Въ 12-мъ году, когда никто не ожидалъ, что война кончится благопріятно для Россіи, Карамзинъ объявилъ, что броситъ свое сочиненіе, если ему придется передавать потомству постыдный для русскихъ исходъ войны. Теперь же, напротивъ, онъ находитъ перо свое слишкомъ слабымъ для того, чтобы воспѣть славу, ознаменовавшую царствованіе императора Александра, и вѣкъ, въ которомъ мы живемъ. Онъ очень усердно трудится, стараясь какъ можно точнѣе передать всѣ событія, которыхъ мы были очевидцами. Событія, совершившіяся въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, намъ, современникамъ, кажутся чудомъ, значитъ, черезъ сто лѣтъ потомству они покажутся еще разительнѣе; ихъ можно объяснить только всемогуществомъ Божіимъ. Прощай, милый другъ, я могла бы исписать и эту страницу, если бы не прислали за моимъ письмомъ, чтобы отправить его на почту вмѣстѣ съ другими пакетами. Обнимаю тебя второпяхъ.

1816 г.

Москва, 3 января.

. . . . . .

Шаховскіе были у насъ съ визитомъ, и съ тѣхъ поръ я нигдѣ не могу ихъ поймать.

Ихъ домъ очень недуренъ, только не оштукатуренъ. Супругъ твой, навѣрное, сталъ бы надъ нимъ смѣяться, потому что одна часть стѣнъ деревянная, а другая— изъ кирпича. Въ будущемъ году все приведутъ въ

ЭР03010

порядокъ, а пока можно и такъ пожить, комнаты теплы, воздухъ въ нихъ хорошъ, что за бѣда, если обои невзрачны. Съ Рождества мы все ѣздимъ по гостямъ. Были на двухъ званыхъ обѣдахъ, на ужинѣ у Рябининой и у Оболенскихъ. Нынче приходится ѣхать на вечеръ, а въ четвергъ на балъ къ кн. Андрею Гагарину. Въ воскресенье будетъ балъ у Оболенскихъ, затѣмъ черезъ два дня опять балъ у кн. Щербатова, у котораго «глаза навыкатъ».

31 января.

До сихъ поръ не могу отдохнуть послѣ двухъ утомительныхъ вечеровъ. Мы плясали, какъ угорѣлые, у гр. Толстого въ четвергъ, а въ пятницу у Вяземскихъ танцы продолжались до 6 час. утра. Балъ былъ преудачный; давно я такъ не веселилась и не была такъ въ духѣ, какъ въ этотъ вечеръ. Ты скоро увидишь нашего милаго князя. Онъ вчера уѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ и пробудетъ тамъ до первой недѣли поста. Пожалуйста, не задерживайте его. Это наше сокровище, самое драгоцѣнное, мы всѣ его ревнуемъ. Онъ надѣется встрѣтиться съ тобой сейчасъ по пріѣздѣ у Грибоѣдовыхъ. Если увидишь его, передай ему отъ меня тысячу привѣтствій. Я люблю его всей душой.

Въ жизнь свою я много слыхала о магнетизмѣ. Это вещь очень интересная, но, признаюсь, я не желала бы, чтобы свѣдѣнія эти распространялись въ толпѣ: это можетъ повести къ страшнымъ злоупотребленіямъ, которыхъ послѣдствія трудно предвидѣть. Вообще не люблю я, когда стараются проникать въ тайны природы, въ особенности міра духовнаго. Я убѣждена, что есть люди, способные глубоко вникнуть въ тайны природы, но мнѣ кажется, что посредствомъ изученія міра физическаго не дойдешь до пониманія вопросовъ, относящихся къ міру духовному, которыхъ большинство людей не въ состояніи постичь. Не довѣряю я, признаюсь, всему, что выступаетъ изъ обыкновеннаго порядка вещей. Конечно, рѣшительнаго приговора я не позволю себѣ произнести надъ тѣмъ, что выше моего пониманія, но такъ какъ въ зрѣломъ возрастѣ нельзя не имѣть своего мнѣнія о всемъ, что видишь и слы-

ЭР03010

пишь, я передаю тебѣ мой личный взглядъ, который ты желаешь знать [1]).

28 февраля.

. . . . . .

Мы присмирѣли постомъ. По вечерамъ собирается у насъ человѣкъ десять, которые почти ежедневно встрѣчаются другъ съ другомъ, и время проходитъ тихо и безмятежно.

6 марта.

. . . . . .

Говорятъ, что половина петербургскихъ жителей перебирается за границу.—Вѣроятно, уѣзжаютъ подъ предлогомъ слабаго здоровья? Обыкновенно всегда сваливаютъ на здоровье въ этихъ случаяхъ.

27 марта.

Такъ и думала, что нездоровье помѣшало тебѣ писать. Мнѣ пріятно держать въ рукѣ твое письмо, какъ доказательство того, что ты поправилась. Одна изъ фразъ твоихъ мнѣ не по вкусу. Неужели ты была бы способна послѣдовать примѣру сумасшедшихъ, которые ѣдутъ въ чужіе края проживать свое состояніе и подавать иностранцамъ дурное мнѣніе о русскихъ? Вслѣдствіе чего являются у тебя подобныя фантазіи? Если бы я спросила тебя о достоинствѣ тѣхъ лицъ, которыхъ примѣру ты не прочь послѣдовать, то поставила бы тебя въ затрудненіе: ты не могла бы назвать ни одного лица, которое стоило бы того, чтобы ты ему подражала во всѣхъ отношеніяхъ. Исключаю тѣхъ, кто дѣйствительно боленъ, такихъ немного. У насъ и здѣсь есть нѣкоторыя особы, намѣревающіяся ѣхать за границу, какъ-то: обѣ гр. Кутайсовы, г-жа Шепелева, рожденная Баташова, которыя совсѣмъ умираютъ, и еще двѣ-три дамы. Изъ здоровыхъ одинъ кн. А. Г. поговариваетъ, и то весьма нерѣшительно, что недурно бы покинуть родину. Признайся, вѣдь не лестно сойтись во мнѣніяхъ съ такимъ господиномъ. Помнишь,

---

[1]) Отношеніе къ этому вопросу показываетъ, насколько М. А. Волкова была просвѣщеннымъ человѣкомъ.

ЭР03010

что сказалъ тебѣ г. Джонсъ однажды на ужинѣ у гр. Разумовскаго; ты восторгалась путешествіями, при чемъ онъ замѣтилъ, что изъ пяти тысячъ путешествующихъ женщинъ рѣдко можно встрѣтить одну порядочную. Какъ сейчасъ вижу наши мѣста за огромнымъ столомъ: Джонсъ стоялъ позади насъ, напропалую любезничая съ тобой, что, однако, не мѣшало ему тебѣ противорѣчить. Я вполнѣ согласна съ его мнѣніемъ. Сдѣлай одолженіе, откажись отъ странствованій по бѣлу свѣту; ты всегда о нихъ мечтала; этого я не могла тебѣ простить, когда ты была моложе, а теперь подавно не извиню, потому что ты мать семейства.

24 апрѣля.

. . . . . .

Нынче получила письмо твое отъ 17 числа. Мой милый кузенъ Г. выдумываетъ разныя неправдоподобныя причины для поѣздки своей. Повѣрь, если бы онъ не набѣдокурилъ, какъ 20-лѣтній мальчишка, и тѣмъ не повредилъ своей служебной карьерѣ,—словомъ, если бы не случилось многое, въ чемъ онъ самъ виноватъ, то онъ не относился бы враждебно ко всему, что видитъ и слышитъ, сидѣлъ бы себѣ спокойно на мѣстѣ; дѣтей воспитывалъ бы въ Россіи, изъ нихъ вышли бы хорошіе патріоты, а теперь они вернутся похожими на нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ, но вовсе не на русскихъ. По моему, правительству слѣдовало бы запретить воспитывать дѣтей въ чужихъ краяхъ, это приноситъ вредъ государству; не я одна такъ думаю, такого же мнѣнія люди поумнѣе меня. Тѣ, кто воспитывается въ Петербургѣ, выходятъ не вполнѣ русскими, а за предѣлами Россіи и подавно перестаютъ быть русскими. Двоюродный братецъ мой и не думаетъ, что его глупыя бредни служатъ доказательствомъ того, что самъ онъ былъ дурно воспитанъ. Я хорошо помню, какъ онъ выросъ въ Армянскомъ переулкѣ, въ центрѣ Москвы, и воспитанъ былъ своимъ отцомъ и матерью, съ которыми жилъ до 22 лѣтъ. Въ ту пору покойная мать его была очень дружна съ моей матушкой; вотъ почему я такъ хорошо помню это время.

ЭР03010

1 мая.

Съ послѣдней почтой не получила отъ тебя письма, милый другъ. Быть можетъ, ты наказываешь меня за то, что я не писала на прошлой недѣлѣ, и сестра потвоему поступила со мною. Впрочемъ, ты мать семейства, сама кормишь ребенка, у тебя пропасть хлопотъ, на тебя претендовать нельзя. Я—другое дѣло, у меня почти вовсе нѣтъ заботъ.

Я немного прихворнула, нѣсколько дней сидѣла дома, а теперь опять выѣзжаю попрежнему. Ужинала у г-жи Апраксиной въ большомъ обществѣ; между прочимъ, тутъ было все семейство кн. Голицыной, жены кн. Бориса. Кстати скажу тебѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ княгиня пріѣхала сюда съ своей дочерью Куракиной, всѣ здѣшніе священники держатся насторожѣ. Архіерей Августинъ пожелалъ ее видѣть, чтобы съ ней побесѣдовать. Съ тѣхъ поръ, какъ дамы эти вернулись, отыскиваютъ священника, который бы ихъ вразумилъ. Къ несчастію, княгиня не умѣетъ говорить по-русски, а священники наши плохо говорятъ по-французски. По этой же причинѣ Августинъ не добился желаемаго свиданія. Кн. Куракина хорошо говоритъ по-латыни, бесѣда могла бы происходить на этомъ языкѣ, но не знаю, почему не состоялась конференція у ея сіятельства съ его преосвященствомъ, который до того вооруженъ противъ католицизма, что онъ ему чудится всюду, и онъ ужасно возстаетъ противъ маніи переходить въ католичество. Проповѣдь его поучительна для всѣхъ вообще, но она имѣетъ непріятныя послѣдствія для семейства покойной кн. Шаховской. Родные ея вздумали украсить цвѣтами церковь и самый гробъ княжны; цвѣты мѣняли каждыя сутки, пока тѣло стояло въ церкви. У насъ не принято употреблять цвѣты на похоронахъ, впрочемъ иногда ими украшаютъ гробъ. Архіерей не присутствовалъ на похоронахъ, потому что княжна не желала, чтобы ее торжественно хоронили. Нашлись длинные язычки, которые передали преосвященному, что церковь и гробъ были убраны цвѣтами. Онъ былъ ужасно недоволенъ этимъ обстоятельствомъ, созвалъ всѣхъ священниковъ, участвовавшихъ въ погребальной церемоніи, сдѣлалъ имъ строгій

ЭР03010

выговоръ и грозилъ, что пожалуется на нихъ Синоду. Не знаю, жаловался онъ или нѣтъ, только Шаховскихъ очень встревожила эта исторія, тѣмъ болѣе, что имъ и въ голову не приходитъ обратиться въ католицизмъ, такъ же, какъ и всѣмъ намъ. Всѣ вообще не сочувствуютъ этому модному заблужденію; до сихъ поръ оно проявлялось лишь въ Петербургѣ, но внушаетъ такой страхъ, что не смѣешь заговорить даже о французскомъ молитвенникѣ, а то на васъ сейчасъ начнутъ коситься.

18 іюня.

Мари Сумарокова, будучи въ Петербургѣ, читала письмо г-на Христіанъ къ Мятлевымъ и разсказывала мнѣ о его содержаніи. Повидимому, у васъ Христіанъ пользуется большимъ довѣріемъ, чѣмъ его петербургскіе корреспонденты — здѣсь. Кн. Туркестанова и г-жа Нуазевиль усердно съ нимъ переписываются. Обѣ дамы пишутъ ему не только по почтѣ, но и съ каждой оказіей. Тотчасъ по полученіи писемъ «король Христинъ», какъ мы его называемъ, кладетъ ихъ въ карманъ, потомъ садится въ карету и ѣздитъ по всему городу, вездѣ разсказывая новости, о которыхъ ему пишутъ. Однажды, на балѣ, онъ поймалъ меня около камина и цѣлыхъ полчаса заставилъ слушать свою болтовню, пока не разсказалъ мнѣ всего, что узналъ въ этотъ день. Онъ забавно выражается и, какъ любезный французъ, разсказываетъ мастерски. Всѣхъ смѣшитъ, но никто не вѣритъ тому, что онъ говоритъ. Если кто-нибудь, сообщая новость, прибавляетъ, что узналъ ее отъ Христіана, значитъ, извѣстіе ложное. Ему сообщаютъ выдумки изъ Петербурга, а онъ отсюда пишетъ чепуху. Москва не уступитъ Петербургу въ разнаго рода сплетняхъ. Здѣсь толковали всю зиму объ исторіи Сергѣя Голицына, потомъ о іезуитахъ, затѣмъ о смерти г-жи Грушецкой, а ваши щеголихи разсказывали вздоръ о похоронахъ Шаховской. Немало болтали у насъ о сожженномъ пальцѣ кн. Куракиной [1]), о переселеніи за границу половины петербургскихъ жителей и, наконецъ, о женитьбѣ В. Васъ, надо при-

[1]) Настроенная іезуитами, она изъ религіознаго фанатизма сожгла себѣ палецъ въ каминѣ, желая быть мученицей.

ЭР03010

знаться, не щадили; чтобы отомстить намъ, вы жадно ухватились за единственное значительное происшествіе— за похороны Шаховской. Кто-нибудь могъ сказать въ видѣ глупой насмѣшки, что дѣлали репетицію похоронъ; но какъ можно повторять такую нелѣпость и вѣрить подобному вздору!

Только что успѣла я дочитать послѣдній томъ «Шотландскихъ вождей», когда принесли твое письмо. Ты спрашиваешь, какого я мнѣнія о величайшемъ изъ героевъ, о безсмертномъ Валласѣ? Я ожидала этого вопроса. Матвѣй, увидавъ этотъ романъ у меня на столѣ, разсказалъ мнѣ, что ты отъ него въ восторгѣ. Характеръ, которымъ ты восхищаешься, точно идеальный, но отъ этого-то онъ и неестественъ; въ дѣйствительности ты его не встрѣтишь. Вообще романисты, желая расположить читателей въ пользу своего героя, изображаютъ его какимъ-то совершеннымъ существомъ, котораго нельзя назвать человѣкомъ, потому что въ немъ соединяются всевозможныя качества. Таковъ Валласъ, Малекъ-Адель (г-жа Котенъ) и другіе. Такія сочиненія похожи на волшебныя сказки: въ нихъ все невѣроятно и неправдоподобно; я скорѣе отдамъ предпочтеніе Eugène de Bothelin, лорду Сеймуру и другимъ лицамъ въ ихъ родѣ, нежели этимъ безстрашнымъ и безупречнымъ рыцарямъ, которые для меня слишкомъ совершенны. Знаю, что ты начнешь мнѣ противорѣчить. Но, видишь ли, этимъ можно восхищаться въ пятнадцать лѣтъ, когда всѣ люди кажутся ангелами, а свѣтъ—раемъ; но, поживъ между людьми, пріобрѣтаешь опытность, видишь вещи въ надлежащемъ свѣтѣ поневолѣ. Что десять лѣтъ тому назадъ считала я возможнымъ, на то смотрю теперь не иначе, какъ на восьмое чудо.

Вотъ какъ я сужу о твоемъ пріятелѣ Валласѣ; будь онъ менѣе фантастиченъ, то сдѣлался бы и моимъ другомъ [1]).

---

[1]) Сужденіе, показывающее, что уже и среди русскихъ читательницъ того времени чувствовалась неудовлетворенность внѣшнимъ романтизмомъ и исканіе реальныхъ изображеній.

ЭР03010

13 ноября.

. . . . . .

Нынче я не поѣду къ гр. Ростопчиной, но я была у нея на двухъ первыхъ вечерахъ. Что тамъ опять насочиняли тебѣ про эти вечера? Правда, что въ половинѣ 9-го съѣзжаются всѣ гости,—что же тутъ удивительнаго? Графиня—больная женщина, ей вредно долго сидѣть, не уморить же ей себя для нашего удовольствія. Мы пляшемъ до часу. Танцуемъ вальсъ, мазурку, котильонъ,—словомъ, что вздумаемъ; оркестръ плоховатъ, всего 4 музыканта, къ концу вечера они до того устаютъ, что едва слышно играютъ. Графиня не хочетъ увеличить оркестра, боясь, чтобы ея танцовальные вечера, какъ она ихъ называетъ, не стали походить на балы. Младшая дочь ея очаровательна. Если бъ мнѣ пришлось чаще ее видѣть, я была бы отъ нея безъ ума. Старшая лицомъ красива, но ужасно манерничаетъ.

Москва съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе оживляется, всѣхъ баловъ не перечтешь. Говорятъ, что у васъ очень скромно проводятъ время. Апраксины боятся соскучиться, имъ не хочется отсюда уѣзжать; братъ ихъ, потихоньку отъ матери и въ особенности отъ бабушки, хлопоталъ, чтобы продлили его отпускъ. Жаль, что у него страсть къ шарадамъ: каждую среду онъ докучаетъ намъ своими тошными шарадами. Крѣпко обнимаю тебя..

ДВНБ

ЭР03010

Указатель литературы о Грибоѣдовѣ.

ДВГНБ

ЭР03010

ДВГНБ

ЭР03010

Указатель литературы о Грибоѣдовѣ.

А. Собранія сочиненій и отдѣльныя изданія комедіи „Горе отъ ума".

1. *Грибоѣдовъ, А. С.* Полное собраніе сочиненій, подъ редакціей И. А. Шляпкина, въ 2 т. Спб. 1889.

Наиболѣе полное и научное изданіе, съ библіографическимъ указателемъ и примѣчаніями. Прекрасная біографическая канва.

2. *Грибоѣдовъ, А. С.* Полное собраніе сочиненій, подъ редакціей А. И. Введенскаго. Спб. 1892.

3. Грибоѣдовъ и его сочиненія. Изд. Серчевскаго. Спб. 1858.

Въ этомъ изданіи даны біографическіе матеріалы и обзоръ критическихъ статей о комедіи „Горе отъ ума", помѣщенныхъ въ журналахъ съ 1825 по 1857.

4. Горе отъ ума. Изд. „Русской книжной торговли", подъ ред. И. Д. Гарусова. Спб. 1875.

5. Русская библіотека. Изд. Стасюлевича. Вып. V, съ очень цѣнной статьей А. Н. Веселовскаго. Спб. 1875 и 1878.

6. Горе отъ ума. Съ предисловіемъ А. С. Суворина — „Горе отъ ума" и его критики. Спб. 1888.

7. Горе отъ ума. Въ изданіи „Дешевой библіотеки" А. С. Суворина (ред. П. А. Ефремова).

8. Горе отъ ума. Изд. Историческаго музея. М. 1903.

Данъ текстъ подлинной авторской рукописи, представляющій одну изъ первоначальныхъ редакцій комедіи и очень цѣнный для характеристики работы Грибоѣдова надъ „Горе отъ ума".

Б. Біографическіе матеріалы и біографіи.

1. *А. М. Скабичевскій.* Біографія Грибоѣдова въ „Біографической библіотекѣ" Павленкова.

2. *А. Д. Алферовъ.* Грибоѣдовъ и его пьеса (біографическій очеркъ). Изд. Гросманъ и Кнебель. М. 1897.

3. *В. Ѳ. Боцяновскій.* А. С. Грибоѣдовъ. „Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ", сезонъ 1893—1894 г., приложеніе, кн. 3.

4. *А. Н. Веселовскій.* См. выше, въ отдѣлѣ А, № 5, а также въ книгѣ „Этюды и характеристики". Изд. 1-е и 3-е.

ЭР03010

5. *П. Е. Щеголевъ.* А. С. Грибоѣдовъ и декабристы (по архивнымъ матеріаламъ). Съ приложеніемъ факсимиле дѣла о Грибоѣдовѣ, хранящагося въ государственномъ архивѣ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1905.

6. *А. И. Смирновъ.* А. С. Грибоѣдовъ, его жизненная борьба и судьба комедіи его „Горе отъ ума". „Варшавскія Университетскія Извѣстія". 1895, кн. VI.

7. *Д. А. Смирновъ.* А. С. Грибоѣдовъ. Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ. „Бесѣды общества любителей россійской словесности". 1868. Вып. 2.

8. *Н. В. Шаломытовъ.* Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смирнова. Къ біографіи А. С. Грибоѣдова. Спб. 1909.

В. Критическая оцѣнка литературной дѣятельности Грибоѣдова.

1. *Статьи В. Г. Бѣлинскаго:* „Горе отъ ума" (1840). Т. III Солдатенковскаго изд., т. I Павленковскаго изд. и т. V—Венгеровскаго; „Русская литература въ 1841 г." (1842). Т. VI Солдатенковскаго изд., т. II Павленковскаго изд. и т. VII—Венгеровскаго.

2. *Ап. Григорьевъ.* Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина (1859). Соч. Т. I.

3. *И. А. Гончаровъ.* Милліонъ терзаній.

4. *А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской литературы. Т. IV (см. также „Вѣстникъ Европы", 1890, январь).

5. *А. Н. Веселовскій.* Статья „Альцестъ и Чацкій" въ книгѣ „Этюды и характеристики".

6. *Перетцъ.* Грибоѣдовъ и его раннія произведенія. „Историческій Вѣстникъ", 1895. I.

7. *Авдѣевъ.* Статьи о Чацкомъ и Софьѣ въ книгѣ „Наше общество въ герояхъ и героиняхъ литературы за 50 лѣтъ". Спб. 2-е изд. 1907.

8. *И. И. Ивановъ.* „Годовщина грибоѣдовской славы" въ книгѣ „Новая культурная сила". Спб. 1901.

9. *Андреевскій.* „Къ столѣтію Грибоѣдова", статья въ книгѣ „Литературные очерки". Спб. 3-е изд. 1902.

10. *Ю. И. Айхенвальдъ.* Статья о Грибоѣдовѣ въ I т. „Силуэтовъ". М. 2-е изд. 1908.

11. *Н. Котляревскій.* Литературныя направленія Александровской эпохи, гл. VIII. Изд. „Свѣточа". Спб. 1907.

12. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Исторія русской интеллигенціи. Т. I, главы 1, 2 и 3. Изд. Саблина. М. 1906.

13. *В. В. Каллашъ.* Грибоѣдовъ и Чацкій. „Русская Мысль". 1904. Кн. I и II.

14. *Н. К. Пиксановъ.* А. С. Грибоѣдовъ. Вып. 3-й „Исторіи русской литературы XIX в.", подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.

ЭР03010

Г. Грибоѣдовъ и современное ему общество.

1. Записки Ф. Ф. Вигеля. Изд. „Русскаго Архива“. М. 1891—1893.
2. Записки В. Панаева. „Вѣстникъ Европы“. 1869.
3. Записки Сергѣя Глинки. Изд. „Русской Старины“. Спб. 1895.
4. *Жихаревъ*. Записки современника. Ч. I — Дневникъ студента. Спб. 1859; ч. II—Дневникъ чиновника, „Отечественныя Записки“ 1855.)
5. Грибоѣдовская Москва. „Вѣстникъ Европы“. 1874—1875. (переписка М. А. Волковой и В. И. Ланской.
6. *Кн. П. А. Вяземскій*. Сочиненія, т. VII, статьи: „Допотопная или допожарная Москва“ и „Грибоѣдовская Москва“.
7. *А. И. Кирпичниковъ*. „Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и гр. Л. Н. Толстого“, въ книгѣ „Очерки по исторіи новой русской литературы“. Т. I. Изд. 2-е. М. 1903.
8. *А. Н. Пыпинъ*. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. Изд. 3-е. 1903.

Подробная литература о Грибоѣдовѣ указана у Н. К. Пиксанова —„Матеріалы для библіографическаго указателя произведеній А. С. Грибоѣдова и литературы о немъ“ (отдѣльно или въ „Ученыхъ Запискахъ Юрьевскаго Университета“. 1903. IV).

ДВГНБ

ЭР03010

ДВГНБ

Д-В. К... Я
БИБЛИОТЕКА

ЭР03010

ДВГНБ

ЭР03010

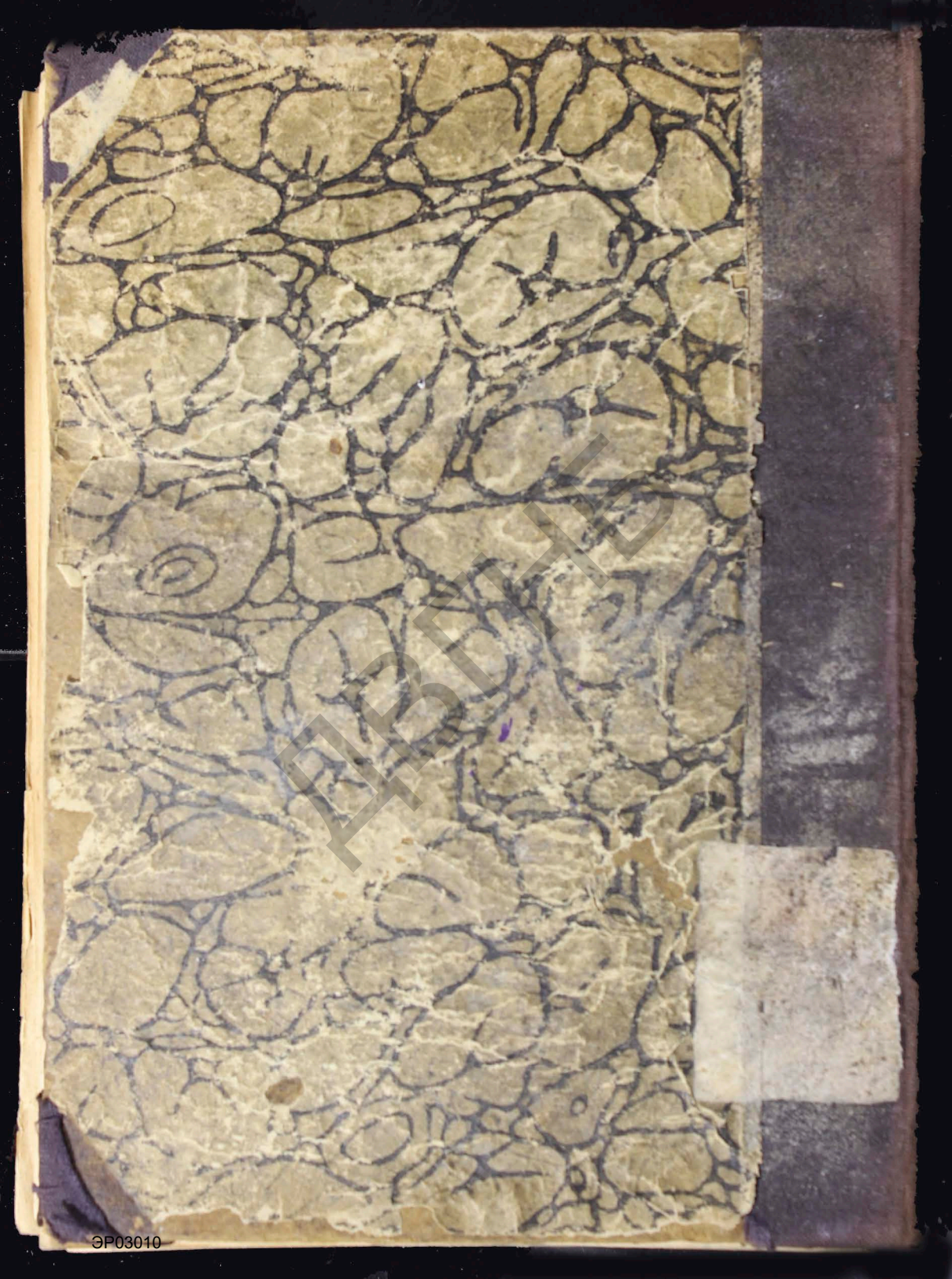
2р26к

ДВГНБ

ЭР03010

ДВГНБ

ЭР03010

ЭР03010